
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

БЫВШАГО ГВАРДЕЙСКАГО САПЕРА

О ПОЛЬСКОЙ ВОИНѢ 1831 ГОДА

I.

Въ ноябрѣ 1830 года вспыхнуло въ Варшавѣ возмущеніе, велѣдъ за тѣмъ быстро распространившееся по всему Царству Польскому и вызвавшее справедливое негодованіе русскаго народа на неблагодарность Поляковъ. Когда государь на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, съ замѣтнымъ волненіемъ, объявилъ о варшавскомъ мятежѣ, всѣ бывшіе на разводѣ гвардейскіе офицеры бросились къ сидѣвшему на конѣ государю, цѣловали его руки и громкими восклицаніями изъявляли готовность жертвовать жизнію для усмиренія крамольниковъ и поддержанія чести Россіи. Это патриотическое настроеніе вполнѣ раздѣлялось всѣми классами населенія и разливалось по всей Россіи. Оно выразилось, въ числѣ прочаго, въ одушевленныхъ стихахъ Туманскаго, подъ названіемъ: *Изъѣна Польши*, которые хотя и не были напечатаны, но въ спискахъ ходили по рукамъ. Вотъ нѣсколько послѣднихъ, болѣе выдающихся строфъ:

О, русскій царь! отчизны славной
Хранитель мощный и молодой!
Когда проникъ въ твой слухъ державный
Варшавы голоозъ роковой,
Когда въ торжественномъ покоѣ,
Ты, свѣтаый ликомъ, въ грозномъ строѣ

Тѣлохранителей твоихъ.
 Имъ возвѣстидъ мятежъ безумный,
 Ты слышалъ кликъ ихъ вѣрный, шумный,
 Ты зрѣлъ негодованье ихъ.
 Ты слышалъ вопиовъ рыданья,
 Ты видѣлъ пламень ихъ очей,
 Ты чувствовалъ сыновъ лобзанья
 На длани царственной твоей.

О, зрѣлище добра и силы!
 Казалось, ангелъ огнекрылый
 Въ тотъ мигъ надъ Русью пролеталъ,
 И полный тайнымъ удивленьемъ
 Царя и Русь благословялъ.
 И мы кипимъ и негодуемъ.
 Подобно ратникамъ твоимъ;
 Мы также длань твою цѣлуемъ,
 Мы также вѣрностью горимъ!
 Съ непоколебимою любовью
 Мы словомъ, чувствомъ, мыслью, кровью,
 Готовы жертвовать тебѣ.

Воспрянь, о царь! могучимъ духомъ,
 Воспрянь за честь земли твоей!
 Да рѣзлетится легкимъ духомъ
 Гнѣздо измѣнъ и мятежей!
 Реки: „нѣтъ Польши“, и не будетъ,
 И имя Польши мѣръ забудетъ.
 И на развалинахъ ея,
 Красою юною сіяя,
 Возникнетъ Русь передовая,
 Дщерь неизмѣнная твоя!

Около половины декабря гвардейскому корпусу приказано было готовиться къ походу въ предѣлы Царства Польскаго, на присоединеніе къ дѣйствующей арміи. Лейбъ-гвардіи саперному батальйону назначено было выступить изъ Петербурга 4-го января 1831 года, въ головѣ гвардіи, съ лейбъ-гвардіи гренадерскимъ полкомъ и лейбъ-гвардіи конно-піонернымъ эскадрономъ. Къ десяти часамъ утра этого дня, при морозѣ въ 24°, батальйонъ былъ выстроенъ у Нарвской заставы, въ ожиданіи прибытія императора, но когда государь подѣхалъ, то музыканты не могли проиграть встрѣчнаго марша, потому что мѣдныя трубы отъ сильнаго мороза издавали невнятные звуки. Государь изволилъ остаться весьма доволенъ скорымъ приве-

деніемъ батальйона въ военное положеніе, и удостоилъ при прощаніи съ саперами выразить свою увѣренность, что если имъ придется сражаться противъ мятежниковъ, то они отличатся не менѣе какъ въ 1828 году. Въ строю, при выступленіи батальйона, командовалъ имъ генераль-майоръ Шильдеръ; но такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, то командованіе въ продолженіе похода было поручено младшему штабъ-офицеру, полковнику князю Вадбольскому. По маршевому порядку, установленному для гвардейскихъ войскъ, лѣвъ-гвардіи саперный батальйонъ состоялъ въ лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Шеншина. Непостоянство петербургскаго климата ознаменовалось очень рѣзко въ первые же два дня нашего похода. Послѣ жестокаго мороза, бывшаго въ день выступленія, наступила совершенная оттепель, сопровождавшаяся дождемъ, которая весьма испортила дорогу. Батальйонъ прослѣдовалъ чрезъ Лугу и Псковъ въ Якобштадтъ, гдѣ 8-го февраля переправился черезъ рѣку Двину. Здѣсь маршрутъ былъ измѣненъ, и вмѣсто Вильны, батальйонъ былъ направленъ въ Ковно, куда прибылъ 23-го февраля, и присоединялся ко 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, поступилъ въ составъ правой колонны гвардейскихъ войскъ, подъ начальство генераль-адъютанта Бистрома. На другой день этотъ доблестный, маститый генералъ, столь любимый всѣми солдатами, которые называли его Быстровымъ и Орломъ, присутствовалъ при молебствіи съ колѣнопреклоненіемъ, отслуженнымъ на городской площади, послѣ чего батальйонъ, въ головѣ 3-й гвардейской бригады, перешелъ по судовому мосту черезъ рѣку Нѣманъ, у самаго города, и съ криками *ура* сталъ подниматься на возвышенный противоположный берегъ. Пока батальйонъ выстраивался на возвышенномъ плато въ предѣлахъ Царства Польскаго, я не могъ налюбоваться красивымъ видомъ, открывшимся съ него на городъ Ковно и живописную долину Нѣмана, а затѣмъ поскакалъ на холмъ, гдѣ, по туземному преданію, стояла ставка императора Наполеона I, когда этотъ новый Ксерксъ, съ огромнымъ полчищемъ своимъ, переправлялся черезъ Нѣманъ въ 1812 году для вторженія въ Россію. Слѣдуя далѣе по прекрасному шоссе, на которомъ стояли верстовые столбы и заставы, окрашенные польскими національными цвѣ-

тами (краснымъ и бѣлымъ), становилось для насъ замѣтнымъ, что мы перешли границу Царства, но самая страна (Августовское воеводство) ничѣмъ рѣзко не разнилась отъ недавно пройденной Литвы. Со вступленіемъ батальйона въ предѣлы Царства Польскаго, было ему приказано слѣдовать со всѣми предосторожностями военнаго времени и въ особенности соблюдать ихъ на ночлегахъ, ибо хотя и не было по близости мятежническихъ войскъ, но въ огромныхъ, густыхъ лѣсахъ Августовскаго воеводства укрывались довольно значительныя банды повстанцевъ и формировались кракускіе полки (родъ мятежнической милиціи) окрестными весьма зажиточными польскими помѣщиками, усерднѣйшими сподвижниками которыхъ были ксендзы и монахи, старавшіеся нафанатизировать противъ насъ сельское народонаселеніе. Последнее однакожь не охотно поддавалось ихъ наущеніямъ, ненавидя своихъ ясновельможныхъ пановъ, угнетавшихъ и разорявшихъ бѣдныхъ, смиренныхъ Литвиновъ, на которыхъ, какъ извѣстно, они смотрятъ какъ на низшую расу, созданную только для ихъ обогащенія и для того, чтобы служить орудіемъ ихъ революціонныхъ замысловъ и измѣнническихъ дѣйствій противъ русскаго правительства. Жители мѣстечекъ и деревень очень опасались, чтобы по проходѣ нашихъ войскъ, повстанцы, укрывшіеся въ лѣсахъ, не пришли ихъ разорять и принуждать къ вступленію въ банды. Болѣе другихъ опасались ихъ неистовствъ Жиды и Нѣмцы, по большей части Пруссаки, въ значительномъ числѣ проживавшіе въ мѣстечкахъ и занимавшіеся, первые, мелочною торговлей, а послѣдніе, ремеслами. Польская шляхта видѣла въ нихъ русскихъ шпионовъ, и многіе изъ нихъ уже были повѣшены повстанцами до нашего прихода.

27-го февраля, въ Маріамполѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ, генераль-инспекторъ по инженерной части и командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, дѣлалъ намъ смотръ и остался весьма доволенъ. Согласно маршруту, батальйонъ прослѣдовалъ чрезъ Августовское воеводство, на Сувалки, Августово, Гайгродъ, 10-го марта прибылъ въ городъ Ломжу, назначенный для мѣстопробыванія великаго князя Михаила Павловича и штаба гвардейскаго корпуса, и получилъ приказаніе слѣдовать далѣе, по шоссе, въ городъ Остроленку, для поступленія въ отрядъ генераль-лейтенанта барона Остенъ-Сакена, прикрывавшій Августовское воевод-

ство. По прибытіи въ Остроленку, 12-го марта, батальионъ былъ размѣщенъ по-ротно по ближайшимъ къ городу деревнямъ, но уже на другой день получилъ приказаніе собраться въ Остроленку, такъ какъ было получено извѣстіе, что значительный польскій отрядъ приближается къ этому городу, подлѣ котораго находился большой мостъ, на сваяхъ, черезъ рѣку Наревъ. Въ ночь на 14-е марта, саперы, по обѣимъ сторонамъ моста, построили батареи, на которыя были поставлены 12 орудій. Утромъ городъ Остроленка представлялъ весьма оживленный видъ. Батальионъ армейской пѣхоты занималъ городскую площадь, куда уланы и казаки прибыли съ донесеніями съ нашихъ аванпостовъ, отступившихъ при приближеніи превосходнаго въ силахъ непріятеля. Я получилъ приказаніе приступить къ постройкѣ предмостнаго укрѣпленія на 3 орудія, но оно не было еще въ половину окончено, какъ, въ 3 часа пополудни, густое облако пыли вдали обнаружило приближеніе непріятеля, и казаки, содержащіе разъѣзды по той сторонѣ рѣки, отступили черезъ мостъ въ городъ; за ними послѣдовалъ и я съ своими саперами съ недоконченной батареей. Когда непріятельскія колонны приблизились на пушечный выстрѣлъ къ мосту, нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ ядрами и гранатами съ нашихъ береговыхъ батарей, изъ коихъ лѣвая отъ моста брала ихъ во флангъ, по причинѣ заворота шоссе, произвели въ нихъ замѣшательство. Они остановились и, къ большому удивленію нашему, отступили, занявъ арріергардомъ своимъ каменныя строенія суконной фабрики, составлявшія какъ бы маленькую колонію, обитаемую прусскими подданными и отстоящую отъ города по шоссе на 1½ версты. Къ вечеру зажгли они бивуачные огни, а я приступилъ къ продолженію постройки начатаго мною утромъ предмостнаго укрѣпленія, которое было окончено къ 6 часамъ слѣдующаго утра и вооружено тремя орудіями. Непріятель ночью насъ не тревожилъ, мы же, отъ времени до времени, посылали къ нему ядра съ нашей лѣвой береговой батареи. Съ восходомъ яркаго весенняго солнца, мѣстность передъ мостомъ представила живописную военную картину. Съ помощію зрительной трубы, съ лѣваго возвышеннаго берега Нарева можно было ясно разглядѣть расположеніе непріятельскихъ аванпостовъ, группы солдатъ, грѣвшихся около бивуачныхъ костровъ, и другихъ, носившихъ фашины, вѣро-

ягнѣ, для постройки укрѣпленій. Передъ ними разѣзжали наши казаки, содержавшіе передовую цѣпь. Въ полдень прибылъ въ городъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, послѣшнѣно присланный великимъ княземъ Мпхаломъ Павловичемъ изъ Ломжи для подкрѣпленія нашего отряда, и рота лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальйона. Казаки привели нѣсколько взятыхъ ими въ плѣнъ, на аванпостахъ, кракусовъ, молодыхъ людей, очень измученныхъ. Теперь стало извѣстно, что направленный для нападенія на Остроленку польскій отрядъ состоялъ подъ начальствомъ генерала Уминскаго, авангардъ котораго производилъ вчерашнюю рекогносцировку; но послѣдняя должна была убѣдить его, что не такъ-то легко выгнать насъ изъ Остроленки. При первомъ извѣстіи о движеніи Поляковъ на Остроленку, великій князь приблизилъ къ ней полки 2-й гвардейской дивизіи. 17-го марта, польскій отрядъ, занимавшій фабричное селеніе, отступилъ по направленію къ Пултуску. Бѣдные Пруссакіи были разграблены, и мы заняли ихъ разбитые нашими ядрами дома наблюдательнымъ постомъ. Затѣмъ батальйонъ приступилъ къ прочному исправленію Остроленскаго моста, который былъ уже разъ подожегъ Поляками и лишь слегка поправленъ, не задолго до прибытія батальйона въ Остроленку, польской службы инженеръ-капитаномъ путей сообщенія Гафнеромъ, родомъ Швейцарцемъ, весьма способнымъ и хорошимъ инженеромъ, очень преданнымъ Россіи, за что Поляки, еще при началѣ возмущенія, собирались его повѣсить.

Для удобнѣйшаго сообщенія съ правымъ берегомъ Нарева, саперамъ приказано было построить у города, ниже постоянного моста, другой мостъ на плотахъ, который и былъ наведенъ къ 22-му марта. Батальйонъ, окончивъ всѣ возложенныя на него работы, получилъ приказаніе выступить изъ Остроленки въ Ломжу, для укрѣпленія этого важнаго въ стратегическомъ отношеніи города, находящагося на соединеніи дорогъ изъ Варшавы, Бѣлостока и Ковно. Судорождство по Нареву и близость прусской границы побудили избрать Ломжу главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ запасовъ, доставляемыхъ изъ Россіи по Нареву и сухопутно изъ Пруссіи, устроить въ этомъ городѣ госпиталь на 2.000 человекъ и расположить артиллерійскій паркъ. Командиръ лейбъ-гвардіи сапернаго батальйона, генералъ-майоръ Шильдеръ, которому было поручено составить проектъ укрѣпле-

ній Ломжи, предложилъ окружить городъ отдѣльными сомкнутыми временными укрѣпленіями, соединенными ложементами для стрѣлковъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, лично осмотрѣвъ, 28-го марта, мѣстность окружающую Ломжу, утвердилъ предположенія нашего генерала, и въ тотъ же день приступлено было къ устройству всѣхъ предположенныхъ укрѣпленій. Къ работамъ приступлено было 29-го марта, и въ помощь къ саперамъ назначалось ежедневно по два батальйона отъ полковъ 1-й гвардейской дивизіи, расположенныхъ въ Ломжѣ и по ближайшимъ окрестнымъ деревнямъ. Постройка передовыхъ укрѣпленій и ложементовъ шла весьма успѣшно, когда 8-го апрѣля получено было приказаніе главнокомандующаго арміей гвардейскому корпусу слѣдовать въ мѣстечко Нуръ по Нареву. Для окончанія земляныхъ работъ оставлена была въ Ломжѣ рота его высочества (2-я саперная), а остальные три выступили, 9-го апрѣля, къ Остроленкѣ, куда прибыли въ тотъ же день, слѣлавъ переходъ въ 35 верстъ. Отсюда 1-ая минерная рота, подъ командой штабсъ-капитана Набалова *, командирована была въ передовой отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена, для постройки плотового моста черезъ рѣку Наревъ, у села Рожанъ. Рота его величества и 2-я минерная, оставлены были въ Остроленкѣ для вязки плотовъ, которые, по окончаніи работъ, были спущены 10-го апрѣля внизъ по Нареву, до Рожанъ. Возвратившись оттуда въ этотъ день, командиръ батальйона привезъ извѣстіе о происходившемъ наканунѣ блистательномъ дѣлѣ отряда генерала барона Остенъ-Сакена, въ пяти верстахъ отъ Рожанъ, у мѣстечка Сельковъ, противъ польскаго отряда, занимавшаго весьма выгодную позицію. Особенно отличился въ этомъ дѣлѣ одинъ эскадронъ Новомиргородскаго уланскаго полка, который подъ командой ротмистра Бренштейна, ворвался въ лѣсу въ польскій батальйонъ, смялъ его и принудилъ положить оружіе, но отрѣзанный другимъ батальйономъ, пробился чрезъ него, и отступилъ въ совершенномъ порядкѣ, при чемъ однакожь отважный Бренштейнъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь на вылетъ. Начальникъ польскаго отряда полковникъ Левинскій съ частію гарнизона крѣпости Модлина имѣв-

* Нынѣ генералъ-майоръ, членъ временнаго общаго присутствія инженернаго управленія.

шій намѣреніе пробиться въ Августовское воеводство и Литву, для подкрѣпленія регулярнымъ войскомъ образовавшихся тамъ повстанскихъ шаекъ, отступилъ обратно къ Модлину. Отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена остался послѣдѣмъ при Селькахъ въ Рожанахъ, образуя авангардъ отдѣльнаго отряда, составленнаго, по распоряженію великаго князя, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома, изъ гвардейской легкой кавалерійской дивизіи, 4-й гвардейской пѣхотной бригады и 24 орудій, съ цѣлю очистить отъ мятежниковъ все пространство страны между Бугомъ и Наревомъ. Отрядъ этотъ, выступившій 5-го апрѣля на Вышковъ, и мѣлъ только нѣсколько небольшихъ перестрѣлокъ съ мятежниками, отступившими при приближеніи отряда на правый берегъ Наревы. Въ одной изъ нихъ лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона штабсъ-капитанъ Вендтъ * ранилъ смертельно въ цѣпи польскаго офицера, который былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Остроленку, гдѣ и умеръ. Передъ смертію онъ пригласилъ штабсъ-капитана Вендта къ себѣ и протянулъ ему при прощаніи руку.

11-го апрѣля пришло въ Остроленку, занятую только двумя ротами нашего батальона, извѣстіе, оказавшееся потомъ неосновательнымъ, что Поляки въ значительныхъ силахъ вторично направляются на Остроленку, и что баронъ Остенъ-Сакенъ отступаетъ отъ Рожанъ. Генералъ Шильдеръ, отправивъ къ послѣднему немедленно за приказаніями прапорщика Рошета, приказалъ штабсъ-капитану Бухметтеру, приготовить все къ разрушенію какъ плотоваго моста, такъ и моста на сваяхъ, по которому были перевезены оба орудія предмостнаго укрѣпленія и ими усилены береговыя батареи. Къ вечеру получено было изъ Ломжи приказаніе двумъ ротамъ нашимъ выступить на другой день въ мѣстечко Нуръ, на рѣкѣ Бугѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Остроленки, для построенія тамъ чрезъ эту рѣку моста для перехода гвардейскаго корпуса, направляющагося на соединеніе съ главною нашею арміей. 12-го апрѣля, на пути слѣдованія, въ деревнѣ Комаровѣ, присоединилась къ батальону 1-я минерная рота, которую баронъ Остенъ-Сакенъ отпустилъ изъ своего отряда, приказавъ ей до отправленія своего разру-

* Въ послѣдствіи командиръ этого батальона и начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи.

шить только что наведенный ею у Рожанъ плотовой мостъ. Въ мѣстечкѣ Островѣ, 13-го апрѣля, батальионъ присоединился ко 2-й гвардейской дивизіи, и прибывъ 14-го числа въ мѣстечко Нуръ, расположился подлѣ него бивуакомъ на правомъ берегу рѣки Буга. Устройство чрезъ послѣдній постояннаго моста уже производилось, подлѣ вѣдѣніемъ присланнаго изъ главной квартиры арміи, расположенной въ городѣ Сѣдльцѣ, путей сообщенія поручика Евреинова; * но для успѣшнѣйшей переправы черезъ рѣку Бугъ, генералъ Шильдеръ вызвался выстроить ниже перваго еще другой мостъ, который, къ общему удивленію, былъ наведенъ въ двое сутокъ и состоялъ частію изъ козловъ, частію изъ плотовъ, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣсколькихъ прусскихъ торговыхъ лодокъ, такъ-называемыхъ берлинокъ, подвозившихъ къ Нуру муку. Нашъ импровизованный мостъ поспѣлъ двумя днями прежде моста поручика Евреинова, хотя, конечно, уступалъ ему въ прочности. За успѣшную постройку его генералъ-адъютантъ Бистромъ очень благодарилъ саперовъ.

Къ 18-му апрѣля весь гвардейскій корпусъ собрался у мѣстечка Нуръ и ожидалъ приказанія фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго перейти Бугъ для присоединенія къ главной арміи. 19-го апрѣля мы участвовали въ церковномъ парадѣ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, по случаю свѣтлаго праздника Пасхи. Погода стояла прекрасная, саперы весело разговѣлись, пѣсни и музыка слышались отовсюду, какъ вдругъ общее веселое настроеніе нѣсколько смутилось внезапнымъ заболѣніемъ сильнѣйшею холерой двухъ саперовъ, которые къ вечеру умерли въ ужасныхъ страданіяхъ. Уже нѣсколько времени носились слухи, что болѣзнь эта, занесенная войсками 2-го корпуса изъ Бреста въ Сѣдльце, очень распространилась въ главной арміи и ежедневно похищала множество жертвъ. Распоряженіе фельдмаршала относительно перехода гвардіей рѣки Буга было внезапно въ этотъ же день измѣнено: 2-я гвардейская пѣхотная дивизія и лейбъ-гвардіи саперный батальионъ получили приказаніе выступить 20-го апрѣля обратно въ Остроленку и расположиться въ ея окрестностяхъ, а 1-я гвардейская—занять мѣста прежняго своего расположенія въ окрестностяхъ города Ломжи; 2-я минерная

* Былъ военный инженеръ-генералъ-майоръ, управляющій петергофскимъ дворцовымъ правленіемъ.

рота, подъ командой штабсъ-капитана Назимова, была оставлена въ мѣстечкѣ Нурѣ для охраненія мостовъ, а рота его величества и 1-я минерная, по прибытіи, 23-го апрѣля, въ Остроленку, расположились бивуакомъ въ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, около котораго разставлена была санитарная цѣпь для отвращенія занесенія въ него холеры. Последняя между тѣмъ очень усилилась въ гвардейскихъ полкахъ отъ стоявшей нѣсколько дней дождливой и очень холодной погоды, и въ особенности свирѣпствовала въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку и Финскомъ стрѣлковомъ батальонѣ. Въ саперномъ же, къ общему удивленію, послѣ первыхъ двухъ случаевъ бывшихъ въ мѣстечкѣ Нурѣ, заболѣвавшихъ не было. Главная квартира генераль-адъютанта Бистрома находилась въ Остроленкѣ.

29-го апрѣля досталось мнѣ по очереди отправиться съ командой на фуражировку по реквизиціонной системѣ. Исполнивъ возложенное на меня порученіе, я уже возвращался къ батальйону съ нѣсколькими возами овса и сѣна, какъ встрѣтилъ на дорогѣ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ. Отъ офицеровъ его узналъ я, что 4-я гвардейская бригада (егерскій и Финляндскій полки) и наши двѣ роты получили въ ночь приказаніе выступить отъ Остроленки въ мѣстечко Вонсево; туда же направлялись и драгуны. Я поспѣшилъ прибыть въ Остроленку, гдѣ засталъ еще нашъ батальйонный лазаретъ и батальйоннаго казначея, сообщившаго мнѣ, что великій князь получилъ наканунѣ отъ фельдмаршала увѣдомленіе о переходѣ значительнаго корпуса мятежниковъ черезъ Наревъ у города Сироцка, съ цѣлію атаковать гвардію. Въслѣдствіе этого генераль-адъютантъ Бистромъ получилъ приказаніе, принявъ начальство надъ авангардомъ, составленнымъ изъ 4-й гвардейской бригады, двухъ ротъ саперовъ и одной гвардейской пѣшей батареи, выступить навстрѣчу Полякамъ. Сдавъ казначею мою добычу, я отправился нагонять батальйонъ, который и настигъ ночью на бивуакѣ передъ мѣстечкомъ Вонсево. На другой день, 1-го мая, авангардъ выступилъ къ селу Прштицы, гдѣ послѣ ночлега получилъ приказаніе возвратиться въ Вонсево. Въ Прштицахъ оставленъ былъ передовой отрядъ подъ начальствомъ командира лейбъ-гвардіи егерскаго полка генераль-майора Полешко, изъ одного батальйона лейбъ-гвардіи егерскаго полка, двухъ ротъ Финскаго стрѣлковаго батальйона, двухъ легкихъ

гвардейскихъ орудій, команды: саперовъ съ прапорщикомъ Коваленскимъ и трехъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. За авангардомъ, въ селѣ Червинѣ, находилась 3-я гвардейская пѣхотная бригада (лейбъ-гвардіи Измайловскій и Павловскій полки). 1-я гвардейская пѣхотная и кирасирская дивизіи съ резервною артиллеріей были сосредоточены у Замброва. О приближеніи Поляковъ въ это время ничего не было слышно, холера замѣтно уменьшилась во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, даже и въ лейбъ-гвардіи егерскомъ, въ которомъ было наибольшее число ея жертвъ. Вправо отъ бивуака саперныхъ ротъ виднѣлись рядомъ двѣ свѣжія могилы, оскѣненные деревянными крестами; на одномъ была русская надпись, указывавшая, что тутъ похороненъ сотникъ Черноморскаго полка убитый мятежниками въ передовой стычкѣ, за двѣ недѣли до нашего прихода; на другомъ крестѣ, возвышавшемся надъ могилой убитаго въ томъ же дѣлѣ польскаго офицера было вырѣзано: „Poległ wo bronu ojczyzny“. Скука нашего трехдневнаго бездѣйствія въ Вонсевѣ была оживлена извѣстіемъ о другомъ молодецкомъ дѣлѣ, происходившемъ, 1-го мая, въ отрядѣ генерала барона Остенъ-Сакена. Полковнику Гембицу поручено было произвести, съ 5-ю ротами вѣреннаго ему пѣхотнаго принца Карла прусскаго полка, двумя орудіями и сотней гвардейскихъ казаковъ и Черкесовъ, рекогносцировку непріятеля, который былъ встрѣченъ близъ прусской границы. Лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Красновъ, съ казаками и Черкесами, произвелъ при этомъ блистательную атаку и истребилъ непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 500 отборныхъ стрѣлковъ и 50 кракусовъ. Наша потеря состояла изъ трехъ убитыхъ оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ горскаго эскадрона поручикъ Ханъ-Гирей, и двухъ казаковъ.

Вечеромъ 4-го мая генералъ Шильдеръ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ немедленно отправиться съ поручикомъ Фроловымъ, дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи *, осмотрѣть мѣстность и дороги, ведущія отъ Вонсева къ Замброву, гдѣ была главная квартира великаго князя, на случай отступленія нашего авангарда. Отправившись верхомъ, въ сопровожденіи одного гвардейскаго драгуна, мы около полуночи,

* Нынѣ генералъ-адъютантъ и сенаторъ.

проѣхавъ двадцать верстъ, достигли деревни Перевоза, гдѣ, по причинѣ наступившей темноты, остановились отдохнуть, съ тѣмъ чтобы, съ разсвѣтомъ, продолжать нашу рекогносцировку. Не прошло и часа послѣ нашего прибытія, какъ послышался громкій стукъ у воротъ дома Поляка-арендатора, у котораго мы остановились, и когда ихъ отворили, явился къ поручику Фролову гвардейскій казакъ, съ извѣстіемъ, что передовой отрядъ нашъ, въ селѣ Пршетицахъ, атакованный мятежниками въ превосходныхъ силахъ, отступилъ къ нашему авангарду, который оставилъ Вонсево и также отступилъ, равно какъ и 3-я гвардейская бригада, стоявшая въ Червинѣ; но казакъ не могъ объяснить намъ по какому направленію. Посоветовавшись о томъ что намъ слѣдовало предпринять при этомъ неожиданномъ случаѣ, мы рѣшились сперва выполнить возложенное на насъ порученіе, которое, при внезапномъ отступленіи гвардейскаго корпуса, дѣлалось весьма важнымъ а потомъ уже стараться присоединиться къ нашимъ частямъ. Положеніе наше было довольно затруднительно: въ окрестности, на разстояніи болѣе 20 верстъ, вовсе не было нашихъ войскъ, и мы легко могли наткнуться на какой-либо мятежническій отрядъ. Отправившись съ мѣста нашего ночлега по направленію на Глембокъ и выѣхавъ изъ густаго сосноваго лѣса, мы дѣйствительно увидали на полянѣ, у деревни Шумова, бивуакъ кавалеріи на сѣрыхъ коняхъ. Въ первый моментъ мы были почти увѣрены, что наѣхали на Поляковъ, но затѣмъ, къ большому удовольствію нашему, удостовѣрились что то былъ эскадронъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, содержавшій разѣзды передъ мѣстечкомъ Островомъ и при наступленіи Поляковъ отступившій на Замбровъ. Возвратясь назадъ и направившись по дорогѣ на Соколово, куда, по нашему предположенію, долженъ былъ отступить нашъ авангардъ, мы въ пяти верстахъ отъ этого селенія встрѣтили разѣздъ гвардейскихъ драгунъ, отъ которыхъ узнали, что отрядъ нашъ дѣйствительно находится въ Соколовѣ. Прибывъ на бивуакъ нашихъ двухъ ротъ и отдавъ отчетъ командиру батальона въ возложенномъ на меня порученіи, я узналъ, что наканунѣ, 4-го мая, сильный польскій авангардъ, подъ начальствомъ генерала Янковскаго, атаковалъ у села Пршетицы слабый отрядъ генерала Полешко, который, рассыпавъ роту гвардейскихъ егерей и финскихъ стрѣлковъ,

мужественно встрѣтилъ непріятеля, но когда колонны послѣднѣя стали обходить нашу позицію, генералъ Полешко вынужденъ былъ начать отступление, которое совершилъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ, и отразивъ нѣсколько нападений, достигъ сѣла Пливки, гдѣ былъ усиленъ другимъ батальйономъ егерскаго полка, двумя ротами финскихъ стрѣлковъ и двумя орудіями. У сѣла Брудки присоединился къ нему еще лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. У этой деревни генералъ Полешко удерживалъ всѣ натиски Поляковъ до наступленія ночи и тогда только отступилъ въ Вонсево, гдѣ уже не засталъ отряда генералъ-адъютанта Бистрома, который, выступивъ оттуда въ ночь, перешелъ рѣку Оржъ и остановился у деревни Соколова, куда на разсвѣтѣ 5-го мая прибылъ и генералъ Полешко. При молодецкомъ отступленіи его отряда отъ Пршстицъ особенно отличились гвардейскіе финскіе стрѣлки, наносившіе своими мѣткими выстрѣлами сильное пораженіе упорно наступавшему непріятелю, въ особенности его кавалеріи, въ которой перебили большое число офицеровъ; команда же изъ 35 гвардейскихъ саперъ, уничтоживъ подъ картечнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій два моста чрезъ болотистые ручьи, весьма замедлила этимъ наступленіе Поляковъ. Плѣнные показали, что 60-тысячная польская армія, подъ начальствомъ ея главнокомандующаго, генерала Скршинецкаго, раздѣлилась отъ Сироцка на три колонны, изъ коихъ одна направилась по шоссе на Остроленку, другая вдоль берега рѣки Буга на Нуръ, а третья, главная, подъ личнымъ начальствомъ Скршинецкаго, двигалась среди первыхъ двухъ колоннъ, по направленію къ Ломжѣ. Ея-то авангардъ, подъ командой генерала Янковскаго, принудилъ генерала Полешко отступить съ своимъ отрядомъ отъ Пршстицъ.

Въ ночь на 5-е мая великій князь, не надѣясь уже болѣе соединиться съ главною арміею переходомъ чрезъ мѣстечко Нуръ, сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи всего гвардейскаго корпуса у мѣстечка Снядова, въ 10 верстахъ отъ Соколова. Туда направились изъ Замброва 1-я гвардейская, и изъ Червина 3-я гвардейская бригады, и туда же долженъ былъ отступить и авангардъ генералъ-адъютанта Бистрома, при дальнѣйшемъ натискѣ Поляковъ. Въ 4 часа пополудни, кавалерійскій разъѣздъ доноситъ намъ о ихъ приближеніи; авангардъ быстро выстроился

въ боевой порядокъ, и я получилъ приказаніе, съ командой изъ 30 саперъ отъ роты его величества, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Финскаго стрѣлковаго батальйона, разобрать мостъ на рѣкѣ Оржѣ, у самаго Соколова. Едва успѣли снять мостовую настилку, какъ непріятельская застрѣльщицья цѣпь открыла по насъ огонь; мнѣ приказано было отойти отъ моста съ командой и оставаться за резервомъ застрѣльщицьею цѣпи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Обмѣнявшись съ наступавшими Поляками нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій, пѣхота наша получила приказаніе начать отступленіе, когда непріятельскія колонны стали выше и ниже Соколова переходить рѣку Оржѣ вбродъ, и потянулась сперва по узкому дефиле чрезъ лѣсъ, а потомъ по длинной плотинѣ, пролегавшей чрезъ обширное болото до села Якацъ, подъ прикрытіемъ трехъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ: гвардейскаго, уланскаго и драгунскаго, съ двумя конными батареями. Когда я съ командой переходилъ мостъ черезъ рѣку Ручь, у самаго села Якаца, прискакалъ гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ князь Долгоруковъ и передалъ мнѣ приказаніе генералъ-адъютанта Бистрома остановиться за мостомъ, пропустить чрезъ него отступавшіе гвардейскіе кавалерійскіе полки съ ихъ артиллеріей, и затѣмъ тотчасъ же уничтожить мостъ, дабы остановить дальнѣйшее наступленіе Поляковъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа послѣ того проскакали по немъ лейбъ-гвардіи гусарскій и драгунскій полки съ обѣими батареями, а за ними въ карьеръ, по-эскадронно, лейбъ-гвардіи уланскій. Какъ только прослѣдовалъ послѣдній эскадронъ этого полка, съ полковымъ командиромъ генералъ-майоромъ Олферьевымъ, саперы мои дружно бросились отрывать настилку, при чемъ оказалось, что подъ верхними досками находился еще другой рядъ полусгнившихъ досокъ. Время было дорого, а рабочихъ для такой двойной работы оказывалось у меня мало, почему я и обратился къ командиру 1-го батальйона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, флигель-адъютанту полковнику Моллеру, съ просьбой прислать мнѣ людей на помощь моимъ саперамъ, для переноски снимаемыхъ ими досокъ на нашъ берегъ. Полковникъ прислалъ для этого шесть паръ застрѣльщиковъ изъ передовой своей цѣпи, и работа на мосту закипѣла. Она еще далеко не была однакожъ окончена, какъ пыль впереди моста и лошадиный топотъ возвѣстили несущуюся во весь опоръ непріятель-

скую кавалерію. Не доскакавъ шаговъ 150, до моста, передовой конно-егерскій эскадронъ остановился, раздвинулся по-полувэскадронно, и въ промежутокъ вѣѣхали два конныя орудія, которыя мгновенно открыли по насѣ стрѣльбу ядрами. Такъ какъ орудія стояли на возвышеніи, а разбираемый нами мостъ находился въ ложбинкѣ, то ядра перелетали черезъ наши головы, не причиняя намъ никакого вреда. Замѣтивъ это, польскіе артиллеристы стали осыпать насъ картечью; первые два выстрѣла ударились въ землю передъ мостомъ, и я, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, въ первый разъ увидалъ, какъ каждая картечная пуля выбивала вверхъ какъ бы фонтанчики мелкаго песку. Слѣдующіе выстрѣлы были удачнѣе и стали попадать въ кучу моихъ рабочихъ, изъ которыхъ, въ нѣсколько минутъ, были болѣе или менѣе тяжело ранены 8 человекъ и изъ нихъ трое Финляндцевъ. Надобно было ожидать большаго числа жертвъ, но къ счастью, многіе выстрѣлы попадали въ разобранную уже часть моста или въ рѣку, обрызгивая насъ водою. Черезъ полчаса работа наша была окончена съ полнымъ успѣхомъ, не только двойная настилка была снята и доски перенесены на нашъ берегъ; но были даже сняты или перерублены многія перекладины, и изъ воды торчали только одни сваи, такъ что непріятелю не представлялось уже возможности скоро исправить мостъ. Перейти Ручь вбродъ онъ также не могъ, по причинѣ тонкаго и болотистаго ея русла. Окончивъ возложенное на меня порученіе, я отошелъ съ командой отъ моста, впереди котораго, на возвышенномъ берегу Руча, начинали развертываться огромныя массы непріятельской пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, открывшей по нашимъ войскамъ сильную канонаду. Я сталъ попрежнему за правымъ резервомъ цѣпи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіею егерскимъ полкомъ, финскими стрѣлками и тремя легкими орудіями, занималъ передовую нашу позицію, въ 200 шагахъ отъ моста. Вскорѣ подошли еще восемь батарейныхъ орудій, присланныхъ по распоряженію князя Долгорукаго, начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера, и съ обѣихъ сторонъ продолжался неумолкаемый орудійный огонь, окончившійся только съ наступленіемъ сумерекъ. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ потерялъ въ этомъ чисто-артиллерійскомъ дѣлѣ довольно много людей убитыми и ранеными, но, по особенному сча-

стію, ни одинъ изъ моихъ саперовъ не былъ убитъ или раненъ, хотя ядра и гранаты похищали около насъ не мало жертвъ. Такъ, въ глазахъ моихъ, былъ убитъ ядромъ адъютантъ генерала Ностица, лейбъ - гвардіи гусарскаго полка поручикъ Курисъ, скакавшій съ приказаніемъ отъ своего генерала. Только съ наступленіемъ ночи утихъ погромъ этого замѣчательнаго и утомительнаго для меня дня, и когда, съ усталою командой своею, я возвращался къ батальйону, стоявшему за селомъ Якацъ, то видѣлъ, какъ у входа въ него, подъ одинокою сосной, нѣсколько гвардейскихъ гусаровъ предавали землѣ завернутое въ плащъ тѣло поручика Куриса. Генералъ Шильдеръ, подѣхавъ ко мнѣ, благодарилъ меня и мою команду отъ себя и по порученію генералъ-адъютанта Бистрома, за успѣшный разборъ моста на Ручѣ, остановившій натискъ мятежной польской арміи, а по прибытіи нашемъ на бивуакъ, товарищи наши радостно насъ привѣтствовали, удивляясь тому какъ мы уцѣлѣли.

На слѣдующее утро, 6-го мая, послана была въ селеніе Якацъ команда саперъ съ прапорщикомъ Рашетомъ, чтобы, при первомъ наступленіи непріятеля, зажечь селеніе; но Поляки, въ продолженіе всего дня, насъ не беспокоили. Авангардъ нашъ оставался на прежней позиціи у селенія Якацъ, 3-я гвардейская бригада—между Якадомъ и Спядовымъ, а 1-я гвардейская пѣхотная и кирасирская дивизіи съ артиллеріей—у этого послѣдняго селенія. Весь день прошелъ въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ, раздѣляемыхъ рѣкой Ручемъ, по обоимъ берегамъ которой, къ вечеру, запылали бивуачные огни.

II.

Утромъ 7-го мая, авангардъ нашъ (4-я гвардейская бригада, Саперный и Финскій стрѣлковый батальйоны, и всѣ четыре гвардейскіе легкіе кавалерійскіе полка, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома), обращенный въ арріергардъ, направился на Спядовъ, прикрывая отступленіе гвардейскаго корпуза на Тыкочинъ и Бѣлостокъ, вмѣсто Ломжи, какъ предполагалось прежде. Гвардейцы въ продолженіе полутора сутокъ горѣвшіе желаніемъ сразиться съ превос-

ходными въ силахъ мятежниками, должны были теперь покориться силѣ обстоятельствъ и начать отступленіе, слово, которое всегда грустно звучитъ для уха русскаго солдата. Первый переходъ по сыпучимъ пескамъ около Снядова и потомъ по нескончаемымъ дефилямъ чрезъ лѣса и болота, былъ очень затруднителенъ и особенно утомителенъ для насъ, саперовъ. Обѣ роты наши были раздѣлены на мелкія команды, которыми сперва приходилось исправлять гати, мостики и заваливать топкія мѣста для нашего отряда, а потомъ разрушать эти же самые мосты и гати для задержанія наступленія непріятеля. Послѣ полудня обогналъ насъ, на походѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ верхомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Въ это самое время водскакалъ къ нему адъютантъ барона Остенъ-Сакена, съ донесеніемъ, что генералъ его отступилъ съ отрядомъ своимъ изъ Остроленки въ Ломжу. Только къ вечеру аррьергардъ нашъ, преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ, безъ всякой впрочемъ съ нимъ схватки, достигнулъ до селенія Гачъ, гдѣ и расположился бивуакомъ, при проливномъ дождѣ. Здѣсь, къ большой радости нашей, узнали мы, что адъютантъ его высочества, полковникъ Бакунинъ, прибывшій изъ Бѣлостока, куда былъ посланъ великимъ княземъ, привезъ извѣстіе, что 2-я минерная наша рота, оставленная въ мѣстечкѣ Нурѣ, для охраненія нашихъ мостовъ на рѣкѣ Бугѣ, 5-го мая, окруженная значительными силами мятежниковъ, которыми командовалъ генералъ Лубенскій, направленный главнокомандующимъ Скржиницкимъ изъ Сирокъ на берегу Буга, молодецки выдержала нѣсколько атакъ польской кавалеріи и съ небольшою, относительно, потерей, достигла мѣстечка Цѣхановца, въ Бѣлостокской области. Командиръ 2-й минерной роты, штабсъ-капитанъ Назимовъ, 5-го мая, рано утромъ, получилъ приказаніе изъ штаба гвардейскаго корпуса, въ случаѣ нападенія на мѣстечко Нуръ, сжечь мосты и съ ротой, въ которой состояло на лицо не болѣе 150 человекъ, однимъ эскадрономъ Украинскаго уланскаго полка, подъ командой штабъ-ротмистра Думенкевича (80 человекъ), и нѣсколькими гвардейскими казаками, присланными, 28-го апрѣля, для содержанія развѣздовъ, отступить на Бѣлостокъ. Назимовъ приказалъ немедленно осмолить мосты и разложить по нимъ солому дабы успѣвѣе ихъ сжечь. Окончивъ эти приготовленія, саперы стали

обѣдать, какъ вдругъ около двухъ часовъ пополудни пріека-
калъ съ разѣзда раненый гвардейскій казакъ, съ извѣ-
стіемъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ
и находится уже въ близкомъ разстояніи. Едва успѣла рота,
по тревогѣ, выстроиться, а уланы сѣсть на коней, какъ изъ
лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ бивуака, показались густыя
толпы польской конницы и заблестѣли орудія. Особенно для
того назначенная команда зажгла мосты и прорубила под-
водную часть у еудовъ, а вслѣдъ затѣмъ шесть эскадроновъ
польской кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, понеслись по пра-
вому берегу Буга на саперовъ и улановъ, начавшихъ от-
ступление къ лѣсу, по дорогѣ къ мѣстечку Цѣхановцу. Ору-
дія мятежниковъ открыли по нимъ огонь одновременно съ
отборными стрѣлками привезенными на лафетахъ. Штабсъ-
капитанъ Назимовъ, для прикрытія своего отступленія, раз-
сыпалъ цѣпь застрѣльщиковъ, но часть польской кавалеріи,
скрытно пробравшаяся между строеніями мѣстечка Нура,
заскакала имъ въ тылъ и отрѣзала лѣвый флангъ ихъ отъ
роты. Сбѣжавшись въ кучу къ командовавшему цѣпью пра-
порщику Безродному, саперы мужественно отбивались, но,
почти всѣ раненые, были взяты въ плѣнъ. Чтобы не допу-
стить роту до лѣса, четыре эскадрона польскихъ улановъ
обскакали ее, и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, мятежники
кричали саперамъ, чтобы они сложили оружіе и сдались. Рота
остановилась, выстроила каре и встрѣтила батальнымъ ог-
немъ атакующихъ, которые нѣсколько разъ бросались на
нее съ ожесточеніемъ, но были каждый разъ отбиваемы
штыками и разсѣялись, потерявъ много людей убитыми и
ранеными. Отразивъ всѣ натиски кавалеріи, рота обрати-
лась выручать нашихъ улановъ, окруженныхъ польскими
конно-егерями, и бросившись на нихъ въ штыки, разогнала
ихъ. Когда рота успѣла войти въ лѣсъ, Поляки уже невоз-
обновляли на нее атакъ, а довольствовались тѣмъ, что прово-
жали ее ядрами. Часть ротнаго обоза и офицерскіе выюки, при
началѣ отступленія отправленные съ небольшимъ прикрытіемъ
впередъ, были окружены кракусами и ими разграблены.
Минеръ Иванъ Дмитріевъ, отличившійся особеннымъ муже-
ствомъ при осадѣ Варны, воспользовался безпорядкомъ мя-
тежниковъ, при грабежѣ обоза, сбросилъ съ себя ранецъ, и
выхвативъ изъ повозки ротный образъ, пробрался съ нимъ
къ ротѣ, окруженной непріателемъ. Последняя, отбившись

отъ атаковавшаго ее войска, бросилась въ штыки на кракусовъ и отбила у нихъ инструментальную и сухарную фуръ и патронный ящикъ, изъ котораго, по причинѣ сломавшейся оси, патроны были вынуты и розданы людямъ на руки. Офицерскія и солдатскія вещи были все расхищены. Къ 8 часамъ вечера, утомленные молодецкихъ боемъ и большимъ переходомъ, саперы прибыли къ мѣстечку Цѣхановцу, разломали возаъ него мосты на небольшой рѣчкѣ, и послѣ краткаго отдыха двинулись далѣе къ Бѣлостоку. Число убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ Нурскомъ лѣсѣ саперовъ заключалось въ одномъ оберъ-офицерѣ, семи унтеръ-офицерахъ и тридцати шести рядовыхъ.

8-го мая, въ полдень, аррьергардъ гвардейскаго корпуса, продолжая отступление, прибылъ въ село Менженинъ, не бывъ тревожимъ, во время перехода, слѣдовавшимъ за нимъ непріателемъ, котораго подъ конецъ потерялъ совершенно изъ вида. У села Рудокъ, за лѣсомъ, расположились бивуакомъ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ и обѣ саперныя роты. Солдаты разложили огни и стали варить пищу, какъ, въ 3 часа пополудни, пришло извѣстіе о приближеніи Поляковъ, что заставило вылить изъ котловъ недовареную пищу. Генералъ Полешко, съ двумя батальонами лейбъ-гвардіи егерскаго полка и четырьмя орудіями, получилъ приказаніе занять лѣсъ впереди Рудокъ и держаться въ немъ до послѣдней крайности, чтобы дать время резерву артиллеріи, парку и обозу нашему отойти къ Тыкочину. Вскорѣ закипѣлъ въ лѣсу упорный бой; три раза Поляки врывались въ него, но каждый разъ были отбрасываемы штыками храбрыхъ гвардейскихъ егерей, на поддержаніе которыхъ присланъ былъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Обоимъ полкамъ честно исполнили свой долгъ. 6 часовъ сряду отставали лѣсъ, до самаго вечера, и хотя потеряли много убитыми и ранеными, но нанесли мятежникамъ еще болѣе значительный уронъ. Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и обѣ саперныя роты должны были, въ случаѣ надобности, поддержать полки, защищавшіе лѣсъ, но обошлось и безъ нихъ. Изъ числа раненыхъ былъ я командиръ лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго батальона полковникъ Рамзая * и двухъ офицеровъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка Жигалева и Степанова, ** которыхъ

* Нынѣ генералъ-адъютантъ.

** Нынѣ генералъ-лейтенантъ.

вмѣстѣ везли на повозкѣ. Жигалевъ, прострѣленный пулей въ животъ на вылетъ, чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Гвардейскіе егеря, цѣлыя сутки ничего не ѣвшіе, были чрезвычайно утомлены послѣдними переходами и шестичасовымъ боемъ въ лѣсу. Когда они отошли къ селу Менженинъ, генералъ-адъютантъ Бистромъ приказалъ взять на помѣщичьей мызѣ нѣсколько бочекъ водки, чтобъ ею укрѣпить упавшія силы егерей, но выпитая на тощій желудокъ, она произвела совершенно противное дѣйствіе. Когда, въ 10 часовъ вечера, при наступившей темнотѣ, приказано было арріергарду продолжать отступленіе, измученные егеря, отуманенные водкой, совершенно обезсилились и съ трудомъ могли идти по глубокому песку, въ которомъ вязли и наши обозы. Восходъ яркаго весенняго солнца сталъ клонить ко сну усталыхъ егерей; они въ изнеможеніи ложились на дорогѣ и тутъ же засыпали. Проходившіе мимо, мѣтѣ ихъ уставшіе солдаты другихъ частей, старались облегчить ихъ, снимали съ нихъ ранцы и клали ихъ на повозки и на лафеты орудій, а кавалеристы сажали болѣе уставшихъ на своихъ лошадей. Еслибы Поляки преслѣдовали насъ настойчивѣе и энергичнѣе, то много усталыхъ до послѣдней степени егерей попались бы въ плѣнъ, но, по счастію, мятежники подвигались очень медленно, такъ что подкрѣпившіеся хотя кратковременнымъ сномъ, храбрые егеря все могли догнать отступавшій арріергардъ. Достигнувъ, въ 9 часовъ утра, Тыкочина, довольно большаго городка на берегу Нарева, генералъ-адъютантъ Бистромъ рѣшилъ перейти съ своимъ отрядомъ эту рѣку, по постоянному мосту на сваяхъ, у самаго мѣстечка и идти на соединеніе съ главными силами гвардейскаго корпуса, которыя, подъ личнымъ начальствомъ великаго князя, ночью, перешли Наревъ у Златоріи и занимали противоположный берегъ у селенія Желтка, гдѣ также былъ свайный мостъ. По переходѣ отрядомъ моста у Тыкочина, оставлена была при немъ команда изъ 70 саперъ, подъ вѣдѣніемъ поручика Данзаса, * которому генералъ-адъютантъ Бистромъ лично передалъ приказаніе, при приближеніи непріятеля къ Тыкочину, сжечь мостъ, который для того былъ во многихъ мѣстахъ осмоленъ и обвязанъ пучками соломы. Въ Тыкочинѣ оставались двѣ роты 1-го батальона лейбъ-гвардіи Финляндскаго

* Бывшій таубовскій губернаторъ.

полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Моллера, * которому было приказано, по приближеніи Поляковъ, отступить, давъ время саперамъ уничтожить переправу черезъ Наревъ, простиравшуюся на одну версту и состоявшую изъ четырехъ мостовъ, трехъ малыхъ, чрезъ ручьи, и одного большого, на сваяхъ, черезъ Наревъ, у входа на который, отъ города, стояли рѣшетчатые барьерныя ворота. Генералъ Шильдеръ, по отъѣздѣ генерала Бюстрома, запретилъ поручику Данзасу жечь мостъ, а приказалъ ограничиться снятіемъ съ него настилки, въ томъ предположеніи, что фельдмаршалъ несомнѣнно предприметъ, если уже не началъ, фланговое движеніе противъ корпуса Скршинецкаго и тѣмъ заставить его отступить, а въ такомъ случаѣ Тыкочинскій мостъ: будетъ намъ очень нуженъ для обратнаго перехода черезъ Наревъ и преслѣдованія отступавшаго непріятеля.

Съ грустнымъ чувствомъ перейдя мостъ, вступили мы на русскую землю изъ Царства Польскаго, въ которомъ гвардія, соединившись съ главною нашею арміею, надѣялась нанести рѣшительный ударъ безумному польскому возстанію и снова повергнуть Польшу къ стопамъ ея царя. Она роптала на нерѣшительныя и медленныя дѣйствія фельдмаршала, не поддержавшаго ее во-время и тѣмъ не допустившаго ее помѣриться съ кичливыми мятежниками, въ задорѣ мечтавшими превосходствомъ силъ разгромить это отборное войско, и предъ которыми, скрѣпя сердце, приходилось намъ теперь отступать. Впрочемъ, гвардія могла справедливо гордиться тѣмъ отличнымъ порядкомъ, въ которомъ было совершенно ея отступление. Въ продолженіе четырехъ дней, сражаясь ежедневно и отбивая своимъ храбрымъ арріергардомъ всѣ натиски превосходнаго въ силахъ непріятеля, дѣлая при томъ переходы отъ 30—40 верстъ по песчанымъ и болотистымъ дорогамъ, гвардія отступала съ примѣрнымъ спокойствіемъ, и при отличныхъ распоряженіяхъ своего августѣйшаго командира, не оставила упорно напиравшему на нее врагу ни малѣйшаго трофея, ни одной повозки, и спасла огромный артиллерійскій обозъ арміи, который, безъ того, неминуемо достался бы въ руки Поляковъ. Сравнительно съ важностію приобрѣтенныхъ ея отличнымъ отступленіемъ результатовъ,

* Въ послѣдствіи начальникъ 1-й гвардейской дивизіи.

потеря гвардіи, состоявшая, во всѣхъ выдержанныхъ ею дѣлахъ, изъ 40 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, не можетъ быть названа значительною.

У моста черезъ Наревъ, на нашемъ берегу, оставлены были остальные шесть ротъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, съ двумя орудіями, а за ними, въ трехъ верстахъ, генералъ графъ Ностицъ съ легкою гвардейскою кавалерійскою дивизіей. Остальныя части нашего арріергада отошли, при сильномъ полуденномъ жарѣ, по сыпучему песку, 13 верстъ до селенія Крыпно, гдѣ и расположились. Въ 4 часа пополудни послышалась сильная канонада со стороны Тыкочина, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія объ исходѣ наступленія польской арміи. Къ вечеру все стихло, и возвратившійся оттуда съ командой поручикъ Данзасъ, какъ очевидецъ дѣла у моста, разказалъ намъ слѣдующія подробности о его ходѣ. Когда непріятельскія колонны стали приближаться къ городу, полковникъ Моллеръ, согласно отданному ему приказанію, отступилъ съ своими двумя ротами черезъ городъ къ мосту, прикрываясь цѣпью застрѣльщиковъ. Послѣдніе, занявъ передъ мостомъ нѣсколько обывательскихъ домовъ и изгородей, завязали съ наступающимъ непріателемъ перестрѣлку, и потерявъ нѣсколько человекъ ранеными, въ числѣ ихъ подпоручика Теслева, получившаго рану пулей въ голову, отъ которой онъ вскорѣ умеръ, отступили также на мостъ, чрезъ рѣшетчатые мостовыя ворота. Послѣднія рядовой 1-й минерной роты, Алексѣй Ивановъ, едва успѣлъ запереть передъ мятежниками, преслѣдовавшими нашихъ по пятамъ, нацѣпивъ желѣзную цѣпь съ замкомъ, и присоединился къ своимъ товарищамъ саперамъ, окончившимъ снятіе съ моста половицъ. Непріатель подвезъ свою артиллерию, открылъ по саперамъ учащенную пальбу ядрами и картечью, и остановленный въ своемъ натискѣ на мостъ запертыми на ключъ воротами, усиливался разломать ихъ. Саперы, осыпаемые еще пулями изъ прирѣчныхъ строеній, продолжали между тѣмъ ломать малые мосты. На третьемъ изъ нихъ колонна мятежниковъ, наступавшая съ барабаннымъ боемъ и съ громкими криками „ура“, остановлена была сильнымъ картечнымъ огнемъ нашихъ орудій и отброшена въ городъ штыками батальона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Всѣ дальнѣйшія попытки Поляковъ овла-

дѣтъ мостомъ были столь же безуспѣшны. Поражаемые картечнымъ огнемъ изъ двухъ орудій гвардейской конной артиллеріи, подъ вѣдѣніемъ прапорщика Спафарьева, поставленныхъ за эполементомъ, насыпаннымъ саперами по личному указанію генерала Шильдера, они должны были каждый разъ отступать съ большимъ урономъ. Саперы подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ сломавшіе и четвертый мостъ, помогали Финляндцамъ штыками отбивать натиски непріятеля, который, потерявъ нѣсколько орудій, подбитыхъ нашими выстрѣлами, ограничился наконецъ бесполезною перестрѣлкой, продолжавшеюся до шести часовъ вечера. Мунеръ Алексѣй Ивановъ, столь отважно затворившій мостовыя ворота и тѣмъ замедлившій натискъ непріятеля, работая потомъ съ товарищами надъ разрушеніемъ мостовъ, былъ раненъ картечью въ голову и удостоился въ послѣдствіи получить, за оказанную имъ неустрашимость, знакъ отличія военнаго ордена. Итакъ арріергарду гвардейскаго корпуса, при дѣятельномъ содѣйствіи саперовъ, еще разъ выпала завидная честь удержать натискъ превосходнаго въ силахъ непріятеля и не допустить его вторгнуться въ наши предѣлы. Ему не удалось, несмотря на всѣ его усилія, овладѣть переправой черезъ Наревъ у Тыкочина, и онъ долженъ былъ ограничиться занятіемъ этого города, понеся при штурмованіи моста большую потерю убитыми и ранеными.

Въ то время какъ части 2-й гвардейской дивизіи отстаивали такъ мужественно мостъ у Тыкочина, части 1-й гвардейской дивизіи пришлось отстаивать мостъ у мѣстечка Желтковъ, гдѣ великій князь, наканунѣ, переправился съ кою и гвардейскою кирасирскою дивизіей черезъ Наревъ, противъ польскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Скаржинскаго. Переправа у Желтковъ во многомъ походила на Тыкочинскую и состояла также изъ длинной плотины съ однимъ большимъ мостомъ на сваяхъ черезъ рѣку Наревъ и двумя малыми черезъ болотистые ея рукава. Лѣвый берегъ рѣки представлялъ у переправы весьма выгодную позицію, которая была занята лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ и вооружена баттарейными орудіями. За неимѣніемъ саперовъ, великій князь, при приближеніи Поляковъ, приказалъ разобрать настилку и зажечь мостъ рабочей командою отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, подъ вѣдѣніемъ прапорщика барона Криденера, который былъ на этой

работѣ убитъ ядромъ. Поляки не дѣлали, какъ у Тыкочина, попытокъ овладѣть мостомъ открытою силой, а ограничились пальбой изъ своихъ орудій, продолжавшеюся до позднаго вечера, и на которую съ живостію отвѣчали наши орудія. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ потерялъ при этомъ до 80 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, но попытки Поляковъ овладѣть переправой при Желткахъ была столь же безуспѣшна, какъ и у Тыкочина. Обѣ эти переправы были геркулесовскими столбами для ихъ запальчиваго возбѣга на императорскую гвардію.

10-го мая, утромъ, 2-я гвардейская дивизія потянулась на соединеніе съ 1-ю по проселочной дорогѣ, въ сыпучемъ пескѣ которой вязли обозы, въ особенности же артиллерійскій резервъ, который былъ конвоированъ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ съ саперами. Остановившись на ночлегъ у деревни Квазли, дивизія простояла тамъ весь слѣдующій день, вслѣдствіе полученнаго наканунѣ вечеромъ отъ фельдмаршала извѣстія, что онъ съ главными своими силами направляется форсированными маршами, чтобъ атаковать польскую армію во флангъ. Въ то же почти время стало извѣстно, что послѣдняя, во избѣжаніе готовившагося ей удара, начала, вечеромъ 10-го мая, отступать отъ Тыкочина къ Рудкамъ. До полудня Поляки, въ ребяческомъ самообольщеніи, шумно ликовали въ Тыкочинѣ и даже отправили торжественное богослуженіе по случаю мнимаго освобожденія *ойчизны*; а теперь думали только о томъ, какъ бы избѣгнуть рѣшительнаго пораженія со стороны Русскихъ, угрожавшихъ имъ нападеніемъ съ фланга и съ тыла. 11-го мая, утромъ, послана была изъ Квазли команда изъ 80 саперъ съ прапорщикомъ Ранс-томъ, * для исправленія Тыкочинскаго моста, черезъ который въ тотъ же день перешла легкая гвардейская кавалерія для преслѣдованія отступающаго непріятеля. Обѣ саперныя роты, рота его величества и 1-я минерная (2-я минерная еще не присоединилась къ нимъ послѣ отступленія отъ Нура, а рота его высочества, остававшаяся въ Ломжѣ для окончанія ея укрѣпленій, поступила въ отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена), получили приказаніе слѣдовать въ головѣ гвардейскаго корпуса, для исправленія дорогъ,

* Умеръ въ 1855 г. въ Варшавѣ, въ чинѣ генералъ-майора и въ званіи командира лейбъ-гвардіи сапернаго батальона.

мостовъ и гатей, разрушенныхъ или поврежденныхъ отступавшими мятежниками. Для облегченія ихъ при производствѣ работъ и усиленныхъ переходахъ, приказано было имъ идти безъ ранцевъ, которые везлись за ними на подводахъ; а чтобы по малочисленности саперовъ не отдѣлять отъ нихъ людей для прикрытія знамени, послѣднее приказано было передать въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ.

Выступивъ, 12-го мая, отъ Квализи, рано утромъ, роты перешли рѣку Наревъ у Желтковъ, исправивъ малоповрежденный у этого селенія мостъ, близъ котораго стоялъ деревянный крестъ надъ свѣжею могилой подпоручика барона Криденера. Отъ Желтковъ слѣдовали онѣ до Тыкоцина по правому берегу Нарева, на которомъ безпрестанно натыкались на остатки польскихъ бивуаковъ. Въ Тыкоцинѣ замѣтенъ былъ общій упадокъ духа и упыніе въ жителяхъ, которые, какъ говорятъ, съ такою радостію встрѣтили своихъ родичей при вступленіи ихъ въ городъ. Застрѣльщики лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, отступавшіе изъ него послѣдніе, 9-го мая, замѣтили домъ, изъ котораго былъ произведенъ выстрѣлъ, смертельно ранившій подпоручика Теслера, и даже указывали на стрѣлявшего изъ окна ксендза, но за недостаткомъ ясныхъ уликъ, невозможно было признать этого изувѣра дѣйствительно виновнымъ. Слѣва въ этотъ день 44 версты, при постоянномъ исправленіи дорогъ, мостовъ и плетинъ, роты, прибывъ къ селу Менжеинъ, расположились на ночлегъ въ прекрасномъ саду помѣщичьяго дома, а на другой день, выступивъ на зарѣ съ лейбъ-гвардіи уланскими и гусарскими полками и 8-ю конными орудіями, подъ начальствомъ генерала графа Ностица, саперы, проработавъ цѣлый день, при сильной жарѣ, и слѣва въ переходъ въ 45 верстъ, чрезъ Сядовъ прибыли къ вечеру въ село Якацу, гдѣ у разобраннаго нами 5-го мая и вторично разрушеннаго Поляками, при отступленіи ихъ на Остреленку, моста, генералъ графъ Ностицъ, настигшій ихъ арріергардъ, обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами. Едва саперы успѣли вновь исправить этотъ мостъ, какъ къ нему сталъ подходить авангардъ нашихъ главныхъ силъ, подъ начальствомъ генерала Берга. Въ то же время прибыли къ мосту фельдмаршалъ съ большою свитой, и подѣлхавъ къ саперамъ, былъ радостно привѣтствованъ громкими криками: „ура!“ Генералъ графъ Ностицъ, преслѣдовавшій съ

гвардейскою кавалерійскою бригадою послѣднѣе отступавшаго непріятеля, соединился у Пысковъ съ главною арміею въ составъ которой поступилъ теперь весь гвардейскій корпусъ.

Фельдмаршалъ, съ главными своими силами, изъ Стѣльда перешелъ, 9-го мая, рѣку Бугъ у мѣстечка Граны и на слѣдующій день направился, чрезъ мѣстечко Цѣхановецъ, на мѣстечко Нуръ, гдѣ разбилъ занимавшій это мѣстечко польскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лубенскаго, и заставилъ его отступить на Замбровъ. Изъ Нура фельдмаршалъ, 12-го мая, направился чрезъ Высоко-Мазовецкъ на соединеніе съ гвардіею и 13-го, сдѣлавъ 50-верстный переходъ, прибылъ уже поздно вечеромъ въ село Пыски, гдѣ и расположилась его главная квартира. У этой же деревни, въ ночь съ 13-го на 14-е мая, на одинъ переходъ впереди гвардейскаго корпуса, бивуакировали и обѣ саперныя роты, прошедшія въ продолженіе трехъ дней 105 верстъ, при сильной жарѣ, работая на каждомъ шагу при исправленіи дорогъ, гатей и мостовъ, разрушенныхъ послѣднѣе отступавшими Поляками. Когда мы, бывало, къ вечеру, сильно утомленные, подходили къ гвардейскимъ уланамъ и гусарамъ, расположеннымъ уже на бивуакѣ, они смѣясь повторяли намъ пословицу: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“.

III.

14-го мая, на разсвѣтѣ, обѣ саперныя роты выступили съ бивуака и слѣдовали за гвардейскими легкими кавалерійскими полками, подъ начальствомъ генерала-графа Постола, до села Замосцье, куда въ одно съ ними время прибылъ и авангардъ главной арміи, подъ начальствомъ генерала Берга. Оба генерала, съ своими войсками, составили теперь общій авангардъ всей русской арміи, командованіе которымъ фельдмаршалъ поручилъ генералъ-адъютанту Бистрому. Гвардейская кавалерія двинулась впередъ, вправо, и мы скоро потеряли ее изъ вида, а вслѣдъ за нею выступилъ и генералъ Бергъ съ двумя гренадерскими полками (Екатеринославскимъ и 3-мъ карабинернымъ), однимъ армейскимъ гусарскимъ полкомъ и 8 орудіями. Утро было прекрас-

ное, но уже наступалъ сильный жаръ; саперы подвигались за авангардомъ по утомительной песчаной дорогѣ, какъ вдругъ послышалась сильная канонада, по направленію къ Остроленкѣ. Когда роты входили въ лѣсъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Остроленки, подскочилъ къ нимъ армейскій альягантъ, съ прискорбнымъ извѣстіемъ, что генералъ Шильдеръ, вызвавшійся, по близкому знакомству своему съ мѣстностію впереди Остроленки, направлять наши атакующія колонны, раненъ пулей въ ногу. Замосыцкій лѣсъ нашли мы наполненнымъ убитыми и ранеными гренадерами, всего болѣе Екатеринбургскаго полка; авангардъ генерала Берга, первый былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ польскаго арріергарда. Было также много убитыхъ и раненыхъ Поляковъ. Между ранеными и умирающими отыскали мы лежащаго подъ деревомъ храбраго командира нашего, которому пуля раздробила ступню. Офицеры и солдаты съ сердечнымъ сожалѣніемъ окружили сильно страдавшаго отъ ранъ Шильдера, который, прощаясь съ нами, очень скорбѣлъ, что былъ лишенъ возможности раздѣлить съ нами опасности и славу предстоящаго кроваваго боя. По мѣрѣ приближенія нашего къ Остроленкѣ, учащенные пушечные выстрѣлы и громкіе перебаты ружейнаго огня возвѣщали весьма жаркую схватку при атакѣ и оборонѣ города, а клубы густаго чернаго дыма свидѣтельствовали о томъ, что онъ горѣлъ. Когда мы къ нему подошли, онъ уже былъ взятъ штурмомъ, и въ 2 часа пополудни, войдя въ него по трупамъ, загромождавшимъ улицы между объатыми пламенемъ домами, мы были остановлены на городской площади, также наполненной убитыми и ранеными Русскими и Поляками. Здѣсь узнали мы, что не задолго до нашего прихода мостъ на сваяхъ черезъ Наревъ у города былъ взятъ штурмомъ Астраханскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Поляки, при отступленіи, успѣли снять съ конца моста дощатую настилку, но это не остановило храбрыхъ Астраханцевъ, которые, перейдя мостъ по переводинамъ, выстроились впереди его, дружно бросились въ штыки, взяли два польскія орудія, его обстрѣливавшія и принудили отступить прикрывавшія ихъ войска. Поляки возобновили нападеніе, чтобъ отбить отнятыя у нихъ орудія и отбросить Астраханцевъ за мостъ, но генералъ-майоръ Мартыновъ перешедъ съ Суворовскимъ гре-

надерскимъ полкомъ плотовой мостъ, прислѣлъ къ нимъ на помощь, и отбивъ нападеніе Поляковъ, утвердился съ своею храброю бригадою * у поворота шоссе, которое, по своей возвышенной насыпи, послужило ей какъ бы брустверомъ противъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Жаръ на площади былъ почти невыносимый, происходя какъ отъ пылающихъ кругомъ городскихъ строеній, такъ и отъ паллящаго солнца. Отъ времени до времени перелетали черезъ наши головы ядра и допались непріятельскія гранаты. Громъ орудій съ многочисленныхъ русскихъ и польскихъ баттарей, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Нарева, былъ оглушителенъ. Особенно громила непріятельскія колоны батареи изъ 34 батарейныхъ орудій поставленныхъ лѣвѣ моста и направленныхъ самимъ начальникомъ штаба главной арміи генералъ-адъютантомъ графомъ Толлемъ. На другой сторонѣ Нарева кипѣлъ кровопролитный бой: Суворовцы и Астраханцы, утвердившіеся за шоссе, которымъ они укрывались, отбросили штыками наступавшихъ на нихъ въ превосходныхъ силахъ Поляковъ и отняли у нихъ два орудія, но положеніе этихъ двухъ геройскихъ полковъ, которые только одни находились по той сторонѣ Нарева, становилось весьма опаснымъ, а потому генералъ Бергъ, переведя еще два грендерскіе полка (Екатеринославскій и 3-й карабинерный) черезъ плотовой мостъ, въ-время подкрѣпилъ ихъ, послѣ чего гренадеры, сражаясь какъ львы, совокупными силами отразили еще три нападенія непріятеля. Въ это время подъѣхалъ къ сапернымъ ротамъ генералъ-квартирмейстеръ арміи генералъ-адъютантъ Пейдгардтъ и приказалъ полковнику князю Вадбольскому, немедленно назначить двѣ команды рабочихъ для исправленія обоихъ мостовъ чрезъ Наревъ, свайнаго и плотоваго, на которые Поляки, въ особенности направляли дѣйствія своихъ орудій, съ цѣлю разрушить или зажечь ихъ, для воспрепятствованія переходу чрезъ нихъ нашихъ войскъ. Я былъ назначенъ съ командой на свайный мостъ, который, безпрестанно повреждаемый, былъ въскорѣ по возможности исправленъ. Команда, назначенная на плотовой мостъ, прибывъ къ нему, застала его почти уже исправленнымъ ротою Литовскаго сапернаго

* Съ 1850 по 1855 г. я имѣлъ честь быть командиромъ этой саперной бригады.

батальйона. Затѣмъ команды эти возвратились къ своимъ ротамъ на городскую площадь, гдѣ и оставались до вечера. Черезъ исправленные мосты переведены были, для усиленія гренадеровъ, сперва остальные полки 3-й гренадерской дивизіи и 1-я пѣхотная дивизія, а потомъ 3-я пѣхотная. По той сторонѣ Нарева Русскіе и Поляки дрались съ остервененіемъ. Послѣдніе дѣлали отчаянныя усилія чтобы сломить Русскихъ и отбросить ихъ за Наревъ, но усилія ихъ оставались тщетными и разбивались о геройскую стойкость нашихъ войскъ. Кровопрлитавшій рукопашный бой кипѣлъ до 7 часовъ вечера, и чрезъ городскую площадь, на которой стояли саперы, непрерывно проносили раненыхъ, многихъ страшно изуродованныхъ, въ особенности изъ полковъ 1-й пѣхотной дивизіи, которые дрались на славу и потеряли огромное число людей. Храброму ихъ дивизионному начальнику, генералу Мандерштерну, пуля раздробила нижнюю челюсть; почти такую же тяжелую рану получилъ и храбрый командиръ 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи генералъ-майоръ Мартыновъ, изъ первыхъ перешедшій мостъ черезъ Наревъ. Плыныхъ приводили очень мало, что доказывало ожесточеніе съ какимъ дрались противники. Генералъ-адъютантъ Бистромъ, контуженный за мостомъ, по возвращеніи въ городъ подѣхалъ на площади къ саперамъ и, послѣ пріѣтствія, долго оставался подлѣ послѣднихъ верхомъ съ своею свитой, не соглашаясь слѣзть съ лошади. Въ 7 часовъ вечера Поляки открыли усиленную пальбу изъ орудій, оглушавшую окрестность. Въ это время множество ядеръ пролетѣло черезъ площадь, и нѣсколько упавшихъ на нее гранатъ многихъ поранили своими осколками. Мы узнали послѣ, что это былъ послѣдній отчаянный натискъ Поляковъ, причемъ начальники ихъ артиллеріи, полковникъ Бемъ, соединивъ до 12 конныхъ орудій, подскакалъ съ ними на самое близкое разстояніе отъ нашихъ войскъ, но наши батареи, расположенныя на лѣвомъ берегу Нарева, сосредоточенными выстрѣлами перебивъ у непріятельскихъ орудій большую часть прислуги и лошадей, заставили ихъ вскорѣ замолчать. Затѣмъ пальба начала стихать и къ 8 часамъ вечера, послѣ 11-ти часового кровопрлитнаго побоища, водворилась всеобщая тишина. Въ сумерки приказано было сапернымъ ротамъ выйти изъ пылавшей еще Остроленки и расположиться на бивуакъ, въ двухъ верстахъ за городомъ, у д. Чер-

ковецъ. По приходѣ на мѣсто отправился я осматривать поле сраженія за мостомъ. По обѣимъ сторонамъ его и на отменяхъ среди рѣвки, образующихъ песчаные островки, возвышались горы труповъ, доказывавшія какой кровопролитный бой кипѣлъ на мосту, въ особенности у города, когда его штурмовали Астраханцы. Это было повтореніе знаменитой Аркольской битвы. За мостомъ представлялось не менѣе потрясающее душу зрѣлище: версты на двѣ низменность по сторонамъ шоссе, въ особенности за его поворотомъ, была устлана горами мертвыхъ тѣлъ, ранеными, оторванными членами, разломаннымъ оружіемъ, аммуническими вещами, патронными ящиками и убитыми и ранеными лошадьми. Всюду видѣлись лужи крови, и'отовсюду долетали вопли раненыхъ, которыхъ не успѣвали подбирать и уносить для перевязокъ и ампутацій. Около фабричныхъ строеній разставлены были наши аванпосты отъ полковъ 3-й гренадерской дивизіи, которая, по приказанію фельдмаршала, была усилена нѣсколькими батальонами 2-й гренадерской дивизіи. Усталые гренадеры, коимъ принадлежала, по праву, честь удержанія поля сраженія, развели уже огни, отъ которыхъ доносился говоръ храбрыхъ усачей, повѣствовавшихъ другъ другу о подвигахъ славнаго для нихъ дня.

Пожаръ въ городѣ былъ потушенъ однимъ егерскимъ полкомъ 1-й пѣхотной дивизіи, на которую было возложено фельдмаршаломъ останавливать дѣйствіе огня во время сраженія, но изъ многихъ домовъ выходилъ еще густой дымъ, и всюду торчали обгорѣлыя и полуразрушенныя трубы. На главныхъ улицахъ видны были остатки польскихъ баррикадъ и еще лежали трупы убитыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Все свидѣтельствовало объ отчаянномъ сопротивленіи Поляковъ, защищавшихъ городъ отъ натиска нашихъ лихихъ гренадеровъ. Въ особенности было это замѣтно у входовъ на городскую площадь и на кладбищѣ у монастыря Бернардиновъ. Самый кровопролитный рукопашный бой происходилъ на оконечности улицы, ведущей къ свѣдному мосту, около котораго еще и теперь лежали большія груды тѣлъ Русскихъ и Поляковъ, которые въ схваткѣ сталкивали здѣсь другъ друга въ рѣку. Два большіе костела, обращенные въ госпитали, были переполнены ранеными, но все еще не переставали проносить чрезъ городъ раненыхъ Поляковъ и нашихъ, подбираемыхъ съ поля сраженія.

Въ числѣ жертвъ вчерашняго побоища было и нѣсколько жителей города, и между ними я видѣлъ молодую дѣвушку, раненую пулей въ спину. Польской арміи простылъ и сѣдлъ; говорили, что она, въ совершенномъ разстройствѣ, поспѣшно отступила, съ наступленіемъ ночи, по направленію къ Рожанамъ, и всѣмъ казалось непостижимымъ, почему фельдмаршалъ, чтобы вполне воспользоваться разгромомъ непріятеля, стоявшимъ намъ потокомъ крови, не приказалъ преслѣдовать разбитую польскую армію, которую такимъ образомъ легко было окончательно истребить. Если вчера вечеромъ нельзя было это сдѣлать, по причинѣ наступленія ночи и поздняго прибытія къ Остроленкѣ 1-й гренадерской дивизіи и дивизіи гвардейской пѣхоты, то что же мѣшало сдѣлать это утромъ 15-го мая, особенно при избыткѣ у насъ кавалеріи, состоявшей изъ нѣсколькихъ свѣжихъ дивизій гвардейскихъ и армейскихъ. Утверждали, что отважный и предприимчивый графъ Толль настаивалъ на преслѣдованіи Поляковъ, но не могъ убѣдить фельдмаршала, который вторично, какъ и послѣ Гроховскаго сраженія, упустилъ благоприятный случай покончить войну. Посланы, болѣе для рекогносцировки чѣмъ для преслѣдованія, два казачьи полка, и этимъ все ограничилось.

Было грустно подумать, что кровопролитное Остроленское сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ выказано было столько геройской отваги, хладнокровнаго мужества и самоотверженія, не повлекло за собою рѣшительнаго разгрома польскаго возстанія и окончанія войны. Героями дня изъ русскихъ генераловъ несомнѣнно были: графъ Толль, Бергъ, Бистромъ, Мартыновъ и Мандерштернъ; изъ польскихъ генераловъ: Кицкій, Малаховскій и самъ главнокомандующій Скршинскій, который, видя неуспѣхъ сраженія, происшедшій главнѣйшимъ образомъ отъ его нерѣшительныхъ распоряженій въ началѣ дѣла, бросался впереди атакующихъ колоннъ съ ружьемъ въ рукѣ, ища смерти, чтобы не пережить пораженія своей арміи.

День 16-го мая также прошелъ въ бездѣйствіи; причины его никто не могъ себѣ объяснить иначе, какъ тою же нерѣшительностью фельдмаршала, который имѣлъ способность составлять гениальные планы кампаній, но терялся при неожиданно возникавшихъ препятствіяхъ въ исполненіи ихъ, и умѣя побѣждать, не умѣлъ пользоваться плодами своихъ

побѣдъ. Въ полдень вѣлаго дня онъ, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича, обходилъ пѣшкомъ бивуаки гвардейскихъ полковъ, и подойдя къ нашимъ двумъ ротамъ благодарилъ ихъ за неутомимые труды и усердіе, оказанные ими во всѣхъ послѣднихъ дѣлахъ противъ непріятеля, и при этомъ съ особенною похвалою отзывался о дѣлѣ 2-й минерной роты подъ Нуромъ. Личность фельдмаршала не была симпатичною, и онъ не пользовался расположеніемъ ни офицеровъ, ни солдатъ, съ которыми не умѣлъ говорить, не владея свободно русскимъ языкомъ.

17-го мая саперныя роты были придвинуты къ городу, и имъ было поручено болѣе прочное исправленіе мостовъ, сильно пострадавшихъ въ день сраженія. Въ Остроленкѣ, въ маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домовъ, расположилась главная квартира арміи и штабъ великаго князя. Въ городѣ, за недостаткомъ помѣщеній для раненыхъ, которыхъ было нанесено въ него изъ окрестностей нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ до 800 Поляковъ, устроены были соломенные навѣсы вдоль обширной монастырской ограды. Потеря наша въ Остроленскомъ сраженіи, по собраннымъ свѣдѣніямъ, доходила: убитыми до 900 человекъ, ранеными и безъ вѣсти пропавшими свыше 1.700; штабъ и оберъ-офицеровъ выбыло 165, изъ нихъ убито 40. Потеря Поляковъ гораздо значительнѣе, и ее полагаютъ до 8.000. Взято въ плѣнъ болѣе 2.000 и 3 орудія. Замѣчено, что раны Русскихъ были болѣе отъ пули; Поляковъ,—штыковыми и отъ картечи. Получено было извѣстіе, что генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, 12-го мая, оставилъ съ своимъ отрядомъ Ломжу, взявъ съ собою роту его высочества лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, и отступилъ по шоссе на Райградъ. Ломжу занялъ польскій отрядъ генерала Гельгула, который нашелъ въ городѣ много запасовъ и сложенныхъ въ немъ гвардейскими полками офицерскихъ и солдатскихъ вещей. Укрѣпленія, построенныя нами для защиты этого города, не были обороняемы по малочисленности отряда Сакена, и двухнедѣльные труды наши на ихъ постройку пропали безслѣдно.

18-го мая присоединилась къ намъ наконецъ и 2-я минерная рота, такъ отличившаяся въ дѣлѣ подъ Нуромъ, и радостно была принята своими товарищами. Жалко и смѣшно было смотрѣть на цирюльника этой роты, Ивана Петрова, которому кракусъ, при нападеніи на обозъ, отрубилъ саблею

ность. Солдаты дразнили его этимъ, называя его польскими объѣдками. Между тѣмъ саперы усердно работали надъ исправленіемъ мостовъ черезъ Наревъ. При раздвиженіи плотовъ, для крѣпчайшей связки ихъ между собою, выплывали тѣла убитыхъ и сброшенныхъ въ рѣку въ день сраженія 14-го мая. Холера, начинавшая ослабѣвать въ войскахъ нашихъ, вновь стала свирѣпствовать: въ саперныхъ ротахъ было уже нѣсколько умершихъ и больныхъ этою ужасною болѣзною. „Сегодня уже четвертый день, тревожно говорило войско, какъ армія наша остается около Остроленки въ бездѣйствіи; если это продолжится, то могутъ распространиться и другія эпидемическія болѣзни“; воздухъ зараженъ былъ мiasмами отъ гнющихъ труповъ. Которые послѣ сраженія, въ торопяхъ, недостаточно глубоко закапывали въ землю. Наконецъ, 19-го мая, три роты гвардейскихъ саперовъ, къ большой ихъ радости, получили приказаніе выступить въ деревню Круки, въ 3 верстахъ отъ Остроленки, для постройки небольшого моста на козлахъ черезъ рѣку Омулевъ. Генералъ Шильдеръ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Пруссію для пользованія раны, а въ командованіе батальйономъ вступилъ полковникъ князь Вадбольскій. Прибывъ рано утромъ къ мѣсту назначенія, саперы немедленно приступили къ работѣ, которая была окончена къ вечеру. Деревня Круки была наполнена ранеными Поляками, офицерами и нижними чинами, оставленными въ ней при отступленіи арміи Скриннецкаго. Большая часть изъ нихъ были ранены въ ноги, что произошло отъ возвышенности шоссеинаго полотна, по которому наступали польскія колонны. Вошедъ въ одну изъ крестьянскихъ хижинъ, я нашелъ въ ней, между нѣсколькими лежавшими на полу ранеными Поляками, 15-тилѣтняго барабанщика одного изъ линейныхъ польскихъ полковъ, родомъ Пруссакъ, котораго Поляки силою захватили въ свою службу, и у котораго, не задолго до моего прихода, была отнята нога у самаго колѣна. Нельзя было безъ жалости смотрѣть на страданія этой невинной жертвы польскаго возстанія. Саперные офицеры одарили его деньгами и бѣльемъ, и бѣдный мальчикъ со слезами благодарилъ ихъ по-нѣмецки. Къ вечеру прибылъ въ Круки корнетъ Ольвиопольскаго гусарскаго полка Керсонъ, состоявшій при дежурномъ генералѣ главной арміи Обручевѣ, и привезъ изъ главной квартиры постельное бѣлье,

бинты, корню, медикаменты, чай, сахаръ и свѣжую провизию для раненыхъ, чѣмъ послѣднiе, казалось, были нѣсколько удивлены и, разумѣется, весьма обрадованы.

На другой день роты выступили изъ деревни Крукъ для исправленiя весьма дурной проселочной дороги, по которой гвардейскiй корпусъ долженъ былъ слѣдовать на Пултускъ, ибо главныя силы армiи направлялись туда же, по шоссе. Намъ пришлось два дня на каждомъ шагѣ чинить мостики и заваливать фашинами болотистыя топи, испаренiя отъ которыхъ не мало способствовали усиленiю холерныхъ случаевъ. 21-го мая роты пришли къ Макову, ничтожному жидовскому мѣстечку, въ которомъ сильно свирѣпствовала холера. На слѣдующiй день прибыла туда же вся гвардiя и стала лагеремъ у самаго города. Главная квартира расположилась въ Клешевѣ, въ 13 верстахъ отъ Пултуска, на Варшавскомъ шоссе. На пути слѣдованiя батальона отъ Остроленки до Макова, изъ разказовъ жителей можно было заключить, что польская армiя, совершенно деморализованная Остроленскимъ погромомъ, отступала къ Пултуску въ величайшемъ безпорядкѣ, небольшими партiями солдатъ всѣхъ оружiй, перемѣшавшихся и думавшихъ только о спасенiи поспѣшнымъ отступленiемъ. Всѣ лѣса въ окрестности были наполнены бѣглецами, пробиравшимися по одиночкѣ къ Модлину, изъ опасенiя быть захваченными Русскими. Обозы и огромное число повозокъ, на которыхъ везли раненыхъ, загромождали, при отступленiи Поляковъ, проселочныя дороги и слѣдовали отъ того весьма медленно; орудiя везли по болотистымъ топямъ и разрушеннымъ гатамъ, однимъ словомъ, польская армiя не существовала, и жалкiе остатки ея неминуемо достались бы въ наши руки, еслибы фельдмаршалъ рѣшился принять предложенiе генерала Толля—послать 15-го мая кавалерiю для ея преслѣдованiя и окончательнаго уничтоженiя.

IV.

Холера, съ первыхъ дней прибытiя гвардiи къ Макову, еще болѣе усилилась. Въ Сядовѣ скончался отъ нея начальникъ 1-й гвардейской дивизiи, генералъ-адъютантъ Шеншинъ. Въ большомъ костелѣ на площади, въ Маковѣ, устро-

енъ былъ временной лазаретъ для холерныхъ, за немѣнѣмъ другаго удобнаго для сего строенія. Жители разказывали намъ, что во время войны съ Французами этотъ костелъ цѣлый годъ служилъ имъ провіантскимъ магазиномъ. Въ настоящее время на немъ не было ни одного колокола, такъ какъ при началѣ возстанія мятежники сняли съ своихъ костеловъ всѣ колокола, для литья изъ нихъ орудіи.

27-го мая объѣзжалъ полки гвардіи генералъ-аъютантъ его императорскаго величества графъ Орловъ, проѣздомъ въ главную квартиру. Великій князь занималъ небольшой фольваркъ, по близости нашего лагеря, въ которомъ снова наступило для насъ скучное бездѣйствіе, окончаніе котораго трудно было опредѣлить, такъ какъ слухи о новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, съ нѣкотораго времени, совершенно затихли. Остатки польской арміи, разбитой подъ Остроленкою, перешли обратно черезъ Наревъ, въ Сирокъ, гдѣ мѣсяца тому назадъ, проходила она съ такою гордостью и увѣренностію. Какое горькое разочарованіе должны были чувствовать Поляки, столь наленные въ счастіи и такъ скоро упдающіе духомъ при малѣйшей неудачѣ! Ломжа опять занята была нами.

29-го мая, отправившись утромъ, для развлеченія отъ лагерной скуки, въ Пултускъ, отстоящій отъ Макова въ 15 верстахъ, и нѣсколько товарищей моихъ были крайне изумлены только что распространившимся въ городѣ извѣстіемъ о скоропостижной смерти фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, происшедшей, въ прошедшую ночь, отъ холеры, въ Клешевѣ. Графъ наканунѣ былъ совершенно здоровъ и веселъ, обходилъ лагери и опрашивалъ польскихъ плѣнныхъ; вечеромъ онъ занимался дѣлами и въ 10 часовъ легъ спать. Въ 2 часа ночи онъ сильно занемогъ; съ нимъ сдѣлались жестокія судороги, и затѣмъ открылись всѣ признаки холеры. Призвали врачей, но медицинскія пособія не могли спасти Забалканскаго героя, который, въ жестокихъ мученіяхъ, при полномъ, однакожь, до послѣдней минуты, присутствіи духа, испустилъ духъ около полудня.

Смерть фельдмаршала поразила насъ своею неожиданностію, но не возбудила большаго сожалѣнія въ арміи, не сочувствовавшей своему вождю, несмотря на его неоспоримыя заслуги. Главнѣйшею причиною этому было Остроленское побоище, оставшееся безъ послѣдствій, что было приписы-

ваемо дерзновенности характера графа Дибича-Забалканскаго. Всѣхъ крайне интересовало узнать, кто изъ русскихъ генераловъ будетъ назначенъ ему преемникомъ, и общія догадки останавливались на начальникѣ штаба арміи генералѣ Толлѣ, военныя способности котораго выказались еще въ отечественную войну 1812 г., а отличныя распоряженія въ Остроленскомъ сраженіи были всѣмъ въ арміи извѣстны и исполнѣ оцѣнены. Солдаты знали и уважали его, видя его всегда впереди въ сраженіяхъ и слыша его одушевляющія рѣчи, съ коими онъ столько разъ водилъ ихъ къ побѣдамъ. Графъ Толль, какъ начальникъ арміи согласно военнымъ постановленіямъ, вступилъ, по кончинѣ фельдмаршала, въ командованіе арміей и въ тотъ же день перевелъ главную ея квартиру изъ Клешева въ Пултускъ. Мы видѣли, какъ, во главѣ многочисленнаго штаба, новый главнокомандующій верхомъ въѣзжалъ въ городъ, при стеченіи всего его населенія. Чины штаба арміи, казалось, были очень опечалены смертію фельдмаршала, который былъ для нихъ добрымъ начальникомъ, внимательнымъ къ ихъ нуждамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человекомъ. Осмотрѣвъ Пултускъ, и представившій намъ ничего особенно примѣчательнаго, кромѣ древняго великолѣпнаго архіепископскаго дворца, стоящаго на крутомъ берегу Нарева, мы возвратились въ лагерь, гдѣ, до нашего прибытія, еще никто не зналъ о смерти фельдмаршала.

3-го іюня была отслужена по немъ въ лагерѣ панихида. Не видно было на лицахъ, присутствовавшихъ при богослуженіи, слѣдовъ печали и сожалѣнія. Всѣхъ занимала мысль, кто замѣнитъ фельдмаршала; люди рѣдко прощаютъ несчастію, а успѣхъ въ ихъ глазахъ все оправдываетъ. Сердце покойнаго фельдмаршала предположено было предать землѣ въ Пултускѣ, а набальзамированное тѣло отправить, для погребенія, въ Петербургъ.

На другой день получено было извѣстіе о ротѣ его высочества, поступившей въ отрядъ генерала барона Остенъ-Сакена. Послѣдній, уступая превосходству силъ непріятеля (до 12.000), бывшихъ подъ начальствомъ генерала Гельгуда, отступилъ отъ Ломжи, по Ковенскому шоссе, до Райгрода, гдѣ съ малочисленнымъ отрядомъ своимъ (до 6.000) остановился на весьма удобной позиціи. Здѣсь, 17-го мая, произошло съ мятежниками кровопролитное дѣло, и генералъ баронъ

Остенъ-Сакенъ долженъ былъ отступить въ Ковно, куда прибылъ 21-го мая. Рота наша, при отступленіи отряда отъ Ломжи, уничтожила у этого города пять мостовъ черезъ Наревъ, что дало возможность удержать натискъ Поляковъ, вывести изъ Ломжи больныхъ и взять съ собой по возможности большее число сложенныхъ тамъ тяжестей. Всѣ выздоравливавшіе чины гвардейскаго корпуса, находившіеся въ Ломженскомъ госпиталѣ, были присоединены къ ротѣ и составили съ нею отдѣльный батальонъ, подчиненный командирѣ ея, капитану Аделунгу *. Въ продолженіе пятидневнаго стоянія отряда генерала Сакена на Райгородской позиціи, саперы обнесли ее укрѣпленіями, взаимно другъ друга фланкировавшими, устроили впереди ихъ волчьи ямы и положили застѣки. У Ковна, при отступленіи отряда послѣ Райгородскаго дѣла, саперы разобрали, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, большой мостъ черезъ Нѣманъ.

6-го іюня назначена была въ лагерѣ репетиція церковнаго парада лейбъ-гвардіи Измайловскому полку и лейбъ-гвардіи саперному батальйону, по случаю ихъ общаго праздника Св. Троицы; но вмѣсто того, утромъ того же дня, саперы получили приказаніе выступить въ Пултускъ, для постройки у этого города моста черезъ рѣку Наревъ. 7-го іюня справляли они свой батальйонный праздникъ послѣ церковнаго парада, на которомъ они столько лѣтъ сряду постоянно имѣли счастье видѣть государя императора. Вечеромъ, когда музыка и пѣсни раздавались въ лагерѣ саперовъ, пріѣхалъ алыютантъ великаго князя, присланный изъ Макова поздравить ихъ съ батальйоннымъ праздникомъ, и это милостивое вниманіе его императорскаго высочества очень ихъ обрадовало и польстило.

Къ 10-му іюня плотовой мостъ у Пултуска былъ оконченъ постройкой, и въ этотъ же день пришло извѣстіе о высочайшемъ назначеніи главнокомандующимъ арміей въ Царствѣ Польскомъ фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, имя котораго, прославленное подвигами Персидской войны 1826 года и Турецкой, въ Малой Азіи, въ 1828 и 1829 годахъ, пользовалось въ Россіи и въ арміи большою популярностію. Въ это же время возвратился ко второй мнерной ротѣ, захваченный въ плѣнъ при ея отступленіи 5-го

* Нынѣ генералъ-майоръ Корпуса Лѣсничихъ, въ отставкѣ.

мая отъ Пура, минаръ Сидоръ Павловъ. Приведенный въ Варшаву, онъ, какъ саперъ, былъ употребляемъ на работы при укрѣпленіи города и теперь простодушно разказывалъ, чрезъ какія опасности ему приходилось пройти, для достиженія русскихъ аванпостовъ.

Въ Пултускѣ случилось тогда весьма трагическое происшествіе. Офицеръ одного изъ полковъ бывшаго литовскаго корпуса, родомъ Полякъ, состоявшій для особыхъ порученій при генералъ-адъютантѣ Нейлгардтѣ, генералъ-квартирмейстерѣ арміи, влюбился въ хорошенькую Польку, которая не отвѣчала ему взаимностію. Увлеченный страстію и отчаяніемъ, молодой человекъ, придя къ жестокой, выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета и тяжело ранилъ ее въ грудь, а затѣмъ раздробилъ себѣ черепъ выстрѣломъ изъ другого пистолета. Жизнь хорошенькой панны Зосси была въ большой опасности, но медики не отчаивались ее спасти.

Холера продолжала ежедневно вырывать изъ рядовъ нашихъ значительное число жертвъ, но мы уже отчасти къ этому привыкли. Впрочемъ прекрасная погода, продолжавшаяся уже болѣе двухъ недѣль, и благопріятное для здоровья мѣстоположеніе Пултуска не позволяли холерѣ слишкомъ распространяться. 12-го іюня курьеръ, прибывшій изъ Петербурга, привезъ знаки ордена Св. Побѣдоносца Георгія 2-го класса генералъ-адъютанту Бистрому и 3-й степени — генералъ-майору Полешко. Обѣ эти высочайшія награды очень обрадовали всѣхъ высоко цѣнившихъ мужество и воинскія заслуги этихъ двухъ достойныхъ генераловъ. Офицеры двухъ ротъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальйона, участвовавшіе въ Остроленскомъ сраженіи, удостоились получить высочайшее благоволеніе, сократившее годомъ срокъ выслуги для полученія ордена Св. Георгія.

Нетерпѣливо ожидаемый всею арміей фельдмаршалъ прибылъ въ Пултускъ 14-го іюня вечеромъ и былъ привѣтствованъ, при проѣздѣ чрезъ лагерь, криками *ура*. На другой день пріѣзжалъ къ фельдмаршалу великій князь Михаилъ Павловичъ, получившій, за отличное отступленіе гвардейскаго корпуса, отъ своего августѣйшаго брата, шагу, украшенную брилліантами. Награды въ гвардейскомъ корпусѣ вышли въ то же время, и въ числѣ прочихъ, за разрушеніе, 5-го мая, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, моста на Ручѣ,

я удостоился получить лестную военную награду: золотую полусаблю съ надписью „за храбрость“.

17-го іюня гвардейскій саперный батальйонъ получилъ приказаніе возвратиться изъ Цуттуска въ Маковъ, для присоединенія къ гвардейскому корпусу. Подходя къ лагерю, мы нашли его окруженнымъ санитарною цѣпью и замѣтили много свѣжихъ могилъ, свидѣтельствовавшихъ, что холера продолжала вырывать жертвы изъ рядовъ гвардейцевъ. На другой день всѣ саперные офицеры имѣли честь представляться великому князю и благодарить его высочество за полученныя ими награды, а затѣмъ и доблестному генералу Бистрому, въ лестныхъ выраженіяхъ благодарившему насъ за усердіе и отличіе, оказанныя нами при отступленіи гвардіи. За тѣмъ генералъ съ сожалѣніемъ сообщилъ, что нашъ батальйонный командиръ генералъ Шильдеръ очень страдаетъ въ Кенигсбергѣ отъ полученной имъ подъ Остроленкой раны, и что ему грозитъ отнятіе ноги. Наиболѣе отличившіеся въ дѣлѣ подъ Нуромъ минеры, въ числѣ 27 человекъ, получили знаки отличія военнаго ордена, которые имъ были розданы въ тотъ же день, къ великой ихъ радости.

Въ ночь на 22-е іюня, батальйонъ получилъ внезапно приказаніе выступить изъ лагеря подъ Маковымъ, съ кавалеріей авангарда, для исправленія дорогъ, по которымъ должна была проходить вся армія. Проливные дожди, продолжавшіеся три дня, совершенно испортили ихъ; мосты были снесены, плотины прорваны; пришлось усиленно работать во время переходовъ, исправлять мосты, устраивать переправы, заваливать фашинами тонкія мѣста, спускать воду и мостить гати. Много затрудненій представлялъ переходъ артиллерійскаго резерва, состоявшаго изъ 114 орудій большаго калибра и множества зарядныхъ ящиковъ и фургоновъ, но слѣдовавшая за нимъ гвардейская кирасирская дивизія своими тяжелыми лошадьми обыкновенно вновь разбивала всѣ наши временные мосты и фашинные кладки чрезъ тонкія болота, коими изобилуетъ Плоцкое воеводство. Тяжело приходилось саперамъ, имъ не доставало времени варить пищу, и нѣсколько дней сряду они ѣли одни сухари. На третій день по выступленіи батальйона изъ Макова, по приходѣ въ мѣстечко Раціонжъ, дождь пересталъ лить, и саперы могли хоть нѣсколько

отдохнуть и обсушиться. 25-го іюня, утромъ, послучаю высоко-торжественнаго дня рожденія государя императора Николая Павловича, отслужено было, на нашемъ бивуакѣ, въ присутствіи генерала графа Постица, молебствіе. По окончаніи его, когда генералъ поздравилъ саперовъ съ общимъ праздникомъ, громкіе, радостные крики *ура* огласили воздухъ. Послѣ обѣда батальонъ выступилъ въ походъ и опять принялся за исправленіе дорогъ и гатей. Прибывъ поздно вечеромъ въ Трженово, неутомимые саперы продолжали праздновать радостный для нихъ день, во всѣхъ ротахъ пѣли до поздней ночи пѣсельники, зажигались пучки соломы, и бивуачная иллюминація окончилась горѣніемъ огромнаго двуглаваго орла изъ соломы, при взрывѣ шумныхъ восклицаній.

На другой день, пять взводовъ батальона получили приказаніе присоединиться къ первому пѣхотному корпусу, бывшему подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Палена, для прикрытія и исправленія дорогъ для резервной артиллеріи, а одинъ взводъ, подъ моею командой и съ прапорщикомъ Коваленскимъ, оставленъ былъ въ головѣ гвардейскаго корпуса, также для исправленія дорогъ. Первый корпусъ долженъ былъ сѣдовать, чрезъ Липно и Киколь, въ Осьекъ, близъ прусской границы, для устройства у этой деревни переправы чрезъ Вислу. Выступивъ въ авангардъ гвардейскаго корпуса, бывшемъ подъ начальствомъ генерала Полешко, я со взводомъ своимъ прибылъ въ тотъ же день къ Плоцку и сталъ бивуакомъ въ трехъ верстахъ отъ этого города, въ которомъ расположились главная квартира фельдмаршала и штабъ великаго князя.

Въ окрестностяхъ Плоцка гвардейскій корпусъ простоялъ до 30-го іюня. Непроницаемая тайна относительно военныхъ операцій заступила, съ пріѣздомъ фельдмаршала, прежніе, весьма часто неосновательные и во всякомъ случаѣ преждевременные слухи и толки, такъ что никто не зналъ куда армія наша направится отъ Плоцка. На противоположномъ берегу Вислы показывались иногда небольшіе отряды кракусовъ, которыхъ тотчасъ же разгоняли нѣсколькими выстрѣлами изъ нашихъ орудій. 29-го іюня, вечеромъ, приказано было бить тревогу; гвардейскій корпусъ быстро всталъ въ ружье и выстроился въ боевой порядокъ. Разнеслась вѣсть о приближеніи польской арміи, и мимо насъ промчался впередъ фельдмаршалъ съ огромною свитой. Послѣ часо-

ваго ожиданія предстоявшаго намъ сраженія, одинъ изъ его адъютантовъ прискакалъ съ приказаніемъ распустить полки и батареи. Оказалось, что тревога была напрасная и произошла отъ извѣстія, полученнаго отъ графа Витта, начальника арріергарда арміи, о наступленіи въ большихъ силахъ, отъ Блхова и Гуры, непріятеля, который потомъ остановился. Гвардейцы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, расположились на отдыхъ; я же получилъ приказаніе немедленно выступить, съ своимъ взводомъ, для исправленія дороги въ Липно. Тѣ работы, которыя возлагались прежде на весь батальонъ, пришлось выполнять одному моему взводу, а ихъ было не мало, такъ что, при всемъ усердіи нашемъ, мы едва успѣвали съ ними справляться. Въ Липно, куда я прибылъ 2-го іюля, гвардейскій корпусъ былъ остановленъ и простоялъ у этого города до 5-го іюля. Здѣсь узнали мы о кончинѣ великаго князя Константина Павловича, въ Витебскѣ, отъ холеры, и о назначеніи великаго князя Михаила Павловича, вмѣсто его высочества, шефомъ лейбъ-гвардіи Литовскаго и Волынскаго полковъ высочайшимъ приказомъ отъ 25-го іюня. Въ продолженіе всего этого времени шли проливные дожди, совершенно испортившіе дороги, что прибавило еще болѣе работы саперамъ. Польская армія, слѣдовавшая за нами отъ самаго Плоцка, заняла его послѣ нашего ухода; но авангардъ ея, не вступая въ дѣло съ нашимъ арріергардомъ, ограничивался маловажными аванпостными перестрѣлками.

Выступивъ, 5-го іюля изъ Липно, гвардейскій корпусъ 7-го числа прибылъ къ Осьеку, гдѣ долженъ былъ перейти Вислу, по устроеннымъ здѣсь судовымъ и понтоннымъ мостамъ. Утро было прекрасное, и солнце ярко освѣщало окрестность. Гвардейскій корпусъ расположившійся на этой сторонѣ Вислы бивуакомъ, а на противоположномъ возвышенномъ берегу живописно разсыпанные каменные строенія, крытые черепицей и окруженные пирамидальными тополями, представляли оживленный и живописный видъ. Фельдмаршалъ и великій князь, въ сопровожденіи блестящей свиты, расположились въ предмостномъ укрѣпленіи, окруженномъ большимъ числомъ зрителей, между которыми было и нѣсколько прусскихъ офицеровъ. Мимо ихъ, въ четыре часа пополудни, направились на мосты сперва полки гвардейской кавалеріи, а за ними и

гвардейская пѣхота, съ ея артиллеріей и съ сапернымъ взводомъ въ головѣ. Послѣдній, перейдя мостъ, имѣлъ удовольствіе найти товарищей саперовъ, занятыхъ постройкой другаго предмостнаго укрѣпленія, но долженъ былъ не останавливаясь слѣдовать далѣе съ гвардейскимъ корпусомъ. Я остановился чтобы полюбоваться величественнымъ видомъ перехода войскъ черезъ мосты, по которымъ безконечною лентой тянулись солдаты всѣхъ оружій, артиллерія, парки и обозы. Пройдя съ версту, мы встрѣтили на дорогѣ значительное болото, которое должно было заваливать фашинникомъ для прохода артиллеріи. Эта работа заняла насъ до двухъ часовъ ночи, и только послѣ окончанія оной добрели мы, въ совершенной темнотѣ, до гвардейскихъ бивуаковъ, въ полуверстѣ отъ мѣстечка Раціонжа, гдѣ расположились главная квартира фельдмаршала и штабъ его высочества. На другой день, утромъ, гвардія была переведена впередъ на четыре версты, къ селенію Сержхово, гдѣ взводъ мой былъ поставленъ подлѣ Финскаго стрѣлковаго батальона.

9-го іюля было отслужено благодарственное молебствіе за благополучный переходъ арміи черезъ рѣку Вислу, въ присутствіи фельдмаршала и великаго князя, передъ гвардейскими бивуаками. Его высочество, узнавъ, что въ Финскомъ стрѣлковомъ батальонѣ холера ежедневно похищаетъ значительное число жертвъ, приказалъ поставить его на одну версту за гвардейскимъ корпусомъ, для предохраненія его отъ зараженія. По особенному счастью, ни одинъ саперъ изъ моего взвода не заболѣлъ ужасною болѣзнію, съ самаго vystупленія его изъ Плоцка, несмотря на ненастную погоду, усиленные переходы, непрерывныя работы и ночлеги въ болотахъ, часто при проливномъ дождѣ.

10-го іюля ѣздилъ я въ Осьекъ, чтобы увидѣть батальионныхъ товарищей и ближе осмотрѣть устроенные близъ мѣстечка черезъ Вислу мосты. Мѣсто переправы было выбрано по причинѣ близости его отъ прусской границы, откуда доставлены были суда для постройки мостовъ и жизненные припасы для арміи. Гвардейскій саперный батальонъ прибылъ въ Осьекъ 30-го іюня, одновременно съ первымъ, вторымъ и третьимъ саперными батальонами, и тотчасъ же было приступлено ими къ пригготовительнымъ работамъ.

2-го іюля начали ставить большой мостъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ быстрая Висла образуетъ своими рукавами два острова, на которыхъ были построены батареи, вооруженныя орудіями, перевезенными туда на судахъ. Большой мостъ отъ праваго берега до перваго острова былъ наведенъ на судахъ, доставленныхъ изъ Пруссіи (берлинки); 4-го же іюля были наведены два понтонные моста, одинъ отъ перваго острова, гдѣ былъ поставленъ главный резервъ пѣхоты и артиллеріи, ко второму острову, и другой отъ этого послѣдняго до лѣваго берега, занятаго при самомъ началѣ наведенія мостовъ казачьимъ полкомъ, перешедшимъ Вислу вбродъ, и батальйономъ пѣхоты, переправленнымъ на судахъ. Подъ ихъ прикрытіемъ, гвардейскій саперный батальйонъ приступилъ къ постройкѣ предмостнаго укрѣпленія. 5-го іюля, утромъ, были наведены всѣ мосты, изъ нихъ одинъ отъ праваго берега Вислы до перваго острова, длиною въ 265 сажень, былъ на судахъ и частью, въ мелкихъ мѣстахъ рѣки, на козлахъ, составныя части которыхъ были также привезены на судахъ изъ Пруссіи; отъ перваго до втораго острова были наведены два моста, длиною 80 сажень, одинъ на судахъ, а другой, подлѣ него, понтонный; наконецъ отъ втораго острова до лѣваго берега наведены были рядомъ два понтонные моста, длиною каждый 110 сажень.

Переправа войскъ 1-го пѣхотнаго корпуса и обозовъ, по этимъ мостамъ, началась 5-го іюля и окончилась только 7-го, оттого что въ эти дни, отъ внезапной прибыли воды въ Вислѣ, стали подниматься козлыбольшаго моста и были замѣнены судами, что и заставило на время остановить переправу войскъ. Гвардейскій и гренадерскій корпуса съ ихъ артиллеріей переправились 7-го и 8-го іюля.

13-го іюля, лейбъ-гвардіи саперный батальйонъ, окончивъ на переправѣ у Осьека всѣ возложенныя на него работы, присоединился къ гвардейскому корпусу, послѣ трехнедѣльной откомандировки. Офицеры были очень довольны своимъ пребываніемъ въ Осьекѣ, гдѣ подружились съ прусскими офицерами, которые ежедневно пріѣзжали навѣщать ихъ изъ пограничныхъ прусскихъ мѣстечекъ.

14-го іюля приказано было всей арміи на слѣдующій день выступить въ походъ. При этомъ фельдмаршалъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„Воины! 22-го числа прошлаго мѣсяца вы оставили Пултускъ; непріятель не осмѣлился на васъ напасть ни на переправахъ рѣкъ и болотъ, ни при проходахъ болотъ и тѣсинъ. Онъ слѣдовалъ за вами. Бывъ увѣренъ въ вашей доблести, я хотѣлъ дать вамъ случай приобрѣсть новый вѣнокъ славы и, въ то же время, нужно было шесть дней для устройства мостовъ; мы стали ожидать его; но непріятель, увидя нашу готовность сразиться, остановился. Между тѣмъ мосты готовы, и мы на другомъ берегу Вислы, а непріятель спѣшитъ защищать Варшаву.

„Воины! Я благодарю васъ за ваши труды; но вамъ еще осталось много совершить. Непріятель, въ гордости своей, ожидаетъ васъ; пойдемъ, друзья, и докажемъ ему, что тамъ успѣхъ вѣрный, гдѣ въ сердцѣ каждого любовь къ Государю и Отечеству.

„Генераль-фельдмаршалъ
графъ Паскевичъ-Эриванскій.“

15-го іюля, рано утромъ, нашъ батальйонъ выступилъ въ походъ въ головѣ гвардейскаго корпуса и прослѣдовалъ слѣдующіе дни, чрезъ Коваль, Гостилинъ, Осины и Гузево, въ Ловичъ, куда прибылъ 21-го іюля. Въ продолженіе этихъ пяти дней дождь не переставалъ лить и привелъ въ ужасное состояніе проселочныя дороги, пролегавшія во многихъ мѣстахъ чрезъ топи, лѣса и овраги, наполненные дождевою водою. Надлежало ихъ исправлять по возможности поспѣшнѣе, дабы не задерживать слѣдованія арміи, а между тѣмъ часто не было подъ рукой необходимыхъ матеріаловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались такія топкія мѣста, что положенныя на нихъ фашины совершенно проваливались въ глубину, при проходѣ частей войскъ, въ особенности кавалеріи, и саперы вынуждены бывали снова начинать эту работу Данаидъ. Усталые отъ работъ и переходовъ, промокшіе до костей, приходили они поздно вечеромъ на мѣста ночлеговъ и зачастую бивуакировали въ мѣстахъ окруженныхъ болотами, не имѣя возможности даже хоть нѣсколько осушиться или обогрѣться у костровъ, не горѣвшихъ отъ сырости дровъ, а только тлѣвшихъ, распространяя густой дымъ. 20-го іюля мнѣ было поручено устроить, съ командой саперовъ, переправу черезъ болото, пролегавшая черезъ которое дорога была совершенно размыта дождями. Когда работа приходила уже къ окончанію, подѣхалъ ко мнѣ фельдмаршалъ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ, и на время остановившись, разспрашивалъ меня о подробностяхъ работы

наскоро воздвигнутой мною гати, которою остался доволенъ. Мнѣ въ первый еще разъ случилось говорить съ побѣдителемъ Персіанъ и Турокъ, совершившимъ столько славныхъ подвиговъ. Онъ казался озабоченнымъ, говорилъ отрывисто и разсѣянно. На немъ былъ изношенный сѣрый плащъ, на головѣ бѣлая кавказская фуражка, а въ рукахъ казачья нагайка, которою онъ безпрестанно помахивалъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, батальонъ получилъ приказаніе выступить въ ночь въ Ловичъ, для поступленія въ распоряженіе начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-майора Дена. По исправленіи моста на сваяхъ черезъ рѣку Бзуру, полусожженного Поляками при отступленіи ихъ наканунѣ изъ города и занятого послѣ нихъ отрядомъ генерала Муравьева, батальонъ расположился бивуакомъ полѣ Ловича, который, послѣ долгаго странствованія по грязнымъ жидовскимъ мѣстечкамъ и бѣднымъ польскимъ селеніямъ, показался намъ очень красивымъ и привѣтливымъ. Въ немъ замѣтно было большое оживленіе: по городской площади бивуакировали два батальона Несвижскаго карабинернаго полка и играла полковая музыка; Жидки, съ радостными лицами, сновали по улицамъ и предлагали докучливо офицерамъ и солдатамъ свои плохіе товары и всевозможныя услуги, но горожане Поляки казались печальными и озабоченными, особенно женщины.

Мы уже привыкли къ этому настроенію во всѣхъ польскихъ городкахъ, которые намъ приходилось занимать или проходить съ самаго начала войны. Городское польское населеніе всюду плохо скрывало свое непріязненное къ Русскимъ чувство; но Жиды и Нѣмцы, по большей части переселенцы изъ Пруссіи, которыхъ много во всѣхъ почти польскихъ городкахъ и мѣстечкахъ, радостно насъ встрѣчали, какъ избавителей отъ нестерпимыхъ обидъ и притѣсненій со стороны Поляковъ съ самаго начала возмущенія. Съ шляхтой, среднимъ городскимъ населеніемъ и многочисленнымъ классомъ фанатическихъ польскихъ ксендзовъ мы не могли сходиться и уживаться, и ихъ непріязнь къ намъ, сдержанная лишь страхомъ, выказывалась при каждомъ удобномъ случаѣ. Непріязнь эта вовсе не раздѣлялась крестьянскимъ населеніемъ, которое безвинно несло главнѣйшее бремя войны, имъ проклиняемой. Польскіе крестьяне ненавидѣли своихъ магнатовъ, пановъ и дробную

шляхту. Поселяне, по большей части, относились къ нашимъ солдатамъ даже дружелюбно, и несмотря на крайнее раззореніе свое въ мѣстахъ бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій, часто добродушно угощали ихъ и дѣлились съ ними послѣднимъ что у нихъ оставалось. Часто приходилось намъ слышать отъ нихъ, съ самаго вступленія нашего въ Царство Польское: „Развѣ мы виноваты въ возстаніи противъ Русскихъ? Оно произведено нашими шельмами-панами, которые насъ всегда притѣсняли, а теперь въ концѣ раззоряютъ и грабятъ, и подъ угрозой смерти силой заставляютъ идти сражаться противъ васъ.“

V.

22-го іюля прибылъ въ Ловичъ фельдмаршалъ и остановился въ немъ съ своею главною квартирою. Саперы приступили къ исправленію моста на Бзурѣ, и чрезъ нѣсколько дней работа эта была окончена. Въ Ловичѣ узнали мы о безпорядкахъ, происходившихъ на дняхъ въ Варшавѣ, гдѣ стала образовываться контръ-революціонная партія. Генералиссимусъ Скршинецкій оправдывалъ въ учрежденномъ при сеймѣ военномъ совѣтѣ свои послѣднія военныя дѣйствія, но, кажется, не успѣлъ убѣдить въ ихъ рациональности польскихъ революціонеровъ, которые были очень ожесточены противъ него и не безъ основанія. Дѣйствительно, распоряженія его, со времени перехода польской арміи подъ его предводительствомъ черезъ Бугъ, у Сиродка, не могли выдержать строгой критики. Нерѣшительность его характера была причиной несвязности въ исполненіи искуснаго операціоннаго плана, выработаннаго начальникомъ его штаба генераломъ Прондзинскимъ. Эта нерѣшительность и постоянныя колебанія и были причиной напрасныхъ кровопролитій и едва не послѣдовавшаго за Остроленскимъ сраженіемъ конечнаго уничтоженія польской арміи.

Воспользовавшись наконецъ наступившею болѣе благопріятною погодой, отправился я, 23-го іюля, утромъ, въ Аркадію, извѣстное имѣніе князя Радзивилла, лежащее въ четырехъ верстахъ отъ Ловича, о которомъ упоминаетъ французскій поэтъ Делилль въ своей поэмѣ *Les Jardins*. Подъѣзжая къ царку, мы были встрѣчены звуками военной

музыки полкового хора Луцкаго гренадерскаго полка, изъ авангарда арміи, состоящаго подъ начальствомъ генерала графа Витта, бивуакъ котораго былъ расположенъ у самаго замка. Замокъ, по наружности не представлявшій ничего особенно замѣчательнаго, вмѣщалъ въ себѣ много отличныхъ предметовъ изящныхъ искусствъ, прекрасныя оригинальныя картины знаменитыхъ мастеровъ италіянской и фламандской школъ, а также хорошія мраморныя группы и статуи. Обстановка комнатъ замка свидѣтельствовала о тонкомъ вкусѣ основательницы Аркадіи, княгини Елены Радзивиллъ, женщины во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательной. Паркъ, примыкающій къ замку, отлично разбитый, представлялъ слѣды недавняго запущенія. Въ немъ было нѣсколько красивыхъ павильоновъ; въ одномъ изъ нихъ, роскошно убранномъ, на мраморномъ столѣ лежалъ альбомъ, въ которомъ я видѣлъ имена нѣсколькихъ коронованныхъ особъ и европейскихъ знаменитостей. Слѣдующія строки были вписаны королевой прусскою въ 1801 году: *„C'est toujours avec plaisir que je me souviendrai d'Arcadie et de celle qui en fait les délices. Louise, reine de Prusse.“* Одна мраморная группа, представлявшая генія кормящаго мифологическое чудовище, обратила на себя мое вниманіе вырѣзанною подъ нею надписью: *„L'espérance nourrit une chimère et la vie s'écoule“*. Мнѣ вздумалось, не представляетъ ли этотъ геній Польшу, которая уже столько времени преслѣдуетъ и лелѣетъ химеру о восстановленіи своей національной независимости, утраченной, по ея же винѣ, легкомысліемъ и анархическими тенденціями ея гордыхъ, буйныхъ и жестокосердыхъ магнатовъ, всегда стремившихся утвердить свою необузданную вольницу на безчеловѣчномъ угнетеніи и раззореніи несчастныхъ поселянъ, на которыхъ они постоянно смотрѣли съ высоты своего величія и могущества, какъ на паріевъ, рабовъ и даже скотовъ (быдло).

Къ Луцкому гренадерскому полку, занимавшему Аркадію, равно какъ и къ другимъ полкамъ бывшаго литовскаго корпуса, прикомандированы были съ начала кампаніи гвардейскіе офицеры для командованія ротами, такъ какъ офицерамъ этихъ полковъ, по большей части польскимъ уроженцамъ, или Литвинамъ, нельзя было вполне довѣрять. Аркадія была крайнимъ передовымъ пунктомъ, занятымъ авангардомъ арміи. Около лежащаго въ двухъ верстахъ отъ него впереди

другаго зѣмка князей Радзивилловъ, Неборова, одинъ гусарскій полкъ и два полка казаковъ содержали аванпостную дѣльню противъ польской арміи, сосредоточенной близъ Сохачева и занимавшей Рыбно на лѣвомъ берегу Бзуры.

24-го іюля, послѣ обѣда, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, отправился и верхомъ чрезъ Аркадію въ Неборовъ, чтобъ осмотрѣть зѣмокъ его. Подъѣзжая къ нему, попались къ намъ навстрѣчу два казака, скакавшіе во весь опоръ съ аванпостовъ съ донесеніемъ къ начальнику авангарда о наступленіи непріятельскихъ колоннъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы могли уже различать ихъ вдаль. Слѣдовало ожидать сраженія, и мы въ карьеръ поскакали назадъ къ своему батальйону. Не доѣзжая Аркадіи, встрѣтили мы нѣсколько полковъ нашего авангарда, подвигавшихся впередъ на встрѣчу непріятелю, а за ними фельдмаршала, верхомъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Передъ Ловичемъ попались намъ гвардейскіе уланы, утромъ того же дня пришедшіе изъ Августовскаго воеводства, гдѣ находились въ отрядѣ генерала Герштенцвейга; за ними тянулись отъ города полки гвардіи и гренадеръ. Канонада со стороны Аркадіи становилась очень живою и предвѣщала очень нетерпѣливо всѣмъ ожидаемое рѣшительное сраженіе съ мятежниками. Нашъ батальйонъ былъ также уже выстроенъ передъ городомъ, но не получалъ еще приказанія выступить. Въ это время большая деревянная дѣтряная мельница, стоявшая по близости батальйона, и изъ которой солдаты всѣхъ полковъ вытаскали украдкой подпорки и стойки для бивуачныхъ костровъ, обрушилась съ страшнымъ трескомъ, но никого, къ счастью, не ушибла, возбудивъ взрывъ общей веселости. Канонада продолжалась еще около часа, но съ наступленіемъ сумерокъ замолкла совершенно, и войска, еще разъ обманутыя въ своихъ ожиданіяхъ, получили приказаніе разойтись по своимъ бивуакамъ и лагерямъ.

На другой день утромъ стало извѣстно, что вчерашняя тревога произошла вслѣдствіе рекогносцировки, произведенной польскимъ авангардомъ, подъ начальствомъ генерала Ромарино, піемонтскаго авантюриста, въ началѣ возмущенія вступившаго въ польскую армію. Увидѣвъ готовность нашу встрѣтить его, онъ ограничился перестрѣлкой и занятіемъ оставленнаго нами Неборова. Около полуночи, гвардейскій и гренадерскій корпуса получили приказаніе перейти рѣку

Бзуру, по пяти pontоннымъ мостамъ, и занять позицію около Аркадіи, по дорогѣ изъ Ловича въ Болимову, что и было исполнено къ 4 часамъ утра. Отсюда корпуса эти готовились двинуться впередъ, чтобъ отбросить непріятеля далѣе, какъ получено было извѣстіе, что послѣдній, вѣроятно озадаченный столь быстрымъ переходомъ русской арміи на правый берегъ рѣки Бзуры, оставилъ Неборовъ и сосредоточилъ свои силы у мѣстечка Болимова. Фельдмаршалъ, достигнувъ своей цѣли—удалить Поляковъ отъ нашей арміи, не заблагоразсудилъ вступить съ ними въ сраженіе. Главныя силы наши заняли прежнюю свою позицію при Аркадіи, а авангардъ — Неборовъ.

Гвардейскій 1-й и 2-й саперные батальоны оставлены были въ городѣ Ловичѣ, для обнесенія его временными укрѣпленіями. Фельдмаршалъ избралъ Ловичъ опорнымъ пунктомъ своей операціонной линіи, для прикрытія дороги къ переправѣ черезъ Вислу, для склада оружія, боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ и помѣщенія въ немъ излишняго обоза, орудій, парковъ и госпиталей. За нѣсколько дней передъ этимъ я уже былъ командированъ къ инженеръ-полковнику Сорокину,* получившему порученіе составить общій проектъ укрѣпленія города, который и былъ утвержденъ фельдмаршаломъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: передовыя укрѣпленія должны были состоять изъ люнетовъ и редантовъ съ барбетами и амбразурами на 40 орудій, соединенныхъ между собою брустверомъ для ружейной обороны, со рвомъ въ 8 футовъ глубиной и 14 шириной. Для обстрѣливанія мостовъ на рѣкѣ Бзурѣ предполагалось выстроить береговую батарею и редутъ на островѣ, образуемомъ рукавами Бзуры. Кромѣ того, предполагалось еще пробить бойницы въ монастырскихъ каменныхъ оградахъ и придѣлать къ нимъ банкеты для стрѣлковъ. Главное завѣдываніе всѣми работами по укрѣпленію Ловича поручено было начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи генералу Дену 1-му.

Съ выводомъ изъ Ловича главной квартиры, городъ, до того столь оживленный, замѣтно опустѣлъ. При трассировкѣ укрѣпленій, я заходилъ въ построенный великимъ княземъ

* Нынѣ военный инженеръ-генералъ-лейтенантъ, членъ военного совѣта и комендантъ с.-петербургской крѣпости.

Константиномъ Павловичемъ у вѣзда въ городъ небольшой, готической архитектуры, замокъ, съ тѣнистымъ садомъ, подаренный имъ въ послѣдствіи польской службы генералу Кляцкому. Въ немъ находилась очень хорошая библіотека отборныхъ книгъ, мебель во вкусѣ среднихъ вѣковъ, а изъ стрельчатыхъ оконъ примыкавшей къ замку трехъ-этажной готической башни открывался прекрасный видъ на городъ и его окрестности. Часть тѣнистаго парка, принадлежащаго къ замку, отходила подъ укрѣпленія, и для этого приходилось вырубить много пирамидальныхъ тополей. Работы по насыпкѣ брустверовъ начались 26-го іюля, и на нихъ приказано было высылать ежедневно, кромѣ должностныхъ, все наличное число нижнихъ чиновъ трехъ саперныхъ батальйоновъ. Мнѣ поручена была постройка люнета № 1 и сплошнаго отъ него бруствера, на разстояніи 128 саж., до моста на Бзурѣ. Саперы принялись со всегдашнимъ своимъ усердіемъ за работу, которая была утомительна отъ продолжавшихся съ нѣкотораго времени сильныхъ жаровъ и густаго дыма, стлавшагося отъ большого числа земляныхъ печей, устроенныхъ за городскою заставой для печенія, по распоряженію фельдмаршала, для арміи и гвардіи хлѣба и сухарей.

28-го іюля, когда почти всѣ саперы были на работѣ, а въ лагерѣ ихъ музыканты обѣдали, отъ искры занесенной вѣтромъ съ кухни, загорѣлся одинъ изъ музыкантскихъ соломенныхъ шалашей. Пламя, съ неумовѣрною быстротой распространившись на всѣ прочіе шалаши, истребило ихъ въ нѣсколько мгновеній, при чемъ сгорѣли всѣ музыкантскія аммуничныя и собственныя вещи и расплавились почти всѣ музыкальные и мѣдные инструменты и сигнальные рожки. Мы очень сожалѣли, что лишились своего прекраснаго хора музыки, считавшагося лучшимъ изъ всѣхъ гвардейскихъ мѣдныхъ хоровъ.

Въ продолженіе всего пребыванія нашего въ Ловичѣ, холера, хотя и не въ такой мѣрѣ какъ въ началѣ, продолжала однако уносить свои жертвы, въ число коихъ попалъ бы и я, еслибы не былъ спасенъ искусствомъ и самоотверженіемъ, съ какими пользовалъ меня нашъ отличный батальйонный штаб-лѣкаръ Хотинскій. Между тѣмъ работы около города кончились и быстро близились къ окончанію. Фельдмаршалъ, возвратившійся въ Ловичъ, часто посѣщалъ ихъ и каждый разъ

благодарилъ саперовъ за успѣшную и тщательную постройку возводимыхъ ими укрѣпленій.

2-го августа фельдмаршалъ, вѣдствуя показаній дезертировъ, ожидалъ нападенія польской арміи, и прибывъ въ Аркадію, гдѣ была главная квартира великаго князя Михаила Павловича, приказалъ собраться туда всѣмъ главнымъ начальникамъ войскъ, для передачи имъ приказаній къ предстоящему сраженію. Въ 5 часовъ получено было извѣстіе, что польская армія отступаетъ отъ Болимова къ Варшавѣ, по распоряженію своего новаго главнокомандующаго генерала Дембинскаго, замѣнившаго Скршинецкаго, противъ котораго возстало общее неудовольствіе польской арміи и народа, видѣвшихъ въ немъ до того гениальнѣйшаго и способнѣйшаго изъ своихъ вождей. Авангардъ графа Витта, усиленный гренадерскимъ корпусомъ и дивизіей кирасиръ, подлечнымъ распоряженіемъ графа Толля, началъ преслѣдованіе непріятеля 3-го августа, рано утромъ. Ночью гвардейскій саперный батальонъ выступилъ изъ Ловича и присоединяясь въ Аркадію къ гвардейскому корпусу, получилъ приказаніе отправиться впередъ, для исправленія моста на рѣкѣ Равкѣ, разрушеннаго Поляками, послѣ чего онъ помогалъ 1-му саперному батальйону навести pontонный мостъ на рѣкѣ Бзурѣ. Въ это время послышалась канонада и сильный ружейный огонь, по направленію отъ селенія Шиманова, гдѣ авангардъ нашъ достигъ отступавшаго непріятеля, занявшаго при этой деревнѣ выгодную позицію. Шиманово было взято штурмомъ, и изъ него выбитъ штыками защищавшій его польскій линейный полкъ. Затѣмъ прибылъ въ Шиманово фельдмаршалъ съ остальною своею арміею, которая была тутъ остановлена, а авангардъ графа Витта, преслѣдуя далѣе отступавшихъ Поляковъ, занялъ Каску. Послѣ починки моста на рѣкѣ Равкѣ, батальонъ былъ остановленъ на время въ Болимовѣ, у отлично построенныхъ Поляками укрѣпленій, а за тѣмъ, въ полночь, также прибылъ къ еще пылавшей деревнѣ Шиманово и расположился на бивуакѣ. Когда происходила при этомъ имѣни авангардная стычка, графъ Ностицъ, съ гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею, наткнулся, влѣво отъ нашего авангарда, на арріергардъ мятежниковъ, бывший подъ начальствомъ генерала Уминскаго, при чемъ произошло жаркое кавалерійское дѣло, въ которомъ лейбъ-гвардіи гусарскій

полкъ потерялъ нѣсколько офицеровъ убитыми и ранеными и до 100 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ первыхъ былъ убитъ поручикъ Шимановскій. Поляки, считавшіе его, по фамиліи, за своего земляка, тогда какъ онъ былъ природный Русскій, говорили потомъ, что такъ должны погибнуть всѣ измѣнники отечества, противъ него сражающіеся. Вечеромъ провели мимо насъ нѣсколько плѣнныхъ польскихъ солдатъ, разбѣжавшихся при занятіи нами Шиманова; одинъ изъ нихъ укрылся и былъ найденъ въ болотѣ, съ влившимися въ него пиявками.

На другой день, на зарѣ, батальонъ выступилъ въ головѣ гвардейскаго корпуса и былъ остановленъ у деревни Каски, гдѣ находилась главная квартира арміи. Когда собрались всѣ ея части, она, въ стройномъ порядкѣ, тремя линіями, выступила впередъ. Въ первой линіи, за авангардомъ, шелъ 1-й пѣхотный, во второй—гренадерскій, а за ними въ резервѣ—гвардейскій корпусъ. Колонны наши шли чрезъ поля, направляясь на селеніе Блоніе, по правую и лѣвую сторону большой дороги, по которой, по нездоровью, ѣхалъ въ дрожкахъ, съ генераломъ Нейдгардтомъ, фельдмаршалъ, а за нимъ верхомъ огромная свита. Почему-то ожидали большого сраженія; но этого не случилось, и авангардъ занялъ, безъ боя, селѣ Блоніе, оставленное непріателемъ. Не доходя 1½ версты до послѣдняго, при деревнѣ Віенжевицы, вся армія остановилась на привалѣ. На помѣщицѣй мызѣ фельдмаршалъ собралъ всѣхъ главныхъ начальниковъ войскъ на военный совѣтъ, а за тѣмъ главная квартира перешла въ Блоніе.

5-го августа, въ полдень, авангардъ арміи, подъ начальствомъ генерала графа Витта, производя рекогносцировку къ сторонѣ Варшавы, встрѣтилъ польскій отрядъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, и изъ нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи, производившихъ одновременно рекогносцировку противъ насъ. Искусными распоряженіями генерала Берга, бывшаго при нашемъ авангардѣ, польскій отрядъ былъ отрѣзанъ нашею кавалеріей отъ Варшавы. При этомъ одинъ изъ старыхъ и лучшихъ польскихъ отрядовъ былъ совершенно истребленъ, и только весьма немногимъ кавалеристамъ удалось спастись бѣгствомъ. Кромѣ убитыхъ на мѣстѣ, слишкомъ 1.300 человекъ было взято нашимъ авангардомъ въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ командовавшій польскимъ отрядомъ полковникъ Галлуа, Фран-

цузъ, недавно вступившій въ польскую службу. Когда его брали въ плѣнъ, онъ сказалъ офицерамъ нашимъ: *Messieurs! laissez moi la vie, c'est mon premier debut avec cette canaille!*

6-го августа обѣимъ минернымъ ротамъ приказано было выступить рано утромъ изъ Віенжевицъ, въ головѣ гвардейскаго корпуса, для исправленія дорогъ, а ротѣ его величества провожать весь обозъ арміи. Фланговое движеніе гвардіи и гренадеръ на Надаржинъ было произведено фельд-маршаломъ съ цѣлю отрѣзать сообщеніе Варшавы съ западными и южными воеводствами Царства Польскаго, изъ которыхъ революціонное правительство получало наиболѣе вспомогательныхъ средствъ для веденія войны противъ Русскихъ. Послѣ лившаго наканунѣ цѣлый день сильнаго дождя, густой туманъ закрывалъ мѣстность, и увязая въ грязи, мы прошли въ полдень мѣстечко Надаржинъ, въ 21-й верстѣ отъ Варшавы, гдѣ уже нашли главную квартиру арміи, и присоединились къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса, расположившагося въ одной верстѣ отъ мѣстечка. Авангардъ занялъ Рашинъ, а казаки — всѣ дороги, ведущія къ Варшавѣ, этому гнѣзду польскихъ революціонеровъ. Всѣ ожидали, что чрезъ нѣсколько дней будетъ положенъ конецъ ихъ крамоламъ и что со взятіемъ Варшавы революціонная гидра будетъ раздавлена. Отъ этого общее настроеніе было веселое, и до поздней ночи музыка и хоры пѣснниковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, справлявшаго свой полковой праздникъ, оглашали бивуаки гвардейскаго корпуса, занимавшіе большое пространство по обѣимъ сторонамъ шоссе.

В. Ф.

(До слѣдующаго №.)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

БЫВШАГО ГВАРДЕЙСКАГО САПЕРА

О ПОЛЬСКОЙ ВОИНѢ 1831 ГОДА*

VI.

Въ то время какъ русская армія сосредоточивалась противъ Варшавы, въ послѣдней произошла вспышка революціонной ярости, обогрившая ея улицы кровію многихъ невинныхъ жертвъ. Подстрекаемые кознями демагоговъ, искавшихъ власти, варшавская чернь и наемные убійцы, 3-го (15-го) августа, бросились къ Королевскому замку, гдѣ происходили засѣданія революціоннаго сейма и гдѣ были заключены четыре польскіе генерала, судимые какъ измѣнники за неудачи ихъ въ дѣлахъ противъ насъ, равно какъ и русскіе чиновники, захваченные при началѣ революціи, и нѣсколько польскихъ, обвинявшихся въ сочувствіи къ Россіи. Національная гвардія, содержавшая караулъ въ замкѣ, оказала весьма слабый отпоръ черни, подстрекаемой анархистами. Послѣдняя, ворвавшись въ замокъ, вытащила на площадь, изъ мѣстъ ихъ заключенія, польскихъ генераловъ: Янковскаго, Салацкаго, Гуртига и Буковскаго, камергера Феньшау, служившаго при великомъ князѣ Константиѣ Павловичѣ, польскаго чиновника Бентковскаго и одну русскую даму, г-жу Бажанову, проживавшую въ Варшавѣ и арестованную по совершенно неосновательному подозрѣнію въ шпіонствѣ.

* См. № 1 *Русскаго Вѣстника*.

На площади передъ замкомъ несчастныя жертвы эти были страшно истязаемы кровожадными извергами, ругавшимися надъ ними, и затѣмъ повѣшены на фонарныхъ столбахъ. Дочь Бажановой, пришедшая въ этотъ день въ темницу посѣтить свою мать, также получила нѣсколько ранъ. Не насытившись этими неистовствами, толпа бросилась въ Вольское предмѣстье, гдѣ, въ рабочемъ домѣ, были также заключены нѣкоторые Поляки, обвиняемые въ измѣнѣхъ и шпіонствѣхъ, и здѣсь повторились ужасы Замковой площади. До тридцати заключенныхъ были умерщвлены и истерзаны самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, и кромѣ того еще многія другія неистовства были произведены поодиночкѣ на улицахъ Варшавы вечеромъ и ночью 3-го (15-го) и 4-го (16-го) августа, пока наконецъ старый польскій генералъ времяхъ имперіи, бывшій губернаторъ варшавскій, графъ Круковецкій, не принялъ начальства надъ городомъ и энергическими мѣрами не остановилъ бѣсновавшихся злодѣевъ. Извѣстіе о варшавской рѣзнѣ распространилось съ приходомъ нашимъ въ Надаржинъ и составляло предметъ всѣхъ разговоровъ у бивуачныхъ огней. Ходили слухи, что генералъ Круковецкій, вновь избранный сеймомъ въ губернаторы Варшавы, личный врагъ Скршинецкаго, самъ не чуждъ былъ участія въ произведеніи варшавскихъ безпорядковъ. Со вступленіемъ его въ должность, ненависть противъ Скршинецкаго достигла крайнихъ предѣловъ; коноводы революціи требовали преданія его суду и даже хотѣли его повѣсить. Только заступничеству преемника его, Дембинскаго, обязанъ Скршинецкій тѣмъ, что ему дана была возможность оставить войско и скрываться въ Варшавѣ. Круковецкій сталъ дѣйствовать весьма строго и терроромъ останавливалъ необузданность анархистовъ. Утверждали, что въ настоящее время онъ всемогущъ въ Варшавѣ; что передъ нимъ трепещетъ сеймъ, и что сильное вліяніе его распространилось даже и на войско. По всѣмъ признакамъ, роковой часъ для Варшавы и всего польскаго возмущенія былъ близокъ.

8-го августа саперы получили приказаніе изготовить обрзцовыя туры и фашины, для передачи ихъ въ полки гвардіи и арміи, коимъ приказано заняться ихъ изготовленіемъ. Въ то же время фельдмаршалъ поручилъ генералу Шипову, командиру лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, сподвижнику

своему въ продолженіе персидской и турецкой компаній, за-вѣдывавшему изготовленіемъ штурмовыхъ лѣстницъ при осадѣ Ахалдыха, въ 1828 году, приступить къ приготовленію такихъ же точно лѣстницъ для штурмованія варшавскихъ укрѣпленій. Въ деревнѣ Стрженевкѣ, по близости бивуака, собраны были плотники и столяры изъ всѣхъ частей арміи. Я былъ назначенъ, съ командой мастеровъ отъ гвардейскаго сапернаго батальйона, помощникомъ къ генералу Шипову, и работа у насъ закипѣла.

9-го августа всѣ работы были остановлены, и въ войскахъ отслужены благодарственные молебны, по случаю рожденія, 27-го іюля, великаго князя Николая Николаевича, котораго государь повелѣлъ зачислить въ лейбъ-гвардіи саперный батальйонъ.

Послѣ церковнаго парада, войска пировали и ликовали на славу; звуки музыки и пѣсенъ разносились со всѣхъ сторонъ и доходили къ намъ даже отъ нашего авангарда. Гвардейскіе саперы были вдвойнѣ счастливы, но горѣвали о томъ, что у нихъ не было музыки, погибшей въ Ловичѣ, чтобы оживить ихъ праздникъ. Это сказали фельдмаршалу, и онъ былъ столь внимателенъ, что приказалъ выдать 4.000 р. с. на заведеніе новыхъ инструментовъ. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Варшаву парламентаръ, для извѣщенія города о рожденіи сына у польскаго царя.

Къ 14-му августа изготовленіе штурмовыхъ лѣстницъ было окончено, и я возвратился съ командой изъ Стршхова къ батальйону и явился къ только что прибывшему изъ Кенигсберга генералу Шильдеру. Рана его уже зажила, но онъ еще чувствовалъ сильную боль въ ступнѣ и ходилъ на костыляхъ. Въ тотъ же день присоединилась къ батальйону и рота его высочества, находившаяся въ отрядѣ генерала барона Остенъ-Сакена.

По приходѣ въ Вильну, она укрѣпила Панарскія высоты, впереди города, и въ происшедшемъ, 7-го іюня, на этихъ высотахъ сраженіи, по малочисленности войскъ нашихъ, находилась въ передней цѣпи застрѣльщиковъ, въ головѣ отряда, преслѣдовала потомъ отступавшихъ Поляковъ и исправляла разрушаемые ими мосты. При занятіи, 13-го іюля, Ковна, мятежники, преслѣдуемые по пятамъ, не успѣли уничтожить за собою мостъ черезъ Нѣманъ, и на немъ едва не была захвачена въ плѣнъ, извѣстная партизанка и

энтузіастка, графиня Эмилиа Платеръ, скакавшая во весь опоръ, съ пистолетомъ въ рукѣ, передъ догонявшими ее казаками. На мосту была ранена подъ нею лошадь, но бывшій при ней польскій офицеръ, какъ истый рыцарь, отдалъ ей свою и самъ взятъ былъ въ плѣнъ. Изъ Ковна рота, съ отрядомъ генерала барона Остенъ-Сакена, выступила опять въ предѣлы Царства Польскаго и чрезъ Остроленку, Осьеку и Ловичъ прибыла въ Надаржинъ, 15-го августа.

Въ это время отъ гвардейскаго сапернаго батальйона, пришедшаго наконецъ, послѣ долгаго времени, въ четырехротный составъ, наряжалось ежедневно до 300 саперовъ, для обученія гвардейскихъ и армейскихъ полковъ вязкѣ фашиновъ и плетенію туровъ, которыхъ, въ продолженіе двухъ недѣль, изготовлено было огромное количество.

Тогда построено было гвардейскими саперами довольно большое полевое укрѣпленіе, которому дана была профиль варшавскихъ укрѣпленій. На него, 18-го и 19-го августа, въ присутствіи великаго князя и фельдмаршала, произведены были войсками примѣрные штурмы, съ употребленіемъ лѣстницъ. Послѣднія оказались весьма удобными; по нимъ можно было не только влѣзть на укрѣпленія, но и переходить, перебросивъ ихъ нѣсколько рядомъ черезъ рвы, какъ по мосту. Вслѣдствіе этого приказано было мнѣ изготовить ихъ еще 100, съ перевивкой промежутковъ между ступенными перекладинами изъ новыми прутьями. Три офицера были посланы въ разные корпуса, для обученія людей лазить по штурмовымъ лѣстницамъ и устраивать изъ нихъ мосты для перехода по нимъ черезъ рвы укрѣпленій.

20-го августа, приготовленія къ штурмованію варшавскихъ укрѣпленій были окончены, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали приказаній выступить къ Варшавѣ изъ мѣстечка Надаржина, долгое пребываніе у котораго уже всѣмъ весьма наскучило. Фельдмаршалъ еще медлилъ, надѣясь овладѣть Варшавой мирнымъ путемъ переговоровъ, для избѣжанія напраснаго кровопролитія. Съ этою цѣлью онъ приказалъ генералу Дяненбергу отправиться на польскіе аванпосты съ прокламаціей государя императора къ Полякамъ, отъ 29-го іюля, въ которой имъ обѣщано было прощеніе, если они немедленно возвратятся къ своему долгу. 22-го августа произошло свиданіе и переговоры этого генерала у села Раковца, близъ Варшавы, съ генераломъ Продзинскимъ,

генераль-квартирмейстеромъ польской арміи. Они не имѣли ожидаемаго успѣха, за кичливостію коноводовъ революціи, надменно настаивавшихъ, чтобы къ Царству Польскому были присоединены литовскія губерніи, и съ этимъ безразсуднымъ отвѣтомъ былъ присланъ въ главную квартиру арміи депутатъ сейма, Пышкевичъ.

Фельдмаршалъ, 23-го августа, собралъ военный совѣтъ, на которомъ было единогласно положено: штурмовать Варшаву. Въ тотъ же день вызваны были изъ каждаго гвардейскаго полка по 100 охотниковъ, при четырехъ оберъ-офицерахъ, и изъ нихъ составленъ батальонъ, который, вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи сапернымъ, выступилъ, 24-го августа, изъ Надаржина, въ шесть часовъ вечера. Пройдя Рашинъ, оба батальона, въ головѣ гвардейскаго корпуса, прибыли, въ полночь, на назначенныя для нихъ мѣста, на большомъ полѣ, въ трехъ верстахъ отъ Варшавы.

25-го августа, въ три часа утра, батальонъ, въ головѣ гвардейскаго корпуса, выступилъ съ бивуака. Яркоебагровое солнце поднималось съ горизонта; было холодно, и рѣзкій вѣтеръ пронималъ насквозь. Батальонъ шелъ бодро впередъ, но не слышно было никакихъ разговоровъ, солдаты крестились и шептали молитвы. Замѣтно было, что всѣхъ занимали серіозныя думы объ отечествѣ, родныхъ и объ ожидающей каждаго участи. Я вспомнилъ, что этотъ день былъ годовщиной славной Бородинской битвы и принялъ это за хорошее предзнаменованіе. Легко шло при утренней прохладѣ, тѣмъ болѣе, что съ вечера было приказано ранцы и шинели сложить на мѣстѣ ночлега и выступить въ однихъ мундирахъ. Въ четыре часа проѣхалъ мимо насъ фельдмаршалъ, съ большою свитой, и вслѣдъ затѣмъ раздался первый, съ нашей стороны, пушечный выстрѣлъ, за которымъ послѣдовали учащенные выстрѣлы съ нашихъ многочисленныхъ батарей, которымъ было приказано обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія, подбивать ихъ орудія и вмѣстѣ съ тѣмъ подойти къ нимъ на возможно ближайшее разстояніе, чтобы уравновѣсить дѣйствіе орудій, такъ какъ у насъ были только шести и двѣнадцати-фунтовые орудія, польскія же укрѣпленія были вооружены орудіями большаго калибра и даже чугунными крѣпостными.

Приказано было остановиться, и гвардейскій корпусъ построился въ резервный боевой порядокъ. Оглушительная

канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась затѣмъ около двухъ часовъ, послѣ чего послышался бой къ атакѣ въ столѣщемъ впереди гвардейскаго второмъ пѣхотномъ корпусѣ генерала барона Крейца, при которомъ находился и фельд-маршалъ. Громкіе крики *ура* огласили воздухъ, и въ глазахъ нашихъ, штурмовыя колонны стали взбираться на два польскіе редута и мгновенно ихъ взяли. Затѣмъ послышался взрывъ, и черная масса земли съ дымомъ поднялась на воздухъ, надъ однимъ изъ редутовъ. Послышались глухіе стоны, и вскорѣ стали проносить мимо насъ раненыхъ и обожженныхъ офицеровъ и солдатъ. Изъ гарнизоновъ обоихъ редутовъ почти никто не спасся: защитники ихъ были переколоты нашими, которые изъ штурмовыхъ лѣстницъ принесенныхъ гвардейскими охотниками, очень скоро устроили мосты, по коимъ перешли черезъ рвы редутовъ, а по другимъ легко взобрались на брустверы, такъ какъ Поляки, не на нихъ, а за ними, во внутренности редутовъ, встрѣтили штурмовавшихъ. Однимъ изъ редутовъ овладѣлъ командиръ Елецкаго пѣхотнаго полка, полковникъ Липранди, который впереди, со знаменемъ въ рукахъ, первый взомелъ на брустверь. Второй редутъ былъ взятъ генераломъ Лутковскимъ, съ Бѣлозерскимъ и Олонецкимъ полками, и въ немъ-то произошелъ, вслѣдъ за его взятіемъ, по неизвѣстной причинѣ, взрывъ порохового погреба, стоившій до ста человѣкъ убитыми и опаленными.

Въ это время, когда войска второго пѣхотнаго корпуса такъ успѣшно овладѣли впереди двумя польскими редутами, влѣво отъ насъ, три полка 1-го пѣхотнаго корпуса (графа Палена 1-го) хотя и съ значительною потерей, взяли, по близости первыхъ двухъ, еще третье отдѣльное укрѣпленіе, гарнизонъ котораго весьма храбро защищался. Теперь этому же корпусу предстоялъ еще гораздо важнѣйшій подвигъ—взятіе обширнѣйшаго и сильнѣйшаго изъ всѣхъ варшавскихъ укрѣпленій, Воля, представлявшаго отдѣльную крѣпость изъ четырехъ неправильныхъ полубастіонныхъ фронтовъ съ глубокими рвами и палисадами. По возвышенному положенію своему, Воля и находящійся въ ней костель были видны издалика. Грозное укрѣпленіе это по справедливости могло считаться ключомъ всей укрѣпленной позиціи польской арміи передъ Варшавой. На него-то теперь обратились всѣ усилія нашихъ войскъ. Начальникъ штаба арміи, графъ

Толль, сосредоточилъ противъ Воли до 80 орудій отъ корпусовъ графа Палена и барона Крейца, и около 10 часовъ утра большая часть польскихъ орудій были подбиты. Колонны, предназначенныя для штурмованія польскихъ укрѣпленій, были наготовѣ, и одушевленные графами Толлемъ и Паленомъ, напомнившимъ ихъ прежніе славные подвиги, съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала къ приступу. Когда онъ былъ данъ, колонны эти стремительно бросились впередъ, и подъ предводительствомъ генераловъ Лидерса, Мартынова и Берга, съ трехъ сторонъ ворвались во внутренность Воли, гдѣ закипѣлъ кровопролитный бой, сперва въ передовой ея части, а за тѣмъ въ той, которая составляла родъ ретраншаменты, главнаго укрѣпленія, въ большомъ саду, и наконецъ въ самомъ костелѣ, служившемъ гарнизону какъ бы редюитомъ и послѣднимъ убѣжищемъ для самаго отчаяннаго сопротивленія. Всѣ препятствія были нашими мужественно преодолены: въ 11 часовъ Воля, залитая кровью и устланная трупами, была въ нашихъ рукахъ. Этотъ успѣхъ, хотя и дорого намъ стоившій, чрезвычайно ободрилъ наши войска, для которыхъ послѣ этого взятіе Варшавы въ тотъ же день показалось несомнѣннымъ. Въ то самое время батальонный адъютантъ нашъ, находившійся при генералѣ Шильдерѣ, прискакалъ къ батальону съ приказаніемъ отъ послѣдняго немедленно идти въ Вольское укрѣпленіе. Мы вошли въ него по трупамъ охотниковъ нашихъ, пораженныхъ картечными выстрѣлами при штурмованіи укрѣпленія, и по брошеннымъ ими передъ рвомъ штурмовымъ лѣстницамъ. Нѣсколько изъ послѣднихъ были перекинуты однакожь и черезъ рвы, для ихъ перехода. Около вырванныхъ и опрокинутыхъ палисадинъ, во рвахъ лежало также много труповъ нашихъ храбрецовъ. Внутренность Воли представляла свѣжіе слѣды только-что прекращеннаго ожесточеннаго боя. Земля была покрыта трупами, и со всѣхъ сторонъ раздавались жалостные вопли раненыхъ. Тутъ же валялись подбитыя орудія и обломки лафетовъ, переломанное оружіе и амуничныя вещи, а подлѣ орудій еще дымились зажженные фитили. Пройдя чрезъ садъ между трупами и ранеными, батальонъ пошелъ къ костелу, находящемуся внутри Воли, у юго-западной его оконечности, подлѣ Калышскаго шоссе. Около него слѣды кровопролитнаго побоища была еще поразительнѣе. Подлѣ самыхъ дверей костела,

лежало тѣло престарѣлаго безногаго польскаго генерала, съ прекраснымъ выразительнымъ лицомъ и свѣдыми волосами. Это былъ генералъ Совинскій, служившій во французской арміи при Наполеонѣ I и бывшій до революціи директоромъ Апликаціонной школы. Только за нѣсколько дней до штурма назначенный комендантомъ Воли, онъ, съ остатками разгромленнаго гарнизона, бросился въ костелъ, въ которомъ отчаянно защищался съ ружьемъ въ рукахъ и былъ заколотъ штыками гренадерами Фанагорійскаго полка. Я забѣжалъ въ костелъ, наполненный трупами Русскихъ и Поляковъ, сражавшихся въ немъ на смерть: стѣны и ступени около алтаря были залиты кровью, и я поспѣшилъ выйти изъ этого ужаснаго мѣста, чтобы догнать батальонъ, который направлялся къ сторонѣ Воли, обращенной къ Варшавѣ, и гдѣ онъ получилъ приказаніе прорѣзывать въ брустверѣ амбразуры для дѣйствія нашихъ орудій по городу и смежнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Въ это время увидѣлъ я группу солдатъ разныхъ полковъ, окружавшихъ раненаго польскаго офицера, сидѣвшаго на землѣ, съ накинутою на плеча солдатскою шинелью. Слышались голоса: „Это *Высоукій!* *Высоукій!*“, на что офицеръ, блѣдный, окровавленный, отвѣчалъ качаніемъ головы, означавшимъ отрицаніе. Его унесли на носилкахъ, и въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ дѣйствительно *Высоукій*, передъ варшавскимъ возмущеніемъ поручикъ польскаго линейнаго полка и учитель военныхъ наукъ въ школѣ подпрапорщиковъ, которыхъ онъ подговаривалъ идти въ Бельведерскій дворецъ убить великаго князя Константина Павловича. Въ день штурма Варшавы онъ уже былъ подполковникомъ и командиромъ батальона, присланнаго утромъ въ Волю, для подкрѣпленія ея гарнизона.

Саперы приступили тотчасъ же къ прорѣзыванію амбразуръ въ брустверѣ Вольскихъ укрѣпленій, къ сторонѣ Варшавы, и широкаго проѣзда во внутренность Воли у Калишскаго шоссе. Въ это время, по приказанію фельдмаршала, штурмованіе другихъ польскихъ укрѣпленій было пріостановлено, но обстрѣливаніе ихъ многочисленными нашими батареями продолжалось непрерывно.

Престарѣлый генералъ Малаховскій, замѣнившій, незадолго передъ тѣмъ, Дембинскаго въ командованіи польской арміи, при видѣ бездѣйствія Русскихъ послѣ взятія Воли, рѣшился перейти въ наступленіе, чтобъ отнять ее у насъ. Около часа

пополудни нѣсколько непріятельскихъ колоннъ съ артиллеріей и кавалеріей, предприняли наступленіе и заставили нашу передовую застрѣльщицью цѣль отступить къ Волѣ. Саперы пріостановили свою работу и выстроились за брустверомъ. Въ этотъ моментъ 1-й и 2-й карабинерные полки, находившіеся въ Волѣ, стремительно бросились впередъ, одни проскочили чрезъ полупрорѣзанныя амбразуры, другіе черезъ валъ, мгновенно выстроились передъ рвомъ, и дружно ударивъ въ штыки на подходившихъ, съ музыкой, Поляковъ, опрокинули ихъ. Любо было смотрѣть на эту молодецкую атаку; но преслѣдуя отступавшихъ Поляковъ, лихіе карабинеры попали подъ перекрестный огонь съ польскихъ укрѣпленій и должны были, въ свою очередь, отступить, потерявъ много храбрыхъ товарищей. Два раза еще возобновлялись обоюдныя атаки и наступленія, наконецъ карабинеры, въ третій разъ опрокинувъ польскія колонны, преслѣдовали ихъ до самой Вольской городской рогатки (заставы). Нужны были строгія приказанія, чтобы заставить ихъ возвратиться къ Волѣ. Послѣ этой кровопролитной стычки, канонада по всей линіи варшавскихъ укрѣпленій не умолкала, по временамъ ослабѣвая и затѣмъ опять усиливаясь, до пяти часовъ пополудни. Одно время Поляки усиленно стали стрѣлять гранатами по Волѣ, и пронесся слухъ, что они это дѣлаютъ съ цѣлю взорвать находящіеся въ ней пороховые погреба, но таковыхъ въ ней не оказалось. Послѣ пяти часовъ все утихло. Фельдмаршалъ рѣшилъ пріостановить, на этотъ день, военныя дѣйствія, стоившія уже столько крови. Восемь укрѣпленій передовой линіи, въ томъ числѣ и грозная Воля, которую Поляки считали неприступною, были въ нашихъ рукахъ. Ознакомившись ближе съ укрѣпленіями Воли, ихъ высокою профилею, превосходившею обыкновенную профиль полевыхъ укрѣпленій, глубокими рвами съ палисадами, ретраншаментомъ и редюитомъ, надобно было удивляться ея сравнительно легкому занятію. Причину этого надобно искать, кромѣ неудержимой храбрости нашихъ войскъ и отличныхъ распоряженій главныхъ начальниковъ, въ томъ, что Воля, принимая въ соображеніе ея обширность, не была достаточно вооружена, и что гарнизонъ ея былъ слишкомъ слабъ.

Саперы прорѣзали въ брустверѣ польскаго укрѣпленія 40 амбразуръ; въ 20 изъ нихъ поставлены были орудія, въ томъ

числѣ 3-й легкой батареи 3-й полевой артиллерійской бригады, въ которой служилъ поручикомъ мой родной братъ. Въ Волѣ найденъ былъ небольшой складъ польскихъ сухарей весьма дурнаго качества, которые однакожь были съѣлены саперами съ большимъ аппетитомъ, такъ какъ они во весь день, съ ранняго утра, ничего не ѣли. Въ сумерки батальйону приказано было возвратиться на прежній свой бивуакъ, при гвардейскомъ корпусѣ, гдѣ его ожидалъ скромный ужинъ и непродолжительное отдохновеніе послѣ столь утомительнаго дня, въ продолженіе котораго онъ потерялъ въ Волѣ убитыми одного унтеръ-офицера и одного рядового и трехъ рядовыхъ ранеными.

26-го августа, въ три часа утра, батальйонъ выступилъ съ бивуака и прибылъ опять въ Волю. Вскорѣ послѣ того проведенъ былъ мимо насъ, съ завязанными глазами, польскій генералъ Прондзинскій, прибывшій съ разсвѣтомъ къ нашимъ аванпостамъ съ письмомъ къ фельдмаршалу отъ Круковецкаго, желавшаго вступить въ переговоры о сдачѣ Варшавы. Изъ-за чернаго шелковаго платка, которымъ были повязаны глаза, я не могъ разсмотрѣть черты его лица; на немъ былъ сюртукъ темносиняго сукна съ малиновымъ воротникомъ и серебряными эполетами. Его провели къ фельдмаршалу, который, узнавъ о его прибытіи, пріѣхалъ въ Волю одновременно съ великимъ княземъ. Свиданіе продолжалось около часа, послѣ чего Прондзинскій уѣхалъ обратно въ Варшаву съ генераломъ Даненбергомъ. Фельдмаршалъ казался недовольнымъ результатомъ разговора съ польскимъ парламентаремъ, но не приказалъ открывать канонады прежде семи часовъ утра.

По всему пространству, занятому враждовавшими сторонами, царствовала совершенная тишина. Саперамъ было приказано расположиться вдоль банкета вольскихъ укрѣпленій и отдыхать въ ожиданіи новыхъ приказаній. Въ восемь часовъ фельдмаршалъ съ великимъ княземъ и многочисленною свитой выѣхалъ изъ Воли верхомъ и слѣзъ съ лошади у раззоренной корчмы, вправо отъ шоссе, въ виду Воли. Вскорѣ прибылъ туда и графъ Круковецкій верхомъ, въ сопровожденіи Прондзинскаго и нѣсколькихъ офицеровъ. Въ корчму вошли фельдмаршалъ, великій князь, графъ Толль, генералъ Бергъ, Круковецкій и Прондзинскій. Переговоры продолжались болѣе часа и, казалось, были очень оживлены, что должно

было заключить изъ громкихъ разговоровъ, слышавшихся, хотя и невнятно, чрезъ разбитыя стекла корчмы. Послѣ того Круковецкій и Прондзинскій возвратились въ Варшаву, а фельдмаршалъ, угрюмый и задумчивый, въ Волю.

Около трехъ часовъ пополудни, вправо отъ шоссе, между Вольскою и Иерусалимскою заставами, на двухъ изъ нашихъ батарей произошелъ взрывъ двухъ зарядныхъ ящиковъ, не произведшій впрочемъ у насъ особеннаго безпорядка. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ ординарецъ князя Горчакова, начальника всей артиллеріи арміи, съ приказаніемъ полковнику Плещееву, командиру батареи 3-й артиллерійской бригады, находившейся въ Волѣ, немедленно отослать, съ офицеромъ, свои заряды 2-й конно-артиллерійской батареи, разстрѣлявшей, на позиціи, всѣ свои заряды. Выборъ палъ на моего брата; съ двумя зарядными ящиками отправился онъ къ батарее, по Калишскому шоссе, по которому то и дѣло падали и лопались гранаты. Съ замираніемъ сердца глядѣлъ я за нимъ, пока не потерялъ его изъ вида. Онъ, впрочемъ, благополучно достигъ батареи и оставался при ней до окрѣпленія сраженія.

Битва продолжалась съ ожесточеніемъ, какъ вдругъ изъ первого, взятаго нами наканунѣ, польскаго редута, вырвалась группа всадниковъ, постепенно увеличивавшаяся. Скорѣе пронеслась вѣсть, что фельдмаршалъ, контуженный ядромъ въ руку, упалъ съ лошади. Послѣ поданнаго ему тутъ же медицинскаго пособія, онъ былъ отвезенъ къ резерву арміи; въ командованіе вступилъ графъ

Онъ немедленно пригласилъ къ себѣ, для передачи личныхъ приказаній, всѣхъ корпусныхъ командировъ и главныхъ отрядныхъ начальниковъ; адъютанты и ординарцы полетѣли по всѣмъ направленіямъ. Усиленный огонь со всѣхъ нашихъ батарей продолжался еще до пяти часовъ, когда, при яркомъ сіяніи заходящаго солнца, мы увидѣли изъ Воли одновременное движеніе впередъ всей нашей линіи войскъ. Вслѣдъ затѣмъ послышались перебаты ружейнаго огня, громкіе крики *ура*, звуки музыки, и нельзя было сомнѣваться, что насталъ послѣдній моментъ общей атаки. Саперы горѣли нетерпѣніемъ принять въ ней участіе и очень обрадовались приказанію оставить Волю и слѣдовать за колоннами 2-го пѣхотнаго корпуса. Когда мы подходили ко второй линіи варшавскихъ укрѣпленій, ихъ уже брали

штурмомъ наши войска, которыя, наэлектризованныя общимъ воодушевленіемъ, не знали никакихъ препонъ. Батальоны нашъ также не остался безъ дѣла: онъ былъ разбитъ на нѣсколько отдѣльныхъ командъ, которымъ было поручено въ однихъ изъ взятыхъ редутовъ прорѣзывать амбразуры, къ сторонѣ города, а въ другихъ устраивать вѣзды на валъ и очищать доступы къ селенію Чисте, предмѣстію Варшавы, вправо отъ Вольской рогатки, гдѣ происходило жаркое сраженіе. Генералъ Шильдеръ распоряжался съ свойственною ему энергіей и неутомимостью, когда лошадь его оступилась, и онъ, упавъ съ нея, опять повредилъ свою раненую ногу. Но это его не остановило, и продолжая направлять команды, гдѣ представлялась надобность, онъ приказалъ мнѣ, съ пятьюдесятью саперами, идти на присоединеніе къ Шлисельбургскому и Ладожскому пѣхотнымъ полкамъ, которые, подѣ начальствомъ генерала Малиновскаго, только что овладѣли каменною оградой, окружающею большой садъ въ Чисте, для пробитія въ ней двухъ широкихъ проѣздовъ для нашихъ орудій. Когда, около шести часовъ вечера, приступилъ я къ этой работѣ, упорный и кровопролитный бой кипѣлъ впереди, въ узкихъ, извилистыхъ улицахъ Чисте, между воздвигнутыми въ нихъ баррикадами, оградами и другими препятствіями. Влѣво отъ мѣста моей работы, войска 1-го корпуса брали кладбище и Вольскую рогатку, гдѣ упорно защищались Поляки, сосредоточившіе въ этомъ мѣстѣ значительныя силы. Вольское предмѣстье и Чисте горѣли, загорѣлись также вѣтряныя мельницы, въ большомъ числѣ стоящія отъ Вольской до Іерусалимской заставы, откуда также слышались пушечные выстрѣлы и перекаты ружейнаго огня, сопровождаемые криками *ура*. Это былъ совершенный адъ, но сердце радовалось героическому увлеченію нашихъ солдатъ, превозмогавшему всѣ препятствія и предвѣщавшему неизбѣжное, скорое паденіе Варшавы.

Когда я уже оканчивалъ работу проломовъ въ каменной стѣнѣ въ Чисте, подѣѣхалъ ко мнѣ генералъ Шильдеръ и приказалъ, съ командой моею, присоединиться къ другой большой командѣ, которая, подѣ вѣдѣніемъ капитана Бухмейера, въ числѣ 250 человекъ, была занята прорытіемъ въ городскомъ валѣ, состоявшемъ изъ сплошнаго землянаго бруствера съ небольшими флешами для фланговой обороны, широкихъ отверстій, для проѣзда въ городъ нашихъ орудій.

Когда я приступилъ къ работѣ, вправо отъ Чисте, къ Іерусалимской заставѣ, моихъ рабочихъ стало осыпать картечью какое-то орудіе, стрѣлявшее въ насъ изъ города, но по совершенной темнотѣ въ этомъ направленіи нельзя было разсмотрѣть гдѣ именно оно было поставлено. Изъ моей команды было уже нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, и я не могъ отвѣчать за успѣхъ работы, почему обратился къ генералу Отрощенко, слѣдовавшему въ это время съ 11-мъ егерскимъ полкомъ вдоль вала отъ Іерусалимской заставы къ Вольской, прося защитить насъ. Генералъ вызвалъ охотниковъ и послалъ ихъ чрезъ валъ въ городъ, по тому направленію откуда поражали насъ выстрѣлы, овладѣть непріятельскимъ орудіемъ, но оно, не дождавшись прихода егерей, ускало. Угроженіе насъ картечью прекратилось, и мы могли, уже никѣмъ не тревожимые, окончить нашу работу и затѣмъ присоединиться къ батальйону, собравшемуся въ это время у Іерусалимской заставы.

У заставы грудами лежали трупы убитыхъ Русскихъ и Поляковъ, свидѣтельствующіе о кровопролитной схваткѣ, происходившей тутъ до нашего прихода. Застава была окружена высокими и толстыми палисадами и защищаема двумя передовыми укрѣпленіями, которыя хотя и были взяты въ началѣ атаки, но войска наши, тѣснимыя натискомъ Поляковъ, должны были ихъ потомъ оставить и отступить отъ самой заставы, защищаемой превосходнымъ въ силахъ непріателемъ. Подоспѣвшіе къ нимъ на помощь гренадерскіе полки, Кіевскій и Таврическій, подъ личнымъ начальствомъ начальника 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанта Полуэктова, овладѣли городскимъ валомъ, правѣ заставы, и проникли въ городъ, заставивъ Поляковъ отступить. Послѣдніе вслѣдъ за симъ возобновили свое нападеніе; но лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, подъ начальствомъ генерала Полешко, присланный княземъ Горчаковымъ, распорядившимся дѣйствіями артиллеріи противъ Іерусалимской заставы, на помощь штурмовавшимъ ее войскамъ, соединясь съ ними, атаковалъ ее съ трехъ сторонъ, а въ то же время Таврическій гренадерскій полкъ, бывшій за городскимъ валомъ, атаковалъ заставу съ тыла. Поляки, не устоявъ противъ такого дружнаго натиска, обратились въ бѣгство, и послѣ двухчасовой геройской битвы, Іерусалимская застава, около девяти часовъ вечера, была нами взята. Въ это самое время

другой ожесточенный бой кипѣлъ въ ближайшихъ отъ Вольской заставы улицахъ Вольскаго предмѣстья, и тамъ, подъ начальствомъ генерала Набокова, Екатеринославскій и Московскій гренадерскіе полки, храбро сражался на каждомъ шагу противъ отчаянно защищавшихся Поляковъ, успѣли овладѣть главнымъ городскимъ валомъ и утвердиться на немъ. Къ десяти часамъ вечера все пространство городского вала между Іерусалимскою и Вольскою заставами находилось уже въ нашей власти, но войскамъ было строжайше запрещено проникать далѣе въ городъ и вдаваться въ сраженіе въ его улицахъ, по причинѣ поздняго времени дня и наступившей совершенной темноты. Генералъ Шильдеръ получилъ приказаніе съ гвардейскимъ и 2-мъ саперными батальйонами немедленно приступить къ прорѣзанію амбразуръ въ занятомъ нашими войсками городскомъ валѣ. Къ пяти часамъ утра сто амбразуръ было прорѣзано, и за ними поставлены двѣнадцати-фунтовыя пушки, для обстрѣливанія города. Ночь была холодная и темная, и только мѣстами освѣщалась заревои горѣвшихъ мельницъ и отдѣльных строснѣй въ варшавскихъ предмѣстьяхъ. Саперы съ трехъ часовъ утра этого дня ничего не ѣли, кромѣ сухарей, взятыхъ ими съ собою въ карманахъ, когда съ позиціи выступили въ Волю, а потому были голодны и устали до крайности; почему я очень обрадовался, когда у Іерусалимской заставы отыскалъ меня мой деньщикъ и принесъ въ мѣдномъ чайникѣ приготовленный имъ гдѣ-то у бивуачнаго костра чай съ хлѣбомъ. Несмотря на усталость и голодъ, мы были веселы и бодры духомъ, при мысли, что двумя послѣдними днями прибавлена еще новая славная страница къ блестящей исторіи русской военной славы, и что крамольная Варшава должна была на слѣдующій день пасть къ ногамъ своего царя. Послѣ ужаснаго погрома начинала уже водворяться всюду общая тишина, какъ вдругъ въ одиннадцать часовъ взлетѣла на воздухъ большая польская лабораторія, находившаяся по близости Іерусалимской заставы. Пламя и огненный дождь озарили окрестность, и этимъ блестящимъ импровизированнымъ фейерверкомъ окончился знаменательный день 26-го августа.

Наступило утро 27-го числа. Яркое солнце, какъ и въ оба предыдущіе дня штурма, возшло на горизонтъ и освѣтило печальную картину слѣдовъ опустошеній кроваваго боя.

Ночная работа саперовъ была окончена, войска строились въ боевой порядокъ и готовились идти на новые подвиги противъ мятежниковъ, какъ вдругъ пронеслась вѣсть, что варшавская революціонная крамола признала себя побѣжденною и смирилась. Фельдмаршалъ чрезъ генерала Берга, который наканунѣ цѣлый день велъ переговоры съ Круковецкимъ, получилъ отъ главнокомандующаго польскою арміею, генерала Малаховскаго, увѣдомленіе, что послѣдній съ разсвѣтомъ очистить Варшаву и чрезъ Прагу отступить въ Модлинъ, а оттуда направится на Плоцкъ. Извѣстіе это подтвердилось, и въ семь часовъ утра генералъ Бергъ, съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ и Финляндскимъ полками, вступилъ въ Варшаву, чрезъ Іерусалимскую заставу, для занятія моста и предмостныхъ укрѣпленій впереди Праги. Всему гвардейскому корпусу приказано было также вступить въ городъ чрезъ Іерусалимскую заставу, у которой великій князь, вѣхавшій съ графомъ Толлемъ, былъ встрѣченъ депутаціей отъ магистрата, имѣвшею во главѣ президента города, съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ императорская гвардія прослѣдовала по длинной топольной аллеѣ на улицу Новый Свѣтъ, а оттуда на Саксонскую площадь. Гвардейскій саперный батальионъ примкнулъ у заставы къ своему корпусу и слѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ 1-ю уланскою дивизіей и артиллеріей. Прежде всѣхъ выбѣжали къ намъ навстрѣчу нѣмецкіе ремесленники, на лицахъ которыхъ сіяла непритворная радость, и Евреи, предлагавшіе уже свои услуги. Коренныхъ Поляковъ было видно на улицахъ весьма мало: они прятались отъ насъ въ домахъ, вѣроятно, не вполне увѣренные, что занятіе города обойдется безъ возмездія съ нашей стороны. Однакожь на балконахъ нѣкоторыхъ домовъ, по улицѣ Новый Свѣтъ, стѣяли, къ нашему удивленію, разряженныя дамы, хотя, какъ пламеннымъ патріоткамъ, имъ, казалось, и не слѣдовало бы желать видѣть насъ. Женское любопытство превозмогло въ нихъ патріотическое настроеніе.

Прибывъ на указанная въ городѣ мѣста, войска были остановлены и получили приказаніе соблюдать всѣ предосторожности осаднаго положенія. На главнѣйшихъ улицахъ поставлены были заряженныя орудія. Лейбъ-гвардіи саперный батальионъ былъ сначала остановленъ на площади у Александровскаго костела, а потомъ получилъ приказаніе полубатальионно идти къ Вольской и Іерусалимской заста-

вамъ для отысканія заложенныхъ по близости ихъ Поляками минъ. Минъ выпало возвратиться къ Иерусалимской заставѣ и присутствовать къ вечеру при въѣздѣ чрезъ нее въ Варшаву фельдмаршала, остававшагося за болѣзною въ Волѣ, при громкихъ крикахъ ура войскъ, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ и которые бивуакировали на полѣ сраженія, между взятыми ими 25-го и 26-го августа укрѣпленіями.

28-го августа саперы, продолжая отыскивать польскія минны, нашли дѣйствительно нѣсколько готовыхъ фугасныхъ каморъ, но не заряженныхъ. Кромѣ того, назначены были от батальйона команды для уничтоженія на нѣкоторыхъ болѣе узкихъ варшавскихъ улицахъ баррикадъ, довольно плохо устроенныхъ. Графъ Виттъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Варшавы, артиллерійскій генералъ баронъ Корфъ ея комендантомъ. Фельдмаршалъ послалъ къ государю императору всеподданнѣйшее донесеніе о покореніи Варшавы чрезъ флигель-адъютанта его величества князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, внука разрушителя Праги, слѣдующаго содержанія: „Варшава у ногъ вашего императорскаго величества, и польская армія, по моему приказанію, отступаетъ къ Плоцку.“ Польская армія однакожь, какъ ходили слухи, не очень охотно желала повиноваться этому приказанію и остановилась въ Модлинѣ (нынѣ Новогеоргіевская крѣпость), такъ что увѣренность въ окончаніи военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ нѣсколько поколебалась, тѣмъ болѣе, что отрядъ генерала Ромарино, состоявшій изъ 18.000 человекъ, находился еще въ мѣстечкѣ Мендзириже, въ 18 миляхъ отъ Варшавы, и оттуда могъ соединиться съ остатками варшавскаго гарнизона, отступившаго въ Модлинъ. Въ Прагѣ найдено 132 орудія и до 5.000 ружей. Въ Варшавѣ и Прагѣ достались намъ, кромѣ того, значительное количество боевыхъ припасовъ и склады аммуниционныхъ вещей.

VII.

29-го августа, въ прекрасное лѣтнее утро, отправился я, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, верхомъ, осмотрѣть поле сраженія передъ Варшавой. Какъ инженеры, мы должны

были отдать справедливость искусству польскихъ инженеровъ при расположеніи двухъ линій отдѣльныхъ фортовъ и укрѣпленій, взаимно другъ друга фланкировавшихъ и имѣвшихъ за собою, въ 3-й линіи, сплошной городской валъ, фланкируемый флешами. Самые форты, редуты и реданты съ сомкнутыми горжами, входившіе въ систему укрѣпленныхъ линій, передъ городомъ были построены очень прочно и отчетливо и имѣли сильнѣйшую противъ обыкновенныхъ полевыхъ укрѣпленій профиль, такъ что ихъ слѣдовало причислить къ временнымъ укрѣпленіямъ, среднимъ, по значительности своей, между полевыми и долговременными. Внутреннія отлогости брустверовъ, амбразуры, барбетты, апарели и пороховые погреба были отдѣланы, во всѣхъ укрѣпленіяхъ, съ особенною тщательностію, дѣлавшею большую честь нашимъ собратамъ по оружію, польскимъ саперамъ. Мнѣ разказывали, что при началѣ земляныхъ работъ по укрѣпленію Варшавы, жители ея во множествѣ приходили добровольно копать и таскать землю, и что въ то же время можно было видѣть хорошенькихъ Варшавлянокъ, изъ высшаго класса, изящно одѣтыхъ, пріѣзжавшихъ съ красивыми лопатками и миниатюрными тачками принимать участіе въ земляныхъ работахъ. Однимъ словомъ, это было въ модѣ и принималось за изъявленіе патріотическихъ чувствъ, которыми съ избыткомъ надѣлены Польки, про которыхъ говорилъ Наполеонъ I: „*En Pologne les femmes sont hommes*“.

При начертаніи системы укрѣпленій для обороны какой-либо мѣстности, необходимо имѣть въ виду, чтобы протяженіе ихъ соотвѣтствовало численности войскъ, могущихъ быть назначенными для ихъ защиты. Это послѣднее условіе не было соблюдено при расположеніи варшавскихъ укрѣпленій, и они были разбросаны на слишкомъ большое протяженіе. Генераль Хржановскій предложилъ вначалѣ построить на важнѣйшихъ пунктахъ только пять отдѣльныхъ фортовъ, взаимно другъ друга фланкирующихъ. Для защиты каждаго изъ нихъ онъ полагалъ назначить гарнизонъ въ 8.000 человекъ, а для поддержанія ихъ сосредоточить значительный резервъ. Весьма основательное мнѣніе это, напоминающее, въ нѣкоторыхъ чертахъ, оборону Севастополя, не было уважено. Съ цѣлію не допустить Русскимъ подвести къ городу орудія большаго калибра, внѣшнія укрѣпленія были выдвинуты на двѣ версты отъ городского вала,

почему, для защиты столь растянутой оборонительной линіи, потребовалось гораздо больше войскъ чѣмъ могла въ данную минуту доставить польская армія. Кромѣ того, укрѣпленія эти, будучи слишкомъ отдалены одно отъ другаго, не имѣли достаточной взаимной обороны.

Работы были начаты подъ вѣдѣніемъ инженернаго генерала Малетскаго, * а въ послѣдствіи поручены полковнику Калачковскому. Протяженіе всей вѣшной оборонительной линіи постепенно возросло до 16 верстъ, и въ систему ея вошло до 60 отдѣльныхъ верковъ, изъ которыхъ Воля и укрѣпленія у Маримонтскаго лѣса составляли весьма сильныя форты, требовавшіе, каждое, нѣсколькихъ тысячъ гарнизона. Укрѣпленія, кромѣ полевыхъ орудій, были вооружены еще 200 орудій большаго калибра, изъ коихъ 30 чугунныхъ.

Отъ Іерусалимской заставы направились мы вдоль городскаго вала къ Мокотовской заставѣ и выѣхали чрезъ нее на огромное, простирающееся впереди Варшавы, поле, на которомъ построены были всѣ ея укрѣпленія и которое было театромъ кровопролитныхъ боищъ 25-го и 26-го августа. Передъ Мокотовскою заставою находилось значительное укрѣпленіе, замкнутое съ горжи и палисاديрованное, а въ связи съ нимъ нѣсколько отдѣльныхъ редантовъ, оборонявшихъ впереди лежащее селъцо Раковецъ; но всѣ эти укрѣпленія были слабой профили и даже не совершенно окончены постройкой. Поляки ожидали, что Русскіе именно на слабѣйшую Мокотовскую линію укрѣпленій поведутъ свою атаку, и поэтому сосредоточили за ними наибольшую часть своихъ силъ, но совершенно обманулись въ своихъ предположеніяхъ, такъ какъ для главной атаки избраны были фельдмаршаломъ укрѣпленія болѣе центральныя, расположенныя впереди Іерусалимской и Вольской заставъ, между Краковскимъ и Калишскимъ шоссе. Этимъ руководилъ весьма здравый расчетъ, что употребивъ, первоначально, свѣжія силы войскъ на преодоленіе сопротивленія сильнѣйшихъ укрѣпленій, какъ Вольское, составлявшее какъ бы ключъ всей позиціи, овладѣніе болѣе слабыми должно произойти гораздо легче.

* Онъ былъ родомъ Французъ, по фамиліи Малле (Mallet), и родной братъ французскаго генерала этого имени, извѣстнаго, составленнымъ имъ противъ Наполеона I, въ 1814 г., заговоромъ едва не удавшимся.

26-го августа селеніе Раковецъ была занято отрядомъ генерала Муравьева, который потомъ съ Луцкимъ и Самогитскимъ гренадерскими полками, послѣ кровопролитнаго боя, два раза возобновлявшагося, взялъ большое укрѣпленіе между Раковцомъ и Іерусалимскою заставой. Осмотрѣвъ послѣднее, посѣтили мы вѣво отъ него другое укрѣпленіе, почти одновременно съ первымъ атакованное Несвижскимъ карабинернымъ полкомъ, который, будучи встрѣченъ перекрестнымъ огнемъ смежныхъ укрѣпленій и выдержавъ, кромѣ того, нѣсколько кавалерійскихъ атакъ, долженъ былъ отступить. Выручать Несвижцевъ бросился лейбъ-гвардейскій драгунскій полкъ и опрокинулъ польскую кавалерію; но попавъ подъ перекрестный картечный огонь, потерялъ при этомъ и при вторичной схваткѣ съ польскою кавалеріей очень много людей и лошадей. На помощь драгунамъ подоспѣлъ лейбъ-гвардейскій гусарскій полкъ, врубившійся въ польскіе эскадроны и заставившій ихъ обратить тылъ. Увлеченные своимъ блистательнымъ успѣхомъ и отвагой, гусары бросились ихъ преслѣдовать, несмотря на убійственный картечный огонь съ укрѣпленій, проскакали въ промежутки между ними и устремились къ главному валу. Изъ нихъ 12 человекъ, послѣдовавъ за ротмистромъ Слѣпцовымъ, вскочили чрезъ проломъ въ городскомъ валу въ самый городъ, но окруженные ошеломленнымъ сначала ихъ внезапнымъ появленіемъ непріателемъ, отчаянные храбрецы эти были почти всѣ изрублены или ранены взяты въ плѣнъ. Изъ нихъ юнкеръ князь Мурузи получилъ 12 сабельныхъ ранъ, отъ которыхъ въ послѣдствіи умеръ въ польскомъ госпиталѣ. Удѣлѣвшіе въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ гусары поскакали вдоль вала, къ Мокотовской заставѣ, гдѣ присоединились къ бросившимся къ нимъ на помощь гвардейскимъ конно-егерямъ. Гусары и драгуны, сражавшіеся противъ вдвое сильнѣйшаго непріателя, показали чудеса отваги и рыцарской доблести, но потеря ихъ была весьма значительна. Изъ обоихъ полковъ убито и ранено 18 офицеровъ и до 350 нижнихъ чиновъ. Тѣла гусаровъ и драгунъ, при осмотрѣ моемъ укрѣпленій, впереди Іерусалимской заставы, около которыхъ происходили ихъ атаки, не были еще преданы землѣ и лежали въ промежку съ тѣлами польскихъ уланъ и шассероетъ. Валялись также трупы убитыхъ прекрасныхъ гвардейскихъ лошадей, и во рву одного изъ укрѣпленій я видѣлъ гусарскую лошадь

съ раздробленною ногой, ужасно исхудавшую, но еще живавшую клочки выброшенной изъ раницъ соломы. Некогда еще было заняться преданіемъ землѣ труповъ людей и лошадей, погибшихъ въ оба дня штурма Варшавы, и на полѣ сраженія все находилось въ томъ же самомъ положеніи, какъ было при его окончаніи. Въ укрѣпленіяхъ находили мы тоже много труповъ, сломанное оружіе, подбитые лафеты и даже остатки артиллерійскихъ зарядовъ.

Отъ селенія Раковца направились мы къ тѣмъ двумъ редутамъ, которые первые, утромъ 25-го августа, были взяты войсками второго пѣхотнаго корпуса. Въ одномъ изъ нихъ видны были слѣды взрыва пороховаго погреба, стоившаго намъ столькожъ жертвъ. Насчетъ причины его ходили противорѣчащіе слухи. Поляки утверждали, что погребъ былъ зажженъ польскимъ подѣофицеромъ (унтеръ-офицеромъ) изъ дворянъ, котораго даже называли по имени; Русскіе же, что взрывъ произошелъ отъ неосторожности одного изъ нашихъ солдатъ, ворвавшихся въ редуты, выстрѣлившаго въ погребъ. Оба укрѣпленія эти были одни изъ сильнѣйшихъ, съ замкнутыми горжками и съ тремя рядами волчьихъ ямъ впереди.

Особенно интересно было для насъ взглянуть на укрѣпленіе Волю, въ которомъ провели мы почти оба дня штурма. Въ немъ уже были отчасти сглажены слѣды опустошеній, такъ какъ послѣ покоренія Варшавы, на второй саперный батальонъ было возложено приведеніе его въ оборонительное положеніе. Облтый кровью костель служилъ складомъ польскихъ снарядовъ и зарядовъ, собираемыхъ какъ въ Волѣ, такъ и въ ближайшихъ къ ней укрѣпленіяхъ. Сколько тѣснилось въ воображеніи нашемъ воспоминаній о кровавыхъ эпизодахъ, нами здѣсь видѣнныхъ, въ особенности около этого костела и въ прекрасномъ саду, теперь почти совершенно уничтоженномъ!

Отъ Воли направились мы между укрѣпленіями двухъ линій, оставленными безъ боя отступившими къ городу Поляками, къ Повонзской заставѣ, прикрытой также отдѣльными укрѣпленіями, совершенно уцѣлѣвшими, такъ какъ они не были атакованы нашими войсками. По близости заставы стояли обгорѣлые бараки, окруженные садиками, въ которыхъ, до возстанія, стояли каждое лѣто наши гвардейскіе полки, состоявшіе при великомъ князѣ Константинѣ

Павловичѣ. Отъ Повонзской заставы поѣхали мы вдоль городского вала къ Вольской, у которой, вечеромъ 26-го августа, Русскіе и Поляки дрались съ такимъ ожесточеніемъ. Большое, подлѣ заставы лежащее, кладбище, обнесенное оградой, съ пробитыми въ ней, въ большомъ числѣ, бойницами, нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и было обогрено кровію противниковъ. Здѣсь особенно отличались 1-й и 2-й карабинерные полки, сражавшіеся истыми героями. Отъ Вольской заставы заглянули мы въ прилегающее къ ней Вольское предмѣстье, но улицы его, окаймленные обгорѣлыми домами, были до того завалены повозками и остатками баррикадъ, что трудно было пробираться по нимъ верхомъ, и мы скоро вернулись назадъ. Полиція ни военной, ни городской, еще не было въ Варшавѣ. Въ одной изъ улицъ Вольскаго предмѣстья мы наѣхали на женщину, въ ужасныхъ корчахъ умирающую отъ холеры.

Мнѣ хотѣлось еще взглянуть на Чисте, гдѣ, 26-го августа, съ командой саперовъ, пробывалъ я проѣзды чрезъ высокую каменную ограду обширнаго сада. Предмѣстье это представляло еще болѣе разительный видъ разрушенія чѣмъ Вольское. По многимъ узкимъ улицамъ его, гдѣ, къ вечеру втораго дня штурма, кипѣлъ ожесточенный бой, не было еще никакого проѣзда, и казалось, что битва только что утихла. Возвращаясь отъ Чисте къ Іерусалимской заставѣ, вдоль городского вала, я отыскалъ то мѣсто, гдѣ, прорывая въ немъ проѣзды для нашей артиллеріи, былъ я, съ моею командой, такъ невѣжливо угощаемъ картечью. Стрѣлявшее въ насъ орудіе было, вѣроятно, изъ послѣднихъ связанныхъ Поляками съ главнаго вала при отступленіи ихъ и на прощанье дѣйствовало вдоль одной изъ улицъ, ведущихъ изъ города къ городскому валу. При ночной темнотѣ, намъ невозможно было разглядѣть въ какомъ именно мѣстѣ города оно было поставлено; прислугѣ же его мы, работая на валу, были явственно видны при заревѣ пылавшихъ около насъ вѣтряныхъ мельницъ.

Усталый отъ продолжительной поѣздки, возвратился я на бивуакъ нашъ, расположенный у Іерусалимской заставы, и въ продолженіе остальнаго вечера все роились въ моемъ воображеніи воспоминанія о знаменательныхъ дняхъ 25-го и 26-го августа. Сколько крови и геройскихъ усилій стоили они обѣимъ враждующимъ сторонамъ! По собраннымъ

достовернымъ свѣдѣнiямъ, уронъ съ нашей стороны въ оба дня состоялъ изъ 65 офицеровъ и 3.000 нижнихъ чиновъ убитыми и изъ 460 офицеровъ и 7.000 нижнихъ чиновъ ранеными; всего до 10.500 человѣкъ. Одна артиллерiя наша потеряла убитыми и ранеными 40 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ и 800 лошадей; 8 пороховыхъ ящиковъ было у насъ взорвано. Генераловъ, съ нашей стороны, убито два: фонъ-деръ-Бригенъ и Яфимовичъ и восемь ранено, въ томъ числѣ и самъ фельдмаршалъ. Потеря Поляковъ, при двухдневной оборонѣ варшавскихъ укрѣпленiй, простиралась приблизительно: убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до 211 офицеровъ и 10.800 нижнихъ чиновъ, всего до 11.000 человѣкъ. При отступленiи польской армiи много офицеровъ и солдатъ разбѣжалось, или осталось въ Варшавѣ, такъ что изъ 37.000 человѣкъ ее защищавшихъ собралось въ Прагѣ только 23.000 человѣкъ, которые затѣмъ выступили въ Модлинъ; слѣдовательно, польская армiя, въ оба дня штурма Варшавы, уменьшилась на 14.000 человѣкъ. Вотъ сколько жертвъ стоило безумное возстанiе, возбужденное коноводами революціонной партiи и залившее кровiю Царство Польское, до того благоденствовавшее, а теперь въ концѣ раззоренное.

30-го августа, утромъ, батальонъ нашъ былъ приведенъ къ Бельведерскому дворцу и размѣщенъ близъ него въ деревянной временной казармѣ и въ дворцовомъ манежѣ. Одна изъ ротъ его тотчасъ же вступила въ караулъ при особѣ проживавшаго во дворцѣ фельдмаршала. Къ полудню прiѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденiи многихъ генераловъ, поздравить фельдмаршала съ тезоименитствомъ Государя Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича. Всѣ офицеры батальона были приглашены фельдмаршаломъ къ обѣденному столу, а къ вечеру, въ сопровожденiи многочисленной свиты, онъ переѣхалъ на жительство въ Королевскiй замокъ.

Въ тотъ же день фельдмаршалъ отдалъ по армiи слѣдующiй приказъ:

„Еще одинъ знаменитый подвигъ вѣнчаетъ новую славою васъ, храбрые воины! Гордая столица Польши пала предъ вами! Ни обширныя твердыни, ни отчаянная защита не остановили храбрыхъ!

„Изумивъ врага быстрымъ переходомъ черезъ Вислу, съ

свойственною вамъ неустрашимостію и терпѣніемъ, вы подвигались къ стѣнамъ Варшавы, и въ вашихъ мощныхъ десницахъ готовился непріятелю ударъ смѣлый, рѣшительный. Грозное, соразмѣрное шествіе рати, несло передъ собою преждевременный ужасъ, и пораженные недоумѣніемъ полчища мятежниковъ колебались въ своихъ предпріятіяхъ. Тщетно предводители ихъ искали нѣсколько разъ вновь испытать счастье въ открытомъ полѣ: опрокинутые всюду, они спѣшили запереться въ столицѣ, и побѣдоносныя знамена наши не замедлили явиться предъ стѣнами ея. Здѣсь еще однажды должно было удалитъ минуту уничтоженія враговъ. Хотя и сильный храбростію и усердіемъ вашимъ, я не могъ предпринять приступа къ городу до присоединенія послѣднихъ подкрѣпленій, но, въ то же время, съ удовольствіемъ внималъ я пламеннымъ порывамъ и мужественному стремленію, съ какимъ вы жаждали наказать скорѣе дерзкихъ нарушителей присяги.

„Часть истребленія мятежниковъ настала, и 25-го августа, день первой рѣшительной встрѣчи съ непріателемъ, ознаменовалось навсегда въ лѣтописяхъ войнъ и необыкновеннымъ мужествомъ вашимъ, и счастливыми успѣхами, приблизившими паденіе Варшавы. Мятежники, потерявъ въ сей грозный день четыре редута и сильное укрѣпленіе Волю, посѣдѣли изъяснить готовность къ принесенію покорности законному монарху. Еще послѣдняя кара была остановлена надъ ихъ головою; но ослѣпленные безразсудствомъ, они осмѣлились испрашивать выгоды, противныхъ чести Россіи, и штурмъ вторичный былъ на то отвѣтомъ.

„Здѣсь новые подвиги вновь показали врагамъ, сколь ничтожно всякое сопротивленіе предъ мощною десницею вашею. Пораженные ужасомъ, они склонили чело, когда въ сіи два дня, въ виду ихъ, артиллерія наша, подѣзжая на полукартечный выстрѣлъ, овладѣвала, полъ смертоноснымъ огнемъ укрѣпленій, непріятельскими орудіями. Они содрогнулись, узрѣвъ сіе необычайное мужество и хладнокровіе, съ которымъ пѣхота брала, безъ выстрѣла, многочисленныя редуты, и оцѣпенѣли отъ страха, когда конница наша, опрокидывая все, неустрашимо врѣзалась въ заставы города.

„Такъ блистательно окончены незабвенные 25-е и 26-е августа, дни памятные для Россіи другою знаменитою битвой за цѣлость и славу отечества! Орлиный полетъ, съ которымъ вы перенеслись чрезъ тройной рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, сооруженныхъ тысячами рукъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, изумилъ дерзостныхъ враговъ, и они не осмѣлились болѣе продлить свое упорство въ улицахъ Варшавы, гдѣ новые валы и палисады могли представлять имъ тысячи другихъ средствъ къ оборонѣ.

„Славу, стяжанную вами, кромѣ другихъ трофеевъ, свидѣ-

тельствуютъ 120 орудій, большею частію отбитыхъ грудью вашихъ, храбрые!

„Обязанный вамъ толико знаменитыми и счастливыми событиями, я повергъ къ стопамъ всемилостивѣйшаго государя нашего полное засвидѣтельствованіе о столь безсмертныхъ подвигахъ вашихъ. Мнѣ трудно было отличить предъ монархомъ храбрѣйшихъ изъ васъ; назвать одного значило называть всю армію.

„При искреннемъ благодарственномъ воззваніи къ Богу силъ, покровительствующему оружію нашему, воздадимъ, храбрые товарищи, долгъ чистаго сокрушенія о падшихъ со славою на полѣ чести. Съ воспоминаніемъ о ихъ подвигахъ да утвердится каждый изъ васъ въ томъ мѣнѣи, что армія, столь мужественная, останется навсегда непобѣдимою!“

1-го сентября поѣхалъ я верхомъ чрезъ Мокотовскую заставу, по Люблинскому шоссе, къ селенію Служеведъ, находившемуся на крайнемъ правомъ флангѣ нашей позиціи, въ оба дня штурма Варшавы. Отсюда двинулся во второй день штурма Варшавы генералъ Штрاندманъ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, и по взятіи нашими войсками второй линіи варшавскихъ укрѣпленій, занялъ на Люблинскомъ шоссе, сперва Круликарню, замокъ князя Радзивилла, и селеніе Мокотовъ, а потомъ, къ ночи, и укрѣпленія впереди Мокотовской заставы, оставленныя Поляками, не успѣвшими даже, при отступленіи, вывезти изъ нихъ свои орудія. Обѣзжая передъ Мокотовомъ, до Краковскаго шоссе, эту часть поля сраженія, перерѣзанную оврагами, рытвинами, садами и загородами, я убѣдился, какъ были бы стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ артиллерія и штурмующія колонны наши, еслибы, какъ ожидали Поляки, избранъ былъ нами для атаки лѣвый флангъ варшавскихъ укрѣпленій, противъ Мокотовской заставы. Мѣстность впереди и между ними представляла тотъ же видъ опустошенія, какъ и противъ болѣе центральныхъ укрѣпленій; опустошенные сады и огороды, разломанныя ограды, обгорѣлыя деревни, попадались на каждомъ шагѣ. Особенно жаль было смотрѣть на правильно выстроенную и окруженную садами нѣмецкую колонію Шопы, противъ Круликарни, сожженную Поляками, съ цѣлю остановить движеніе отряда генерала Штрандмана.

Послѣ оставленія фельдмаршаломъ Бельведера, я могъ ближе осмотрѣть этотъ небольшой каменный дворецъ, любимое мѣстопробываніе великаго князя Константина Павло-

вича. Въ нижнемъ этажѣ были покои княгини Ловичской, супруги великаго князя, а въ верхнемъ находились спальня и кабинетъ его высочества. Въ послѣднемъ лежало много книгъ, рисунковъ и чертежей. Покои княгини были убраны съ изящною простотою, а моленная (*oratoire*) и много книгъ духовнаго содержанія, на этажеркахъ и столахъ, говорили о набожности и благочестіи княгини, которую и Русскіе, и Поляки любили и уважали за ея кроткій нравъ и христіанскія добродѣтели. Прекрасный дворцовый паркъ находился въ совершенномъ запущеніи; передъ балкономъ и дверьми, ведущими изъ дворца въ садъ, были поставлены тамбуры изъ палисадовъ, а противъ Бельведерской заставы было направлено изъ парка крѣпостное орудіе на Монталамбертовскомъ станкѣ.

Фурьеръ двора великаго князя, старый конногвардеецъ, остававшійся при Бельведерскомъ дворцѣ, при осмотрѣ его внутренняго расположенія, показалъ мнѣ на стѣнѣ у лѣстницы, ведущей на дворъ, отпечатокъ окровавленной кисти руки генерала Жандра, состоявшаго при его величествѣ и убитаго подпрапорщиками и студентами, ворвавшимися, вечеромъ 17-го (29-го) ноября 1830 г., въ Бельведерскій дворецъ съ намѣреніемъ убить великаго князя, что должно было послужить сигналомъ къ общему возстанію въ Варшавѣ. При этомъ мой престарѣлый чичероне разказалъ мнѣ слѣдующія подробности этого гнуснаго, измѣнническаго событія, въ самомъ началѣ опозорившаго безразсудную польскую революцію 1830 года.

При Бельведерскомъ дворцѣ не находилось военнаго караула. Толпа заговорщиковъ, при входѣ въ открытыя ворота невысокой чугунной ограды, впереди дворца, захватила стоявшаго у нихъ невооруженнаго инвалида и удержала его отъ крика. Затѣмъ, пробѣжавъ дворъ, они, вооруженные ружьями, проникли въ дворцовыя сѣни и съ громкими криками побѣждали, по парадной лѣстницѣ, въ верхній этажъ. Въ приѣмной комнатѣ передъ кабинетомъ, въ которомъ, послѣ обѣда, отдыхалъ великій князь, ожидали его пробужденія, съ докладами, генералъ Жандръ и вице-президентъ города Варшавы, Любовицкій. Убійцы, бросившись на Любовицкаго, нанесли ему 12 ранъ штыками, отъ которыхъ, истекая кровію, онъ упалъ безъ чувствъ. Генералъ Жандръ, получившій также

рану штыкомъ въ лѣвый бокъ, бросился по корридолу къ лѣстницѣ, чтобы спуститься по ней на задній дворъ. Отворяя ее одною рукою, другою, которою закрывалъ рану, онъ уперся въ стѣну, и отпечатокъ этой окровавленной руки былъ еще виденъ на стѣнѣ. Убійцы преслѣдовали генерала по двору, и настигнувъ близь конюшни, добились его штыками. Они были увѣрены, что убили великаго князя, такъ какъ генералъ Жандръ, по словамъ фурьера, имѣлъ нѣкоторое сходство съ его высочествомъ; къ тому же, вечерняя темнота помѣшала имъ разглядѣть свою жертву. Съ радостными криками: *Великій князь уже не живъ*, присоединились они къ остальнымъ своимъ товарищамъ, ожидавшимъ ихъ у воротъ, и поспѣшно удалились изъ дворца отыскивать другихъ своихъ злоумышленниковъ. Великій князь, пробужденный неистовыми криками подпрапорщиковъ и студентовъ, бѣжавшихъ вверхъ по лѣстницѣ, вскочилъ съ дивана, на которомъ отдыхалъ, и бросился къ дверямъ пріемнаго покоя; но, къ счастью, прибѣжавшій также на шумъ камердинеръ успѣлъ затворить ихъ на задвижку и тѣмъ спасъ жизнь великаго князя отъ разъяренныхъ убійцъ, которые, въ слѣпомъ бѣшенствѣ, кололи въ это время двухъ встрѣченныхъ ими придворныхъ лакеевъ.

VIII.

По прибытіи остатковъ польской арміи въ Модлинъ, главнокомандующій ея, генералъ Малаховскій, сложилъ съ себя это званіе, и на мѣсто его членами сейма, большинствомъ голосовъ, избранъ былъ главнокомандующимъ дивизіонный генералъ Рыбинскій. Вслѣдъ затѣмъ начались въ польской главной квартирѣ безконечные споры и всевозможныя интриги, увлекшись которыми, предводители польскаго возстанія перестали помышлять о выступленіи арміи изъ Модлина въ Плоцкъ. Генералъ Бергъ, посланный фельдмаршаломъ, 28-го августа, въ Модлинъ требовать его очищенія, нашелъ въ польской арміи, насчитывавшей, по присоединеніи къ ней

отряда генерала Лубенскаго, до 27.000 человекъ, весьма воинственное настроеніе. Еслибъ успѣлъ присоединиться къ главнымъ польскимъ силамъ корпусъ генерала Ромарино, то у Поляковъ составила бы армія въ 45.000 человекъ, съ которою можно было бы еще многое предпринять. У насъ, за выбытіемъ изъ строя, въ продолженіе двухдневнаго штурма Варшавы, 10.000 человекъ и за оставленіемъ въ ней необходимаго для ея защиты гарнизона, оставалось бы также не болѣе 45.000 человекъ. Съ такими незначительными силами фельдмаршалу трудно было рѣшиться заставить польскую армію удалиться въ Плоцкъ, и онъ поручилъ генералу Бергу вступить въ переговоры съ главнокомандующимъ, дабы склонить его къ очищенію Модлина. Переговоры продолжались ежедневно, и всѣ съ напряженіемъ ожидали ихъ исхода, долженствовавшего рѣшить участь войны. Чтобы болѣе стѣснить непріятеля у Модлина, фельдмаршалъ рѣшился приблизить къ этой крѣпости свою армію по обоимъ берегамъ Вислы, черезъ которую, у Сухочина, было приступлено къ наведенію понтоннаго моста, въ одной милѣ выше Модлина. Онъ былъ наведенъ 7-го сентября, и вслѣдъ затѣмъ Модлинъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ обращенной къ Плоцку, русскими отрядами.

Въ это самое время получено было извѣстіе, что корпусъ генерала Ромарино, двинувшійся, послѣ взятія Варшавы, къ крѣпости Замостью, былъ отброшенъ корпусами генераловъ барона Розена и Ридигера къ австрійской границѣ, перешелъ ее 5-го (17-го) сентября и, по требованію австрійскаго правительства, сложилъ оружіе. Извѣстіе это было немедленно сообщено главнокомандующему польскою арміею въ Модлинъ и произвело на него сильное впечатленіе. Онъ рѣшился наконецъ выйти изъ бездѣйствія и попытаться броситься, съ своею арміею, на югъ Царства Польскаго, чтобы тамъ продолжать войну. 9-го сентября авангардъ польской арміи скрытно выступилъ изъ Модлина; за нимъ, также скрытно, послѣдовали главныя силы, которыя, 11-го сентября, собрались, не доходя Плоцка, около мѣстечка Слупно, по близости котораго, у селенія Токоры, былъ наведенъ польскими саперами черезъ Вислу мостъ на судахъ. Суда эти, со всѣми мостовыми принадлежностями, были спущены, по теченію Вислы, изъ Модлина, одновременно съ выступленіемъ авангарда,

подъ начальствомъ генерала Дембинскаго. Явившійся 10-го сентября въ нашу главную квартиру польскій инженерный офицеръ передалъ о спускѣ судоваго моста и о выступленіи польской арміи изъ Модлина въ Плодкъ. Фельд-маршалъ немедленно принялъ мѣры для воспрепятствованія исполненію замысловъ польскаго главнокомандующаго. Для поддержанія графа Палена былъ направленъ гренадерскій корпусъ съ частию гвардейскаго, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича. Остальныя части гвардіи были оставлены въ Прагѣ и Варшавѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома, а второму корпусу, подъ начальствомъ генерала барона Крейца, поручено было наблюдать за гарнизономъ Модлина.

Гвардейскій саперный батальонъ выступилъ изъ Варшавы 12-го сентября, вечеромъ, съ третьею гвардейскою бригадою, и сдѣлавъ ночной переходъ, прибылъ къ утру слѣдующаго дня въ мѣстечко Блоніе, гдѣ и былъ остановленъ. 14-го сентября, рота, въ которой я состоялъ, была прикомандирована къ лейбъ-гвардейскому Павловскому полку, получившему приказаніе, подъ начальствомъ генерала Арбузова, занять предмѣстное укрѣпленіе у мѣстечка Козунъ, противъ Модлина, тамъ, гдѣ прежде находился увезенный Поляками мостъ. Въ этомъ укрѣпленіи, занятомъ утромъ 15-го сентября, отрядъ нашъ оставался еще два дня. Съ нашего берега представлялся очень красивый видъ на лежащую, на противоположномъ берегу, крѣпость Модлинъ (нынѣ Новогеоргиевскъ), и на другое мостовое укрѣпленіе, передъ мѣстечкомъ Новымъ-Дворомъ. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, можно было ясно различить расположеніе крѣпостныхъ верковъ, польскихъ лагерей и аванпостовъ. Вечерняя заря, у насъ и въ крѣпости, билась въ одно и то же время, а ночью раздавались одновременные отклики передовыхъ часовыхъ. Предположено было, вправо отъ Козунскаго тетъ-де-пона, выстроить батарею на четыре орудія, для дѣйствія въ тылъ крѣпости, и собственно для этой работы была прислана сюда гвардейская саперная рота. Батарея эта была выстроена въ ночь на 16-е сентября и утромъ вооружена. Въ этотъ день бѣглый Нѣмецъ изъ Модлина передалъ намъ, что въ слѣдующую ночь гарнизонъ крѣпости намѣренъ сдѣлать вылазку, и переправившись на нашъ берегъ на судахъ изъ Нарева, атаковать нашъ слабый отрядъ. Вслѣдствіе этого

караулы наши были удвоены и приняты всѣ мѣры предосторожности противъ нечаяннаго нападенія, но такового не восплѣдовало. 17-го сентябрю, утромъ, пришелъ на смѣну нашего отряда 13-й егерскій полкъ, прибывшій наканунѣ къ Модлину въ отрядѣ генерала Головина. Перешедъ Вислу по понтонному мосту у мѣстечка Чинстка, въ 7 верстахъ отъ Модлина, рота наша присоединилась въ Бронахъ къ своему батальйону, который, слѣдуя при 3-й гренадерской дивизіи, взятой изъ отряда великаго князя, прибылъ на другой день въ селеніе Корытно, гдѣ, 19-го сентябрю, имѣлъ дневку. Въ этотъ день получено было извѣстіе, что польская армія, 15-го сентябрю, оставила Плоцкъ, направилась внизъ по теченію Вислы, очевидно въ намѣреніи приблизиться къ прусской границѣ, и взяла съ собой свой судовой мостъ, который на другой день, 16-го сентябрю, былъ наведенъ ими у мѣстечка Влоцлавка. Графъ Паленъ, для воспрепятствованія Полякамъ переправиться на лѣвый берегъ Вислы, двинулся съ своимъ авангардомъ изъ Лостынина и занялъ селеніе Накуново, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Влоцлавка.

19-го сентябрю, вечеромъ, приказано было мнѣ и моему всегдашнему товарищу по командировкамъ, прапорщику Коваленскому, немедленно отправиться въ главную квартиру арміи, для полученія тамъ особаго приказанія. Фельдмаршалъ, поручивъ блокаду Модлина генералу Головину съ 9.000 отрядомъ, съ остальными своими силами двинулся двумя колоннами, подъ начальствомъ великаго князя и князя Шаховскаго, по направленію къ Плонску, чтобъ отрѣзать Полякамъ путь чрезъ Млаву въ Августовское воеводство и въ Литву. Генералъ баронъ Крейцъ со вторымъ корпусомъ посланъ былъ съ понтоннымъ паркомъ въ Плоцкъ.

Выѣхавъ верхомъ изъ Корытно, мы прибыли, въ 7 часовъ вечера, въ главную квартиру и явились къ генералу Бергу, приказавшему намъ немедленно ѣхать въ Влоцлавекъ, чтобы находиться при наведеніи у этого городка полуразрушеннаго и брошеннаго Поляками моста. Отправившись въ сопровожденіи двухъ казаковъ, мы, въ 11 часовъ вечера, прибыли въ Плоцкъ, и отдавъ тамъ порученные намъ генераломъ Бергомъ, на имя барона Крейца, конверты, отправились далѣе на почтовыхъ, слѣдуя по берегу Вислы и безпрестанно встрѣчая толпы изнуренныхъ и оборванныхъ польскихъ солдатъ, оставшихъ отъ своей арміи,

при движеніи ея изъ Влоцлавка на Липно. Въ полдень, 20-го сентября, прибыли мы въ первый изъ этихъ двухъ городовъ и узнали, что несмотря на всю нашу поспѣшность, мы опоздали прибыть къ устройству моста, который былъ почти наведенъ, по приказанію графа Палена, прибывшаго къ мѣстечку Влоцлавку вслѣдъ за оставленіемъ его польскою арміею. Начальникъ штаба перваго корпуса, генералъ Граббе, объявилъ намъ, что уже не имѣетъ въ насъ надобности и что мы можемъ возвратиться въ главную квартиру арміи. Влоцлавскъ, чистенькій и живописно раскинутый на лѣвомъ берегу Вислы городокъ, представлялъ въ это время очень оживленный видъ. Улицы его были переполнены нашими, а отчасти и польскими солдатами, не пожелавшими слѣдовать далѣе за своею арміею. Они не горевали, а, казалось, были рады избавиться отъ дальнѣйшихъ странствованій. Мостъ черезъ Вислу устройствомъ своимъ походилъ на мостъ, наведенный нами черезъ эту рѣку при мѣстечкѣ Осьекѣ, и по немъ въ тотъ же день стали переправляться войска, артиллерія и обозы 1-го корпуса, потянувшагося на Липно.

Выѣхавъ на слѣдующее утро, 21-го сентября, изъ Влоцлавка, мы прибыли къ вечеру въ Плоцкъ, и узнавъ здѣсь, что главная квартира наканунѣ двинулась на Рационжъ, для прегражденія дороги Полякамъ, направлявшимся изъ Липно вправо, вдоль прусской границы, мы поѣхали въ ночь чрезъ Бѣльскъ, Дробинъ и Рационжъ въ Ратово, гдѣ застали главную квартиру и свой батальонъ. Батальонъ, вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ, выступилъ впередъ и къ вечеру, исправивъ дороги для прохода главной квартиры, прибылъ къ большому мѣстечку Безуну, у котораго пробивуакировалъ весьма холодную и сырую сентябрьскую ночь.

Польскіе генералы, упавшіе духомъ отъ быстрого наступленія русскихъ войскъ, уже не помышляли болѣе о новыхъ противъ нихъ предпріятіяхъ, а заботились только о своемъ спасеніи. Прибывъ, 18-го сентября, въ городъ Липно, остатки польской арміи сосредоточились, 20-го, у мѣстечка Рыпина, близъ прусской границы. Польскіе офицеры и солдаты толпами оставляли свою бѣгущую армію. 12 генераловъ, до 100 штабъ-и оберъ-офицеровъ и около 5.000 нижнихъ чиновъ, въ послѣдніе два дня, бросили свои ряды и передались намъ. Въ ночь на 22-е сентября непріятель оставилъ

Рыпинъ и потянулся къ прусской границѣ. Утромъ онъ приступилъ къ переговорамъ съ прусскими властями и заключилъ съ ними слѣдующія условія: Поляки обязывались, по переходѣ въ Пруссію, сложить оружіе и выдать его, а также артиллерію, лошадей и военные запасы, прусскому правительству.

Послѣдній часть польскаго возстанія пробилъ: фельдмаршалъ окончательно окружилъ, 22-го сентября, польскую армію. Графъ Паленъ занялъ Рыпинъ; баронъ Крейцъ — Зиможъ; главная квартира арміи была въ Безунѣ; легкіе кавалерійскіе полки и казаки атамана Власова одѣляли Поляковъ у самой прусской границы.

23-го сентября главные силы наши двинулись къ Рыпину; у Луточина проѣхалъ мимо нашего батальйона фельдмаршалъ съ великимъ княземъ, въ сопровожденіи огромной свиты. Полчаса спустя слышалась впереди усиленная канонада, заставившая насъ сначала подумать, что произошло сраженіе; но вскорѣ долетѣла до насъ вѣсть, что это были прощальные съ отечествомъ выстрѣлы польской артиллеріи, при переходѣ чрезъ прусскую границу разстрѣливавшей противъ нашихъ казаковъ свои послѣдніе заряды. Польская армія, въ составѣ 21.000 человекъ, съ 95 орудіями и 9.000 кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, въ трехъ пунктахъ перешла границу. Этимъ заключился послѣдній актъ польской войны, возбужденной измѣнническимъ варшавскимъ возстаніемъ 1830 года, раззорившимъ польскую землю и навлекшимъ на Поляковъ столько несчастій и утратъ всякаго рода. Радость наша при этомъ счастливомъ событіи была очень велика, и вѣвъ отъ души поздравляли другъ друга съ окончаніемъ кампаніи, стоившей Россіи столько жертвованій и крови ея вѣрныхъ сыновъ.

Корпусъ графа Палена былъ оставленъ на прусской границѣ, для принятія отъ Пруссаконъ оружія и боевыхъ припасовъ, сложенныхъ Поляками. Остальныя части арміи получили приказаніе размѣститься по квартирамъ около Плоцка, а гвардейскій корпусъ — возвратиться въ Варшаву. Гвардейскому саперному батальйону, слѣдовавшему, съ 24-го сентября, въ головѣ его, для исправленія дорогъ, приказано было въ Плонскѣ, 29-го сентября, отдѣлиться отъ корпуса и идти въ мѣстечко Зегражъ, для исправленія моста на

свѣлахъ черезъ рѣку Наревъ. На пути слѣдованія, когда батальйонъ переправлялся черезъ рѣку Вкру, у Пимохова, я отпросился съ прапорщикомъ Рашетомъ осмотрѣть въ 7 верстахъ отъ переправы лежащую крѣпость Модлинъ, сдавшуюся, 27-го сентября, великому князю Михаилу Павловичу.

Подъѣзжая верхомъ къ крѣпости, мы были удивлены незначительностью ея, имѣвъ о ней до того высокое понятіе, такъ какъ въ 1813 году Модлинъ выдержалъ продолжительную блокаду, составляя важный стратегическій пунктъ при слияніи двухъ значительнѣйшихъ польскихъ рѣкъ: Нарева и Вислы. Высокій крѣпостной валъ бастіонной системы, съ небольшими рavelинами и гласисомъ, на которомъ, при въѣздѣ въ крѣпость, стояла неизбѣжная у Поляковъ вистлица съ свѣжими около нея могилами жертвъ революціи, далеко не соответствовали хвастливымъ увѣреніямъ Поляковъ объ огромной силѣ Модлина. Комендантъ его, безногій генералъ Лядоховскій, убѣжденный, что послѣ перехода польской арміи въ Пруссію оборона Модлина не послужитъ ни къ чему, распустилъ 6.000-ный гарнизонъ по домамъ и сдалъ крѣпость нашимъ войскамъ безусловно. Въ Модлинѣ, кромѣ казармъ, не было почти казенныхъ строеній и обывательскихъ домовъ, такъ что намъ пришлось обѣдать на площади, въ шатрѣ русскаго маркитанта. Крѣпость была наполнена польскими офицерами и солдатами, возвращавшимися съ радостными лицами къ своимъ роднымъ очагамъ.

Съ главнаго вала, красиво возвышавшагося на крутомъ берегу Вислы, видѣлись какъ на ладони предмостное Козунское укрѣпленіе и построенная нами возлѣ него, въ ночь на 16-е сентября, батарея. Оставивъ крѣпость, отправились мы верхомъ въ мѣстечко Новый Дворъ, лежащее въ двухъ верстахъ отъ Модлина, гдѣ, по взятіи Варшавы, происходили переговоры о дальнѣйшей участи польской арміи и судьбахъ мятежной Польши. Веденные генераломъ Бергомъ съ отличнымъ дипломатическимъ тактомъ, они, вѣроятно, кончились бы милостивыми для Поляковъ условіями, еслибы послѣдніе, по врожденной имъ кичливости и безразсудству, не затягивали ихъ своими неумѣренными требованіями; они были нами прерваны, по полученіи извѣстія о переходѣ корпуса Ромарино въ Австрію. Въ Новомъ Дворѣ встрѣтили мы боеваго варнскаго товарища, рядового 14-го егерскаго полка и георгиевскаго кавалера, съ которымъ мы долго съ

удовольствіемъ бесѣдовали, слушая его простодушные разказы о кровопролитныхъ и геройскихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ славную осаду Варны въ 1828 году, при которой 13-й и 14-й егерскіе полки покрыли себя справедливо-заслуженною славой и геройскимъ самоотверженіемъ. Оставивъ Модлинъ, пріѣхали мы въ сумерки въ мѣстечко Зегржъ, принадлежащее графу Красинскому, гдѣ батальйону предстояла довольно продолжительная стоянка, по случаю того, что генераль Шильдеръ, вмѣсто исправленія весьма ветхаго свайнаго моста, предложилъ выстроить новый плотовой. Черезъ два дня по приходѣ батальйона въ Зегржъ, двѣ роты его получили приказаніе расположиться въ казармахъ въ мѣстечкѣ Сѣрсцкѣ, находящемся въ четырехъ верстахъ отъ Зегржа, при сліяніи Буга съ Наревомъ. Въ этихъ казармахъ стоялъ до возстанія знаменитый 4-й линейный полкъ, командиромъ котораго былъ тогда полковникъ Скршинецкій, попавшій на слѣдующій годъ въ главнокомандующіе 180-тысячной польской арміи, съ значительною частію которой, въ первыхъ числахъ мая, онъ перешелъ Бугъ, у этого же самаго мѣстечка Сѣрсцка, въ кичливомъ предположеніи разгромить гвардейскій корпусъ, но смѣлый замыселъ этотъ ему не удался. Судьба въ самое короткое время такъ вознесла его, чтобы потомъ также быстро низвести своего любимца съ высоты величія и предать сперва злобнымъ пересудамъ, а затѣмъ незавидному забвенію.

Въ первыхъ числахъ октября гвардейскій саперный батальйонъ приступилъ къ устройству новаго плотоваго моста; но работа эта шла медленно, по неисправному доставленію годнаго для вязки плотовъ лѣса. По близости стоянки нашей отъ Варшавы, куда фельдмаршалъ возвратился еще 26-го сентября, ежедневно получались оттуда вѣсти о быстромъ уничтоженіи всѣхъ мятежничьихъ отрядовъ и сборовъ. Генераль Ридигеръ загналъ дѣйствовавшій противъ него корпусъ генерала Рожицкаго въ Галицію и занялъ, 27-го сентября, Краковъ, откуда, при приближеніи нашихъ войскъ, едва удалось спастись бѣгствомъ князю Чарторыйскому и Скршинецкому. Черезъ занятіе Кракова южная и западная части Царства были совершенно очищены отъ мятежниковъ. Вслѣдъ затѣмъ и воеводство Калишское было занято отрядомъ генерала Кнорринга, а блуждавшія въ немъ шайки бѣжали, чрезъ Ченстохово, въ австрійскія вла-

дѣнія. Польское возстаніе было окончательно усмирено, и Польша съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участи отъ своего оскорбленнаго и справедливо огорченнаго царя.

IX.

Для возданія благодаренія Богу за приведеніе Польши къ своему долгу, фельдмаршалъ назначилъ въ Варшавѣ, 4-го октября, торжественное молебствіе, за которымъ послѣдовалъ, при большомъ стеченіи народа, парадъ войскамъ гвардіи, составлявшимъ гарнизонъ Варшавы. И также присутствовалъ на немъ, находясь по служебному дѣлу въ Варшавѣ, за покореніе которой графъ Паскевичъ награжденъ былъ титуломъ князя Варшавскаго, а великій князь Михаилъ Павловичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ его императорскаго величества. Варшава представляла въ этотъ день весьма оживленный и даже веселый видъ. Трудно было себѣ представить, что это былъ тотъ самый городъ, въ которомъ еще такъ недавно, какъ въ горнилѣ революціонныхъ страстей, происходили уличныя сцены и казни, и у твердыхъ котораго гремѣлъ двухдневный штурмовой бой, едва не кончившійся его конечнымъ разрушеніемъ. Русскіе офицеры, обрадованные перспективой нѣсколько отдохнуть и поселиться послѣ десяти тысячной кампаніи, сопряженной съ такими трудами и лишеніями, со всѣхъ сторонъ стекались въ Варшаву, и улицы ея были днемъ и ночью ими наполнены. Они пировали въ отличныхъ французскихъ гостиницахъ и искрометное аи лилось, какъ за подвиги удѣлѣвшихъ отъ многочисленныхъ побойщъ, такъ и за вѣчную память павшихъ со славою братій. Варшавскіе Жидки отлично умѣли пользоваться удобнымъ случаемъ и наживали порядочныя деньги. Поляки, вѣроятно въ глубинѣ сердца сыпавшіе на насъ проклятія, наружно были съ нами кротки, любезны и обходительны. Еще большею любезностью отличались милые Польки, увлекавшіеся чистенько до забвенія своего кокетливаго патріотизма. Незлопамятные русскіе варвары готовы были протянуть руку примиренія своимъ недавнимъ врагамъ, ухаживали за ихъ шаловливыми половинами и съ восторгомъ читали превосходные, только что тогда появившіеся стихи Пушкина: *Клеветникамъ Россіи.*

17-го октября лейбъ-гвардейскій саперный батальонъ получилъ приказаніе выступить изъ Свродка и слѣдовать по маршруту, чрезъ Ковно, въ Курляндскую губернію, гдѣ назначено было ему расположиться на зимовыхъ квартирахъ въ городѣ Баускѣ и его окрестностяхъ. Слѣдуя по прекрасному ковенскому шоссе, саперамъ приходилось проходить по мѣстамъ, весьма памятнымъ имъ по многимъ интереснымъ воспоминаніямъ изъ ихъ недавней боевой жизни. Особенно пріятно было намъ увидѣть Остроленку, которую мы такъ часто занимали и оставляли и гдѣ наконецъ участвовали въ кровопролитномъ сраженіи 14-го мая, отъ котораго не оставалось другихъ слѣдовъ, кромѣ большого числа деревянныхъ крестовъ и валявшихся по полю кровавыхъ лоскутьевъ. Передъ знаменитымъ мостомъ, на которомъ такъ упорно дрались Русскіе и Поляки, возвышалось недавно построенное однимъ изъ нашихъ армейскихъ саперныхъ батальоновъ предмостное укрѣпленіе. Несчастный городокъ много пострадалъ отъ происшедшаго въ немъ, въ день сраженія, пожара, и кромѣ этого несчастья, бывшая здѣсь, послѣ нашего выхода, холера вырвала еще много жертвъ изъ его небольшого населенія, которое высыпало на встрѣчу саперамъ, какъ къ старымъ добрымъ знакомымъ. Подходя 23-го октября къ Ломжѣ, мы нашли ее окруженною сплошнымъ рядомъ новыхъ укрѣпленій, образовавшихъ изъ нея родъ крѣпости, комендантомъ которой назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Фрикенъ. Въ Піонтницѣ, гдѣ во время работъ по первымъ укрѣпленіямъ Ломжи стоялъ нашъ батальонъ, я отыскалъ обгорѣлыя развалины того дома, въ которомъ тогда жилъ, но не могъ разузнать, куда дѣвался нашъ добрый, старый домохозяинъ, отставной прусскій гусаръ. Прекрасные мосты между Ломжей и Піонтницей, сожженные при отступленіи отряда генерала барона Остенъ-Сакена, еще не были надлежащимъ образомъ восстановлены, и вообще, отъ самаго Пултуска, почти на каждомъ шагу натыкались мы на слѣды опустошеній и общаго раззоренія, неизбежныхъ послѣдствій каждой войны.

На дневкѣ въ Ломжѣ полученъ былъ слѣдующій высочайшій благодарственный приказъ войскамъ, усмирившимъ Польшу, отъ 6-го октября:

„Воины! Вы исполнили мои ожиданія! Я вѣрилъ вамъ усмиренье мятежной Польши, защиту отечества, и вы явили себя достойными хранителями ея спокойствія и чести. Едва возвратясь изъ Тавриза, изъ Адрианополя, вы нынѣ, въ борьбѣ съ отчаяннымъ непріятелемъ, умѣли преодолѣть всѣ трудности своими незабвенными подвигами на берегахъ Вислы, Буга, Нарева, въ глубокихъ рвахъ и на раскатахъ Варшавы, и еще болѣе возвыситъ блескъ русскаго оружія. Судьба увѣнчала ваши усилія: мятежъ усмирентъ, Царство Польское возвращено державѣ Россійской; видя конецъ своихъ бѣдственныхъ волненій, сами побѣжденные благословляютъ наши побѣды.

„Храбрые воины! Господу силъ принадлежитъ первая слава. Но возславъ къ Нему данъ благодаренія нашего, я обращаюсь къ вамъ, благодарю васъ именемъ торжествующаго, признательнаго отечества. На васъ устремлены взоры Россіи, она гордится вами, и память вашихъ славныхъ дѣлъ сохранить въ своихъ лѣтописяхъ. Вы съ храбростію соединяете другія, еще возвышеннѣйшія доблести истиннаго воина: умѣренность въ побѣдѣ, снисхожденіе къ падшимъ, готовность къ примиренію съ противниками, когда они возвращаются къ долгу, и всюду жизнь и собственность безоружныхъ жителей были для васъ священны.

„Воины! продолжайте оправдывать мою довѣренность, и по восстановленіи мира соблюденіемъ строгой подчиненности и благоустройства въ рядахъ вашихъ и въ покоренномъ краѣ внушайте, какъ прежде, любовь къ себѣ и порядку, любовь и приверженность къ престолу моему и уваженіе къ Россіи.“

Изъ Ломжи лейбъ-гвардія саперный батальйонъ слѣдовалъ чрезъ Ставишки, Цущинъ и Граево, въ Райградъ, гдѣ я осмотрѣлъ поле сраженіе 17-го мая и весьма выгодную, возвышенную позицію нашего отряда, между двухъ озеръ. У выхода изъ города стояла висѣлица, на которой адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, полковникъ Анненковъ, командовавшій въ Августовскомъ воеводствѣ отрядомъ, назначеннымъ для усмиренья мятежныхъ шаекъ формировавшихся и укрывавшихся въ дремучихъ Августовскихъ лѣсахъ, повѣсилъ двухъ захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ предводителей повстанцевъ. Самыми отважными и предприимчивыми изъ нихъ были: отставной майоръ французской службы баронъ Пушетъ и помѣщикъ князь Мирскій. Послѣдній, съ мѣсяцъ до нашего прохода чрезъ Августово, сдѣлавъ, съ многочисленною шайкой, нечаянное нападеніе на этотъ жалкій, полусожженный городокъ, но былъ съ боль-

шимъ урономъ отбитъ майоромъ Ротомъ, занимавшимъ Августово съ эскадрономъ гусаръ и ротой егерей. Это былъ послѣдній подвигъ повстанцевъ, послѣ чего совершенное спокойствіе водворилось въ августовскомъ воеводствѣ.

Шоссе отъ Августова до Сувалокъ проходитъ чрезъ густой лѣсъ, служившій притономъ многочисленныхъ шакель, дерзости и безчинствамъ которыхъ былъ положенъ конецъ энергическими мѣрами полковника Анненкова. На каждомъ шагу видѣлись слѣды опустошеній, произведенныхъ переходомъ войскъ послѣ Остроленскаго сраженія и набѣгами повстанцевъ.

Шлюзы и другія сооруженія Августовскаго канала были во многихъ мѣстахъ значительно повреждены, большая часть служившихъ при каналѣ польскихъ инженерныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ оставили свои посты еще при началѣ возстанія и приняли въ немъ дѣятельное участіе. Мосты на шоссе были почти всѣ сожжены и замѣнены плохими временными; плотины разрушены, окрестныя деревни частію сожжены, частію разграблены повстанцами. Однимъ словомъ, такого опустошенія и горячихъ слѣдовъ недавно бывшихъ беспорядковъ я еще не встрѣчалъ во всемъ Царствѣ Польскомъ. Сувалки, куда батальйонъ прибылъ 30-го октября, хотя еще не былъ главнымъ городомъ Августовскаго воеводства, но обширностью и числомъ хорошихъ городскихъ строеній превосходилъ бѣдный городокъ Августово. Своею зажиточностію Сувалки обязаны Жидамъ, которые, пользуясь близостію русской и прусской границъ, уже давно вели здѣсь оживленную контрабандную торговлю. Въ Сувалкахъ, во время прохода сапернаго батальйона, былъ большой наплывъ авантюристовъ разныхъ національностей, принимавшихъ болѣе или менѣе живое участіе въ дѣйствіяхъ повстанцевъ. Тутъ же, между разными оригинальными личностями, я встрѣтилъ двухъ почтенныхъ ветерановъ, одного ста-пяти-лѣтняго старовѣра, бывшего Суворовскаго солдата, который помнилъ и довольно связно разказывалъ о штурмѣ Очакова, и польскаго безрукаго улана, участвовавшаго въ осадѣ Сарагоссы и взятіи Кадикса.

1-го ноября предстоялъ батальйону переходъ въ 45 верстъ до города Кальваріи, почему мы и выступили съ ночлега съ восходомъ солнца. День былъ ясный, но при небольшомъ морозѣ, порывистый вѣтеръ проникалъ насъ насквозь. На

половинѣ перехода, крѣпко прозябшіе, я и прапорщикъ Рашетъ, завидѣвъ въ полверстѣ отъ дороги небольшую помѣщичью мызу (*большаркэ*), поскакали впередъ, въ намѣреніи войти въ нее, чтобы нѣсколько обогрѣться. При входѣ въ сѣни, мы были встрѣчены стройнымъ молодымъ челоувѣкомъ, въ венгеркѣ, обшитой плерезами, и съ ленточкой польскаго военнаго ордена „*virtuti militari*“ въ петличкѣ. Онъ очень радушно, по-французски, пригласилъ насъ войти въ его домъ и предложилъ напиться у него кофе. Въ разговорѣ объяснилъ онъ намъ, что онъ поручикъ Осиповскій, служилъ во второмъ полку польскихъ конныхъ егерей, находился съ нимъ при переходѣ польскихъ войскъ въ Пруссію и воспользовался послѣднимъ приказомъ главнокомандующаго генерала Рыбинскаго, разрѣшившимъ всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, не желавшимъ перейти границу, разойтись по домамъ. Остаться въ отечествѣ побудило его въ особенности то, что не задолго передъ тѣмъ онъ получилъ извѣстіе объ одновременной почти смерти отца и матери его, оставившихъ ему то имѣніе, въ которомъ онъ теперь находился. Когда мы назвали себя гвардейскими саперными офицерами, гостепріимный хозяинъ нашъ отозвался, что очень доволенъ встрѣчей съ нами, такъ какъ съ однимъ изъ нашихъ товарищей онъ уже имѣлъ случай встрѣтиться на полѣ сраженія. На вопросъ мой въ какомъ именно, г. Осиповскій сказалъ, что это было 5-го мая, передъ мостомъ у селенія Якацъ. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что онъ командовалъ тѣмъ самымъ эскадрономъ конныхъ шасеровъ, который первый прискакалъ къ мосту, когда я, съ командой саперовъ, приступалъ къ его сломкѣ. Неожиданная вторичная встрѣча наша удивила насъ обоихъ и вскорѣ очень сблизила. Мой бывшій противникъ объяснилъ намъ при этомъ слѣдующія подробности: послѣ перехода авангарда польской арміи, въ бродъ, черезъ рѣчку Ручь, у Соколова, гвардейскіе кавалерійскіе полки быстро отступали къ селенію Якацъ. Полкъ, въ которомъ служилъ Осиповскій, принадлежалъ къ польскому авангарду, и эскадронъ его запальчиво, во весь каррьеръ, преслѣдовалъ эскадронъ гвардейскихъ улановъ, успѣвшій послѣднимъ проскакать черезъ мостъ. Не успѣвъ схватиться съ нимъ и замѣтивъ что мостъ уже разбирался, Осиповскій остановилъ свой эскадронъ и очистилъ мѣсто для прискакавшихъ вслѣдъ за нимъ двухъ конныхъ

орудій, которыя тотчасъ же открыли огонь по саперамъ, уничтожавшихъ мостъ. На вопросъ мой: зачѣмъ онъ не вскочилъ вслѣдъ за уланами на мостъ и не уничтожилъ мою маленькую команду, едва успѣвшую приступить къ работѣ, Осиповскій объяснилъ, что онъ, конечно, могъ бы это сдѣлать, но что это ни къ чему бы не послужило, потому что не только вся польская пѣхота была еще далеко назади, но что даже и кавалерія отстала, и одинъ только передовой эскадронъ его гнался по пятамъ за нашимъ уланскимъ. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что за мостомъ стояли въ боевой готовности массы гвардейской пѣхоты и кавалеріи, противъ которыхъ, съ однимъ своимъ эскадрономъ, онъ не могъ надѣяться удержать мостъ до прибытія польскаго авангарда. Обмѣнявшись еще нѣсколькими вопросами о Якацкомъ дѣлѣ, бывшіе боевые противники разстались друзьями и на прощаньи пожали другъ другу руки. * Подобная случайная встрѣча произошла спустя нѣсколько дней послѣ покоренія Варшавы, въ одной изъ гостиницъ, между лейбъ-гвардіи сапернаго батальона прапорщикомъ Бергомъ и польскимъ артиллерійскимъ офицеромъ, оставшимся въ Варшавѣ послѣ отступленія польской арміи къ Модлину. Офицеръ этотъ разказалъ Бергу, что досадуя на успѣхъ нашего оружія и увозя свое орудіе, стоявшее въ редантѣ между Вольскою и Іерусалимскою заставами, онъ произвольно остановилъ его, при общемъ отступленіи польскихъ войскъ, чтобы попотчевать остававшуюся у него картечью Русскихъ, разрывавшихъ городской валъ, и ускакалъ, когда услышалъ съ нашей стороны бой къ атакѣ.

3-го ноября батальонъ прибылъ въ городъ Маріамполь, въ окрестностяхъ котораго имѣлъ дневку. Здѣсь, въ маѣ мѣсяцѣ, полковникъ Анненковъ разбилъ значительную шайку Пущета, производившую въ сосѣдствѣ важныя разбои. За городской заставой были повѣшены два другіе предводителя шайекъ: Шонъ и Мадейскій, надъ общою могилой которыхъ возвышался деревянный крестъ съ распятіемъ. Въ городской цукернѣ (кондитерской) произошла въ присутствіи моемъ комическая встрѣча возвратившагося изъ арміи демис-

* Эпизодъ этотъ разказанъ въ *Исторіи лейбъ-гвардіи сапернаго батальона*, вышедшей въ 1852 году, со словъ бывшаго со мною при встрѣчѣ съ Осиповскимъ товарища моего, прапорщика Рашета.

сіонованнаго польскаго офицера Бѣлинскаго съ толстымъ русскимъ провіантскимъ чиновникомъ, котораго первый захватилъ въ плѣнъ въ Маковѣ. Сперва они очень недружелюбно посматривали другъ на друга, но потомъ подружились за бутылкой шампанскаго.

6-го ноября, рано утромъ, батальйонъ подошелъ къ Алексо-тену, предмѣстью города Ковно, сожженному нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ свирѣпымъ Пушетомъ. Полюбовавшись живописнымъ видомъ, открывавшимся съ возвышеннаго берега рѣки на городъ и долину Нѣмана, саперы перешли плотовой мостъ, и вступивъ, съ церемоніей, въ Ковно, отслужили на городской площади благодарственный молебенъ, за благополучное возвращеніе свое въ отечество. Мы были очень рады оставить наконецъ Царство Польское въ которомъ перенесли столько трудовъ и лишеній и испытали много потрясающаго и оскорбляющаго человѣческаго чувства.

Съ дневки въ Ковно батальйонъ, 8-го ноября, направился чрезъ Кейданы и Поневѣжъ, къ городу Бауску, въ окрестностяхъ котораго ему назначены были зимовыя квартиры. При прохожденіи чрезъ эту часть Литвы, собственно Самогитію, или Жмудь, безпрестанно встрѣчались намъ еще свѣжіе слѣды неурядицъ и стычекъ, происходившихъ при усмиреніи вспыхнувшаго и въ Литвѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, возстанія. Помѣщики, дробная шляхта и духовенство, сочувствуя Полякамъ, принимали въ немъ самое дѣятельное участіе, принуждая къ этому и бѣдныхъ крестьянъ Литвиновъ, столь жестоко ими угнетаемыхъ и раззоряемыхъ. Возстаніе, ознаменовавшееся вначалѣ формированіемъ шаекъ въ лѣсахъ и частными нападеніями на города и мѣстечки, или вовсе не занятые русскими войсками, или занятые весьма слабыми гарнизонами, вспыхнуло съ неудержимою силой при вступленіи въ литовскія губерніи польскихъ отрядовъ Дембинскаго и Гельгула. Плодами этой безумной вспышки были, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, частыя кровопролитія, раззореніе жителей, пожары въ мѣстечкахъ и селахъ и варварскіе поступки ярыхъ революціонеровъ съ Жидами, Нѣмцами и беззащитными поселянами. Высшія сословія и фанатическое духовенство въ Литвѣ постоянно сильно сочувствовали всѣмъ кознямъ и про-искамъ настоящихъ Поляковъ, весьма охотно пользовавшихся

ихъ ложнымъ патріотизмомъ и матеріальными средствами и называвшихъ ихъ литовскими братьями; но въ душѣ первые вообще пренебрегаютъ послѣдними и подсмѣиваются надъ ихъ плохимъ польскимъ выговоромъ, какъ мнѣ не разъ случалось слышать въ Царствѣ. Впрочемъ, не всѣ литовскіе помѣщики раздѣляли мнѣнія революціонеровъ; многіе изъ нихъ, при проходѣ батальйона чрезъ Жмудь, горько жаловались намъ на насилія и страшныя угрозы со стороны главнѣйшихъ вліятельныхъ коноводовъ мятежа.

17-го ноября батальйонъ прибылъ въ уѣздный городъ Баускъ, довольно красиво раскинутый на крутомъ берегу рѣки Аа. Здѣсь расположился, по дислокаціи, батальйонный штабъ, а роты разошлись по окрестнымъ деревнямъ.

Государь за мужество, выказанное лейбъ-гвардіи сапернымъ батальйономъ во многихъ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, ошастливилъ его блестящею наградой. 6-го декабря 1831 года были пожалованы ему георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: *за Варшаву 25-го и 26-го августа.*

Лейбъ - гвардіи саперный батальйонъ 24-го января 1832 года выступилъ изъ Бауска, и прослѣдовавъ чрезъ Ригу, Дерптъ и Нарву, 3-го марта вступилъ въ Петербургъ и былъ встрѣченъ Государемъ у Нарвской заставы. По прибытіи въ свои казармы, батальйонъ едва успѣлъ окружить наложь, поставленный на дворѣ для благодарственного молебна, какъ прибылъ Государь, и преклонивъ колѣна, молился съ своими саперами. Подобная высокая честь не была оказана ни одному изъ гвардейскихъ полковъ. По окончаніи молебствія, Государь вторично благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за ихъ примѣрную службу, и когда я, какъ командиръ его роты, съ первымъ ея взводомъ, относилъ знамя въ Аничковскій дворецъ, онъ обогналъ взводъ и еще разъ милостиво привѣтствовалъ ошастливленныхъ его милостію саперовъ.

Два мѣсяца спустя лейбъ-гвардіи саперный батальйонъ удостоился новаго доказательства высочайшаго вниманія и благоволенія къ нему его августѣйшаго шефа. 5-го мая, въ годовщину нурскаго дѣла, въ воспоминаніе блистательнаго подвига 2-й минерной роты, государь приказалъ зачислить въ списочное состояніе этой роты Его Императорское Высочество Великаго Князя Николая Николаевича.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

БЫВШАГО ГВАРДЕЙСКАГО САПЕРА

Походъ въ Москву и коронація императора Николая.

Для содержанія карауловъ въ Москвѣ, во время пребыванія императора и императрицы и ихъ священнаго коронованія, назначенъ былъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1826 года, отъ войскъ гвардейскаго корпуса, сводный отрядъ, главнымъ начальникомъ котораго назначенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Двѣ гвардейскія пѣшія батарейныя роты и лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ, составлявшіе 2-й эшалонъ своднаго гвардейскаго отряда, выступили изъ Петербурга 9-го апрѣля и за Московскою заставой прошли церемоніальнымъ маршемъ, по-взводно, мимо великаго князя Михаила Павловича. Послѣ получасоваго отдыха у Средней-Рогатки, баталіонъ, къ вечеру, прибылъ на ночлегъ въ село Кузьмино, сдѣлавъ первый свой переходъ при весьма холодной и ненастной погодѣ.

На другой день, не доходя Царскаго-Села, баталіонъ былъ остановленъ, въ ожиданіи прибытія Императора, пожелавшаго проститься съ саперами. День былъ ясный и очень теплый. Государь, въ саперномъ мундирѣ, милостиво привѣтствовалъ саперовъ, объѣхалъ баталіонъ, и пропустивъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, по-полунзводно, простился съ саперами, пожелавъ имъ счастливаго пути.

16-го апрѣля баталіонъ прибылъ утромъ на станцію Чудово. Воспользовавшись этимъ равнымъ приходомъ, я и под-

поручикъ Бухмейеръ * отправились на почтовыхъ въ знаменитое село Грузино, графа Аракчеева, отстоящее отъ Чудова въ 13-ти верстахъ. Быстро промчавшись по прекрасному шоссе и подѣхавъ къ величественному Волхову, мы переправились чрезъ него, на яликъ, къ изящной гранитной пристани съ двумя башнями, устроенной близъ замка графа. Прежде всего, вышедши на берегъ, посѣтили мы построенную имъ прекрасную церковь. Въ ней въ особенности обратилъ наше вниманіе памятникъ императору Павлу I, съ надписью: *и прахъ мой у ногъ твоихъ*. У подножія памятника положена была плита, надъ мѣстомъ, гдѣ графъ Аракчеевъ назначилъ похоронить себя. Рядомъ съ этою плитой, похоронено тѣло извѣстной Настасьи, съ надгробною надписью: *здесь лежитъ тѣло Настасьи Феодоровой, 27-милѣтняго друга графа Аракчеева, убитой дворовыми людьми села Грузино, за христіанскую и непорочную ея къ нему любовь*. Въ сущности, какъ намъ разказывали, не за эту добродѣтельную любовь, а за жестокія истязанія и вопіющее обращеніе съ дворовыми людьми, выведенными изъ терпѣнія, была убита ими злобная любимица графа, страшно отмстившаго за ея смерть убійцамъ, при чемъ пострадало и много невинныхъ. Двадцать человѣкъ дворовыхъ людей, уличенныхъ, и другихъ только подозрѣваемыхъ въ знаніи о злоумышленіи, были сѣчены кнутомъ, въ присутствіи графа, близъ села Грузина, на противоположномъ берегу Волхова, и изъ нихъ поваръ и сестра его, горничная Настасья, на смерть. Графъ не могъ утѣшиться въ своей утратѣ и долгое время отказывался заниматься государственными дѣлами. На надгробной плитѣ, при нашемъ посѣщеніи, лежалъ еще букетъ завядшихъ цвѣтовъ, положенный на нее, за недѣлю передъ тѣмъ, графомъ, послѣ паннихиды. Въ церкви, изящно внутри отдѣланной, замѣтили мы нѣсколько образовъ прекрасной живописи и памятникъ офицерамъ полка имени графа Аракчеева, павшимъ въ отечественную войну 1812 года.

Великолѣпный трехъ-этажный каменный домъ графа построенъ на возвышенности, съ которой открывается прекрасный видъ на окрестности. Внутренность дома отдѣлана

* Умеръ въ 1860 году инженеръ генералъ-лейтенантъ и членомъ военнаго совѣта. Онъ былъ строителемъ знаменитаго плотового моста чрезъ бухту, во время славной осады Севастополя.

не очень роскошно, но съ большимъ вкусомъ; комната, въ которой ночевалъ императоръ Александръ I, въ послѣдній прїѣздъ свой въ Грузино, оставалась совершенно въ томъ же видѣ, какъ была при немъ. Подлѣ главнаго дома павильонъ, въ которомъ стоитъ колоссальная мраморная статуя апостола Андрея Первозваннаго, подаренная графу императоромъ, и надъ колоннадою надпись: *царская награда подданному*. Къ главному дому примыкають два флигеля; въ одномъ изъ нихъ жила добродѣтельная Настасья. Окружающій домъ садъ, или скорѣе паркъ, обширенъ и тѣнистъ. Близъ пристани, въ прекрасно отдѣланномъ гротѣ, хранится яликъ, въ которомъ императоръ Александръ I, въ 1810 году, переправился чрезъ Волховъ, управляя самъ рулемъ. Надъ фронтономъ зѣмка золотыми буквами красовался девизъ графа Аракчеева: *безъ мести преданъ*.

Въ 9-ть часовъ вечера, осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Грузина, мы, при наступившей уже совершенной темнотѣ, отправились въ обратный путь. Глубокая тишина, царствовавшая вокругъ насъ при переправѣ чрезъ Волховъ, прерывалась только мѣрными ударами веселъ гребцовъ и заунывнымъ звономъ колокола, съ довольно большой яхты, стоявшей предъ домомъ графа, возвѣщавшимъ вечернюю зорю. На зеркальной поверхности Волхова блестѣли какъ яркія звѣздочки огоньки рыбацкихъ лодокъ, и изрѣдка изъ-за тучъ выказывались серебряные рога луны. „Много ли гостей прїѣзжаетъ къ графу?“ спросили мы у перевозившаго насъ матроса. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь: „теперь уже не то время; „послѣ смерти покойнаго императора, стало ихъ ѣздить на „половину менѣ“. Всемогущій временщикъ, предъ которымъ все изгибалось и трепетало, позналъ всю превратность мірскую; съ каждымъ днемъ рѣдѣлъ около него кругъ его льстецовъ, наперсниковъ и лицемѣрныхъ друзей. Sic transit gloria mundi!“

Первые два дня Свѣтлаго праздника, 18-го и 19-го апрѣля, баталіонъ провелъ въ Спасской-Полисті, большомъ яму, похожемъ на всѣ другіе ямы, расположенные на протяженіи С.-Петербургско-Московской дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся, иногда на двѣ и на три версты, единообразной деревенской постройки дома, многіе въ два этажа, но, за весьма малыми исключеніями, деревянные, даже не обшитые тесомъ, не окрашенные и стоящіе плотно одинъ къ

другому. Это единообразіе, почернѣлые срубы и крыши, при совершенномъ отсутствіи садовъ и всякой растительности, придаютъ нашимъ селамъ и деревнямъ какой-то мрачный и унылый видъ, производящій тяжелое, грустное впечатлѣніе. Между тѣмъ жители селеній по большой Московской дорогѣ, имѣютъ большіе заработки отъ почтовой гоньбы и содержанія постоянныхъ дворовъ для безконечныхъ обозовъ, день и ночь тянущихся между обѣими столицами. Ямщики и содержатели постоянныхъ дворовъ, несмотря на зажиточность свою, живутъ бѣдно и неопрятно, пропивая, по большей части, легко добываемыя ими деньги.

Съ выступленія изъ Петербурга, погода стояла ясная и теплая; солдаты шли бодро, весело и легко, по прекрасному, монументальному шоссе, первому въ Россіи, построеніемъ котораго императоръ Александръ I желалъ ознаменовать свое царствованіе. Колоссальные мосты чрезъ большія рѣки, пересѣкающія шоссе, и даже малые мосты на сводахъ, съ гранитными устоями и чугунными рѣшетками, самая ширина шоссейнаго полотна, красивыя казармы для дорожныхъ рабочихъ, все это слишкомъ даже великолѣпно для шоссеиной дороги. Много излишнихъ издержекъ можно бы было сберечь и сбереженные деньги употребить на постройку другихъ шоссеиныхъ дорогъ, въ которыхъ такъ нуждается Россія. Московское шоссе въ 1826 году было далеко еще не окончено постройкой; готовы были только участки отъ Петербурга до села Рахино, и отъ Москвы до Крестцовъ.

20-го апрѣля баталіонъ выступилъ изъ Спасской-Полиціи и яочсвалъ въ селѣ Подберезьи. Здѣсь ходили слухи, что въ военномъ поселеніи, въ десяти верстахъ отъ станціи, вспыхнуло возмущеніе въ трехъ поселенныхъ ротахъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, по причинѣ многихъ притѣсненій и жестокаго обращенія начальства съ поселенцами. Послѣдніе, во всѣхъ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, весьма озлоблены противъ основателя ихъ графа Аракчеева, которому, какъ они говорятъ, „теперь самому склизко,“ и хотятъ жаловаться прямо государю императору, когда онъ къ нимъ въ первый разъ пожалуетъ.

21-го апрѣля, множество бѣлѣющихъ вдали башень и колоколенъ, при яркомъ солнечномъ сіяніи, возвѣстили близость Новгорода, куда, послѣ продолжительнаго перехода, баталіонъ вступилъ въ 12 часовъ дня, съ музыкой и распущен-

нымъ знаменемъ. День былъ ясный и теплый, и почти все населеніе высыпало на улицы, смотрѣть на наше торжественное шествіе, продолжавшееся болѣе получаса, отъ одного конца города до другаго.

Великій Новгородъ, колыбель Русскаго государства, знаменитый въ исторіи своимъ могуществомъ и обширною торговлей, городъ, принадлежавшій къ Ганзейскому союзу, выславшій многочисленныя колоніи на сѣверъ, покорившій великую Біармію, большую часть Финляндіи и Ингріи, гордый своимъ богатствомъ, очагъ республиканской вольницы, представился намъ второстепеннымъ губернскимъ городомъ, бѣдно отстроеннымъ, худо вымощеннымъ и имѣвшимъ значеніе только тѣмъ, что служилъ центромъ управленія военныхъ поселеній, любимаго созданія графа Аракчеева. Лучшій домъ въ городѣ назывался Аракчеевымъ дворцомъ, и при немъ была офицерская гауптвахта. Величественный Волховъ, катящій чрезъ городъ свои быстрыя волны и бороздимый пароходами и товарными судами, есть единственное оживленіе Новгорода. Въ то время когда Новгородъ и Псковъ, часто соперничавшіе между собой, были могущественными и богатыми торговлей республиками, выбиравшими себѣ князей и такъ часто ихъ изгонявшими, сложилось народное сказаніе: *Душа на Волховъ, а сердце на Великой*.

Новгородскій кремль съ его знаменитымъ Софійскимъ соборомъ представляютъ почти единственные уцѣлѣвшіе отъ старины памятники. Соборъ, нѣсколько разъ возобновленный, не носитъ, впрочемъ, по наружности того отпечатка глубокой древности, которою отличается его внутренность. Онъ существуетъ около 900 лѣтъ, и въ немъ покоятся мощи многихъ святыхъ, въ томъ числѣ великаго князя Мстислава, основателя храма и Св. архіепископа Новгородскаго Іоанна. Между многими почернѣвшими иконами византийскаго стиля, нельзя было не обратить вниманія на картину прекрасной живописи, представляющую бѣгство Св. Семейства въ Египетъ и приписываемую кисти Рафаэля. Замѣчательнѣйшую древность въ соборѣ представляютъ знаменитыя Корсунскія ворота, вывезенныя Св. равноапостольнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ, просвѣтителемъ Россіи, изъ покореннаго имъ Корсуна или Херсонеса, коего развалины еще видны близъ Севастополя,

и подаренныя имъ собору. На нихъ изъ дутой мѣди грубой работы изображенія многихъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія.

Въ Новгородскомъ кремлѣ находятся: зданіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, монастырь, острогъ и нѣсколько другихъ общественныхъ строеній. Въ самомъ городѣ, кромѣ нѣсколькихъ бѣдныхъ, въ древне-византійскомъ вкусѣ построенныхъ церквей, нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ строеній. Развалины дома, будто бы принадлежавшаго Марѣ Боренкой, знаменитой посадницѣ Новгородской, кажутся мнѣ сомнительнаго происхожденія, судя по ихъ незначительному объему. Никто не могъ указать мнѣ въ какой части города находилось *любое мѣсто*, на которое гулъ *вечеваго колокола* сзывалъ гражданъ новгородскихъ, на совѣщанія о дѣлахъ *господина-Новгорода*, и откуда Марѣа-Посадница столь долгое время управляла народомъ новгородскимъ.

22-го апрѣля была назначена лейбъ-гвардейскому Саперному баталіону въ Новгородѣ дневка. Утромъ этого дня всѣ офицеры представлялись прибывшему изъ Петербурга, наканунѣ вечеромъ, недавно назначенному командующимъ баталіономъ полковнику Шильдеру. * Послѣ того, воспользовавшись прекраснымъ весеннимъ днемъ, я, съ двумя товарищами, отправился на лодкѣ, вверхъ по Волхову, въ Юрьевскій монастырь, отстоящій отъ города въ четырехъ верстахъ. Послѣ 1½ часоваго плаванія, по причинѣ противнаго теченія и неоднократнаго сидѣнія на мели, мы вышли на берегъ у прекраснаго зданія монастыря, содержамаго въ отличномъ порядкѣ. Въ самыхъ монастырскихъ воротахъ, со стороны рѣки, мы нашли архимандрита монастыря, знаменитаго отца Фотія, пользовавшагося дружбой и полнымъ довѣріемъ графа Аракчеева и особеннымъ расположеніемъ графини А. А. Орловой-Чесменской, внесшей въ монастырь огромные вклады и весьма его украсившей. Архимандритъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ рѣдкою русою бородкой, умнымъ выразительнымъ лицомъ и блестящими быстрыми глазами, былъ одѣтъ въ темнаго цвѣта тафтяную рясу, съ большою бархатною шапкой на головѣ. Онъ сидѣлъ въ

* Въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, скончавшійся въ 1854 году, въ званіи начальника инженерныхъ дѣйствующихей арміи, при осадѣ крѣп. Силистріи, вслѣдствіе отнятія у него правой ноги.

монастырскихъ воротахъ, на большихъ бархатомъ обитыхъ креслахъ и смотрѣлъ въ огромный телескопъ на Волховъ. Мы узнали потомъ, что телескопъ этотъ былъ подаренъ ему графиней Орловою, прїѣзда которой въ монастырь онъ ожидалъ въ этотъ же день. Поллѣ него лежала большая ньюфаундлендская собака, также даръ графини. Отецъ Фотій принялъ насъ очень привѣтливо и поручилъ одному изъ бывшихъ съ нимъ монаховъ показать намъ всѣ монастырскія достопримѣчательности. Насъ повели, прежде всего, въ новую, въ изыщномъ вкусѣ отдѣланную великолѣпную церковь, а оттуда въ богатую ризницу, устроенную большею частію на пожертвованныя графиней Орловою деньги; въ ней показывали намъ, впрочемъ, также многія вещи, пожертвованныя императоромъ Александромъ I и графомъ Аракчеевымъ. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась унизанная драгоцѣнными камнями архимандритская шапка, приношеніе графини, цѣнимая въ 200.000 руб. ассиг. Старую церковь показывалъ намъ самъ архимандритъ; она перестраивалась въ новѣйшемъ вкусѣ, и въ ней безпощадно уничтожали древнюю на стѣнахъ живопись и лѣнные украшенія. Существуетъ преданіе, что Свято-Юрьевскій монастырь находился нѣкогда въ центрѣ древняго Новгорода и что въ районѣ двѣнадцати верстъ существуютъ еще церкви, нынѣ деревенскія, но въ древности принадлежавшія къ городу. Не преувеличено ли это, хотя и извѣстно изъ исторіи, что господинъ Новгородъ занималъ огромное протяженіе? Полные думъ о прежнемъ величіи Новгорода и его паденіи, распростились мы съ архимандритомъ Юрьевского монастыря и возвратились, на утлой ладѣ своей, внизъ по Волхову, въ Новгородъ, посидѣвъ еще не одинъ разъ на его меляхъ. Вечеромъ посѣтили мы женскій монастырь Св. Духа, находящійся въ чертѣ города, и были очень радушно приняты настоятельницей, бывшею фрейлиной двора его величества, Шинкиною.

На другой день, выступилъ рано утромъ изъ Новгорода, баталіонъ сдѣлавъ очень утомительный переходъ, по только-что оконченному шоссе, посыпанному крупнымъ щебнемъ. Передъ Бронницкимъ ямомъ, гдѣ назначенъ былъ въ этотъ день ночлегъ, баталіонъ былъ перевезенъ, на огромныхъ пароммахъ, чрезъ судоходную рѣку Мсту. При яркомъ солнеч-

номъ свѣтѣ, переправа баталіона, одновременно съ артиллеріей, представляла весьма красивую военную картину.

26-го апрѣля, 30-ти верстный переходъ отъ станціи Зайцовой до города Крестцовъ, былъ очень тягостенъ, по причинѣ палящаго зноя и постоянного ожиданія проѣзда великаго князя Михаила Павловича и государыни императрицы Маріи Ѣвдоровны. Великій князь, ѣхавшій въ Вышний-Волочекъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ остановиться на нѣсколько дней, для осмотра московскаго гвардейскаго отряда, объѣхалъ баталіонъ, не доѣзжая семи верстъ до Крестцовъ, а императрица—у самого города. Вступивъ въ него съ церемоніей, баталіонъ прошелъ мимо ея величества церемоніальнымъ маршемъ, по-взводно, и былъ милостиво ею привѣтствуемъ; великій князь благодарилъ офицеровъ за отличный порядокъ, съ которымъ слѣдовали нѣ части баталіона. Вдовствующая императрица, отобѣдавъ въ Крестцахъ, отправилась по тракту на Веневъ, Тульской губерніи, для свиданія съ остановившеюся въ немъ, по болѣзни, невѣсткой своею, императрицей Елисаветою Алексѣевною, слѣдовавшею изъ Таганрога въ Петербургъ.

30-го апрѣля баталіонъ вступилъ въ Валдай, послѣ двухъ переходовъ по гористой, пересѣченной рѣчками, озерами, оврагами и лѣсами, мѣстности, изобилующей живописными видами, смѣнившими ту плоскую, единообразную, голую и болотистую равнину, по которой мы слѣдовали отъ самого Петербурга. Приходилось крайне сожалѣть о прекрасномъ шоссе, которое окончивалось близъ станціи Рахино, откуда баталіонъ слѣдовалъ далѣе уже по старой почтовой московской дорогѣ, часто вязнулъ въ глубокомъ сыпучемъ пескѣ, переходилъ вбродъ чрезъ довольно широкія рѣчки и тонулъ въ болотахъ или мягкой глинѣ. Полого поднимавшаяся мѣстность, по которой проходила большая дорога, составляла часть Алаунскихъ горъ или такъ-называемой Плоской-Возвышенности, изобилующей красивыми видами и ключами съ кристальною водою. Особенно живописно мѣстоположеніе около села Яжелбицъ и мельницы. Близъ послѣдней, въ глубокой долинѣ, быстрая рѣчка, образуемая множествомъ ручьевъ, текущихъ съ горъ, съ шумомъ и ревомъ стремясь по большимъ камнямъ, образуетъ множество каскадовъ и приводитъ въ движеніе колеса трехъ построенныхъ на ней мельницъ.

Городокъ Валдай живописно разбросанъ по пригоркамъ

и тянется на довольно большое протяженіе въ длину, до большаго и бурливаго Валдайскаго озера. Двѣ огромныя церкви старинной архитектуры возвышаютъ красивыя главы свои надъ низкими, окружающими ихъ, городскими строениями. Городъ наполненъ кузницами и обитаетъ, по преимуществу, ямщиками, кузнецами и литейщиками извѣстныхъ въ торговлѣ валдайскихъ колоколовъ и колокольчиковъ. Прекрасный полъ, бабы и дѣвки, занимаются печеніемъ и продажей знаменитыхъ валдайскихъ баранокъ или крендельковъ, довольно вкусныхъ. Лежащее подлѣ города озеро обильно снабжаетъ его прекрасною рыбой, а горныя рѣчки—отличными раками и форелью. Лежащій въ двухъ верстахъ отъ города ямъ Зимогорье славится своими приткими почтовыми лошадьми, не большими, но замѣчательно способными къ скачкѣ и почтовой гоньбѣ по крутымъ отрогамъ валдайскихъ горъ.

Отъ Валдая большая Московская дорога проходитъ по мѣстности менѣе гористой, по песчанымъ спускамъ Плоской Возвышенности, отчего, при сильной засухѣ и чрезмѣрномъ жарѣ, саперы, во время похода, почти задыхались отъ несносной пыли. Впрочемъ, погода имъ постоянно благопріятствовала, причемъ раннее наступленіе весны преждевременно пробудило природу отъ ея зимняго сна; поля и луга зелѣли, и листья на деревьяхъ распускались чрезвычайно быстро. При вступленіи въ Тверскую губернію, становилось замѣтнымъ большее благосостояніе жителей, смотрѣвшихъ веселѣе и ласковѣе Новгородцевъ. Между ними сохранялась весьма благоговѣйная, благодарная память объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и вообще они казались развитѣе и общезителнѣе своихъ угрюмыхъ сосѣдей.

5-го мая, баталіонъ вступилъ въ Вышній-Волочекъ, гдѣ, на большой площади, противъ соборной церкви, великій князь Михаилъ Павловичъ, послѣ встрѣчи, пропустилъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, по-взводно. Вечеромъ передъ домомъ занимаемымъ его высочествомъ играли хоры музыки лейбъ-гвардейскаго сапернаго баталіона и лейбъ-гвардейской 1-й артиллерійской бригады, въ присутствіи великаго князя, при собрании всѣхъ гвардейскихъ саперныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ и стеченіи многочисленнаго городского населенія. Въ 9 часовъ пробита была общая зоря.

На другой день, въ 10 часовъ утра, великій князь присут-

ствовалъ на разводѣ отъ лейбъ-гвардейскаго сапернаго баталіона, произведя ему передъ тѣмъ баталіонное ученіе. Какъ послѣднимъ, такъ и разводомъ, его высочество остался очень доволенъ. Послѣ обѣда осматривалъ я Вышній-Волочекъ, но ничего особенно замѣчательнаго въ немъ не нашелъ. Онъ совершенно купеческій городъ, ведетъ значительную торговлю, обширенъ, но весьма не изящно обстроенъ, и на немощенныхъ, по большей части, улицахъ его, грязь, кажется, никогда не высыхаетъ. Близъ него проходитъ Вышневолоцкій каналъ, на которомъ устроенъ, на концѣ города, шлюзъ, для удержанія воды и спуска барокъ, проходящихъ здѣсь въ большомъ числѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ тригольных щитовъ, замыкающихся крюкомъ; по снятіи послѣдняго, оба щита медленно расходятся и входятъ въ устроенныя для нихъ, въ набережной, мѣста. По просьбѣ моей, смотритель шлюза приказалъ отворить его, и вода, съ высоты почти сажени, съ ревомъ и пѣной низверглась внизъ, образуя огромные валы. Барки, во множествѣ ожидавшія прохода, не прежде стали спускаться въ каналъ, какъ когда вода, по обѣимъ сторонамъ шлюза, пришла въ уровень, безъ чего онѣ могли бы подвергнуться большой опасности. Вечеромъ была опять пробита, въ присутствіи великаго князя, общая зоря.

7-го мая, по приходѣ баталіона на ночлегъ въ село Выдра-пущъ, въ 6 часовъ вечера, фельдъегерь, прискакавшій на станцію, объявилъ, что великій князь, получивъ эстафету отъ вдовствующей императрицы, проѣдетъ того же дня въ Москву. Я былъ наряженъ въ почетный караулъ къ его высочеству и до поздней ночи ожидалъ его прибытія на станцію. Въ 10 часовъ вечера, начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, привезъ горестное извѣстіе о кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, послѣдовавшей въ Венеѣ, Императрица Марія Феодоровна, спѣшившая въ Венею къ больной невѣсткѣ своей, на пути получила извѣстіе о ея смерти и остановилась въ Москвѣ. Извѣстіе о кончинѣ императрицы очень опечалило насъ саперовъ, и конечно вся Россія раздѣляла эту скорбь, въ особенности же несчастные, облагодѣтельствованные покойною императрицей; а такихъ, какъ извѣстно, было немало. Когда великій князь прибылъ въ 2 часа ночи на станцію, дождь лилъ какъ изъ ведра, а порывистый вѣтеръ гасилъ факелы,

при свѣтѣ которыхъ перепрягали лошадей у экипажа великаго князя. Его высочество почивалъ, но былъ разбуженъ прибытіемъ эстафеты изъ Москвы, отъ супруги своей великой княгини Елены Павловны. Прочитавъ письмо при свѣтѣ поднесеннаго ему въ коляску фонаря, его высочество быстро помчался въ дальнѣйшій путь, а я, грустный, усталый и промокшій отъ дождя, возвратился въ свою сельскую квартиру.

10-го мая баталіонъ, вмѣстѣ съ артиллеріей, вступилъ въ Торжокъ, живописно раскинутый по берегу Тверцы и довольно высокимъ холмамъ, съ которыхъ открываются красивые виды на городскія строенія, многія древнія церкви и монастыри и на рѣку, покрытую барками. При вступленіи въ городъ, мы видѣли фланкерское ученіе Владимірскаго уланскаго полка, которое производилъ его необыкновенно тучный командиръ, полковникъ Дохтуровъ,* и встрѣтили въ большомъ числѣ жителей Торжка, въ ихъ оригинальномъ костюмѣ, съ высокими головными уборами и длинными вуалями. Строенія въ городѣ, по большей части, каменные, со множествомъ лавокъ, въ которыхъ продаются разныя сафьянныя вещи, шитыя золотомъ и серебромъ и составляющія главнѣйшую вѣтвь промышленности Торжка. Вечеромъ, при отличной погодѣ, саперная музыка играла на городской площади, при многочисленномъ стеченіи жителей, а нѣкоторые саперные и артиллерійскіе офицеры, послѣ катанья на лодкахъ по красивой Тверцѣ, ужинали въ знаменитой по всему московскому тракту гостиницѣ Пожарскаго, славившейся своими котлетами изъ дыплятъ.

11-го мая баталіонъ имѣлъ ночлегъ въ селѣ Петровъ-боръ, принадлежавшемъ статсъ-дамѣ, Е. П. Глѣбовой-Стрѣшневой, весьма рѣдко посѣщавшей это имѣніе. Большой каменный, двухъ-этажный, помѣщичій домъ, окруженный прекраснымъ паркомъ и многочисленными службами, былъ и на этотъ разъ необитаемъ, и въ немъ была отведена квартира нашему командующему баталіономъ полковнику Шильдеру. Саперная музыка играла сперва въ саду, а потомъ въ самомъ помѣщичьемъ домѣ, на хорахъ огромной его залы. Къ вечеру пріѣхали многіе гвардейскіе артиллерійскіе офицеры, коихъ совмѣстный походъ изъ

* Въ послѣдствіи генералъ отъ кавалеріи и сенаторъ, окончилъ въ Петербургѣ въ 1865 году.

тербурга очень сдружилъ съ саперами. Въ числѣ ихъ были почтенный, сѣдовласый командиръ 1-й гвардейской артиллерійской бригады и начальникъ нашего эскалона, флигель-адъютантъ полковникъ А. В. Нестеровскій, полковникъ Апрѣлевъ, штабсъ-капитанъ Филосовъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи), подпоручики Безакъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, командующій войсками Кіевского военного округа), Булыгинъ и другіе. Мы провели вечеръ очень пріятно, и только далеко за полночь разѣхались по своимъ квартирамъ, по окрестнымъ деревнямъ.

14-го мая баталіонъ, вступая въ Тверь, былъ встрѣченъ начальникомъ пѣхоты московскаго отряда, генералъ-лейтенантомъ Демидовымъ, и проходилъ мимо его церемоніальнымъ маршемъ, при большомъ стеченіи городскихъ жителей. Вечеромъ, на площади, передъ гостинымъ дворомъ, играла музыка, а потомъ пробита была общая зоря съ церемоніей. Городъ Тверь, одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ, отличался своимъ оживленіемъ, красивыми каменными строеніями, многими магазинами, лавками и чистотой улицъ, изъ коихъ Милліонная застроена сплошными каменными домами. На другой день утромъ, послѣ баталіоннаго ученія, саперные офицеры отправились въ соборъ, гдѣ была отслужена ими панихида по покойной государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, что привлекло въ соборъ большое стеченіе народа. Всѣ присутствовавшіе, съ искреннимъ чувствомъ любви и преданности, горячо молились за упокой души благочестивѣйшей и добродѣтельнѣйшей государыни своей.

Изящной архитектуры городской соборъ поражаетъ внутреннимъ своимъ велелѣпіемъ. Недалеко отъ него, на берегу Волги, у Твери еще не весьма значительной, хотя уже судоходной рѣки, построено небольшой, но красиво отдѣланный дворецъ; въ которомъ жила, въ 1812 году, великая княгиня Екатерина Павловна, супруга принца Петра Ольденбургскаго, бывшаго генералъ-губернатора Тверской, Ярославской и Новгородской губерній и главнаго начальника корпуса путей сообщенія.

Вечеромъ, при отличной погодѣ и совершенномъ затишьѣ, многіе изъ саперныхъ офицеровъ, на большомъ катерѣ, съ музыкой, нѣсколько часовъ сряду катались по Волгѣ, усаженной барками и ладьями, и спускаясь по теченію, хоромъ пѣли извѣстную народную пѣсню: „Внизъ по матушкѣ, по

Волгѣ, по широкому раздолью.“ Только послѣ волшебнаго заката солнца возвратились они въ городъ, который, съ большимъ сожалѣніемъ, оставили на другой день, рано утромъ: такъ онъ намъ понравился послѣ трехъ-недѣльнаго единообразнаго и утомительнаго похода отъ Петербурга.

21-го мая, въ полдень, при палющемъ солнечномъ зноѣ, баталіонъ прослѣдовалъ, не останавливаясь, чрезъ ничтожный городокъ Клинь, Московской губерніи. Отъ него баталіонъ опять слѣдовалъ, вплоть до Москвы, по великолѣпному московскому шоссе, постройкой котораго заняты были двѣ армейскія дивизіи. Последнюю дневку баталіонъ имѣлъ, 24-го мая, въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Захаркино, принадлежащемъ графу Шереметеву. Съ весьма понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали саперы слѣдующаго дня, для вступленія въ бѣлокаменную Москву, сердце Россіи и мать всѣхъ городовъ русскихъ, къ которой стремились наши общія желанія и гдѣ долженъ былъ, въ скоромъ времени, совершиться обрядъ коронованія ихъ величествъ.

Наконецъ, 25-го мая, подойдя въ шесть часовъ утра къ селу Всесвятскому, баталіонъ радостно привѣтствовалъ блестяшіе вдали золотые куполы и колокольни первопрестольной столицы Россіи. Послѣ небольшого привала, слѣдуя далѣе по шоссе, баталіонъ прошелъ мимо оригинальной полу-мавританской архитектуры Петровскаго дворца, сожженнаго въ 1812 году Наполеономъ и вновь отдѣлывавшагося для пребыванія въ немъ государя императора, и былъ остановленъ, не доходя Тверской заставы, въ ожиданіи прибытія великаго князя Михаила Павловича. Множество экипажей, запряженныхъ четверками лошадей цугомъ и въ рядъ, наполненные дамами и дѣтьми, выѣхали на встрѣчу баталіону, и съ живымъ любопытствомъ посматривали на гвардейцевъ огромныя толпы народа, валившія изъ города, чрезъ Тверскую заставу. Черезъ два часа пріѣхалъ великій князь, окруженный блестящею свитой, и пропустивъ мимо себя, уже въ чертѣ города, баталіонъ, приказалъ ему слѣдовать въ отведенныя для его помѣщенія Покровскія казармы. Въ палачій жаръ, при огромномъ стеченіи народа, 1-й взводъ роты его величества, въ замкѣ котораго я находился, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, прослѣдовалъ по Тверской улицѣ, мимо часовни Иверской Божіей Матери, памят-

ника гражданину Минину и князю Пожарскому, и чрезъ Спасскія ворота вошелъ въ величественный историческій Кремль. Великій князь, отъ самой Тверской заставы до дворца, слѣдовалъ при взводѣ и при себѣ отпустилъ его въ казармы. Саперы были чрезвычайно рады окончанію 46-ти дневнаго похода своего, изъ Петербурга въ Москву, въ продолженіе котораго они прошли 727½ верстъ, за исключеніемъ 300 верстъ готоваго прекраснаго шоссе, по песчаной и гористой, мѣстами тонкой дорогѣ, тогда какъ нынѣ, благодаря желѣзной дорогѣ, войска перевозятся изъ Петербурга въ Москву въ однѣ сутки.

На другой день, подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня наканунѣ оригинальнымъ видомъ Москвы, отправился я осматривать достопримѣчательности нашей древней столицы и, прежде всего, величественный Кремль. Все утро было посвящено мною его осмотру; на каждомъ шагѣ представлялось столько замѣчательнаго, связаннаго съ исторіей Россіи, что трудно было, при одномъ бѣгломъ обзорѣ, отдать себѣ ясный отчетъ во всемъ видѣнномъ и прочувствованномъ. Послѣ молодаго красавца Петербурга, съ благоговѣніемъ и дѣтскимъ влеченіемъ знакомиться со старушкой Москвою, заключающей въ себѣ такъ много говорящаго русскому сердцу. Древніе кремлевскіе соборы, въ которыхъ вѣнчаются на царство и прежде погребались цари русскіе, Чудовъ монастырь, колокольня Ивана Великаго, Грановитая и Оружейная палаты, красное крыльцо, царь-колоколъ, царь-пушка, все это историческое и царственное достояніе Москвы, въ высшей степени интересуется и приковываетъ къ себѣ посетителя и наполняетъ его глубокими думами о прошедшихъ судьбахъ Россіи, ведомой самимъ Провидѣніемъ къ великой, еще смутно понимаемой, цѣли. Я далъ себѣ слово не одинъ разъ еще возвращаться въ Кремль въ продолженіи пребыванія моего въ Москвѣ, чтобы въ подробности изучить его историческіе памятники и усвоить себѣ полное понятіе о этой древней твердынѣ, ядрѣ или сердцѣ Москвы, какъ она сама безспорно составляла и составляетъ ядро или сердце Россійскаго государства. Поднявшись на колокольню Ивана Великаго, я, при ясной и тихой погодѣ, не могъ довольно налюбоваться прелестнымъ видомъ, открывающимся съ нея на городъ, въ особенности же на Замоскворѣчье. Это множество ку-

половъ и колоколенъ своеобразной, но не лишенной оригинальной красоты, архитектуры, возвышавшихся между бѣлокаменными домами, съ красными и зелеными крышами, окаймляющими широкія улицы и узкіе, взаимно перестѣкающіеся, переулки, представляютъ очаровательное зрѣлище, отъ котораго трудно оторвать взоры. Зубчатая каменная стѣны, съ красивыми сторожевыми башнями, опоясываютъ командующую надъ городомъ возвышенность, на которой построены кремлевскія зданія, и составляютъ родъ цитадели, называвшейся въ древности дѣтинцемъ и бывшей свидѣтельницей столькихъ великихъ историческихъ происшествій, имѣвшихъ важное вліяніе на судьбу Россіи. Съ южной стороны, Кремль опоясанъ Москвою-рѣкою, къ сожалѣнію, не соответствующею грандіозности этой монументальной твердыни и вообще не служащею украшеніемъ такому великолѣпному городу, какова древняя столица Россіи. Между прекрасными гранитными набережными, противъ Кремля, въ узкомъ извилистомъ руслѣ, катитъ свои мутныя воды Москва-рѣка и теряетъ всякое значеніе, если вспомнить о величественной, быстрой рѣкѣ, составляющей гордость и красу новой столицы Россійскаго государства, созданной мощною десницею великаго Петра. Восхищенный всѣмъ видѣннымъ мною въ Кремлѣ, я въ этотъ день уже ничего болѣе не осматривалъ въ Москвѣ, которой онъ служить лучшимъ украшеніемъ.

27-го мая происходило годовое народное гулянье въ прекрасномъ Головинскомъ саду, похожее на гулянье въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ, въ Духовъ день. Публики на немъ было очень много; пестрыя толпы тѣснились по широкимъ, тѣнистымъ аллеямъ сада, разбитаго въ старомъ французскомъ вкусѣ, но фашіонабельнаго свѣтскаго общества въ немъ не было видно. Оно собиралось ежедневно, по вечерамъ, на прекрасномъ Тверскомъ бульварѣ, украшенномъ цвѣточными клумбами и двумя фонтанами, гдѣ каждый вечеръ игралъ хоръ военной музыки.

Жизнь въ Москвѣ, по приходѣ нашемъ, текла довольно одинообразно, не представляя никакихъ особенныхъ развлеченій и удовольствій. Общая горестъ и уныніе, царствовавшія въ Москвѣ послѣ кончины императора Александра I, смѣнились глубокимъ сожалѣніемъ о кончинѣ его добродѣтельной супруги. День коронованія былъ отложенъ на неопредѣленное время. Это побудило московскую выс-

шую аристократію и дворянство разѣхаться преждевременно по своимъ деревнямъ, а другихъ ея болѣе зажиточныхъ жителей переселиться изъ города на дачи, такъ что Москва представляла замѣтное опустѣніе. Погода стояла отличная, даже слишкомъ теплая. Москва, опоясанная бульварами, со множествомъ прекрасныхъ общественныхъ и частныхъ садовъ, зеленѣла, цвѣла и манила гулять и пользоваться ея здоровымъ воздухомъ.

Если наружный видъ московскихъ улицъ представлялъ столько привлекательнаго, то устройство ея мостовыхъ и тротуаровъ стояло еще на весьма низкой ступени. Худо мощенныя огромными булыжными камнями улицы заставляли выносить своего рода пытку при ѣздѣ въ экипажахъ, въ особенности на чудовищныхъ извозничьихъ дрожкахъ. Такъ называемые калибры и гитары, на которыя ѣздоки должны садиться верхомъ, представляли верхъ безобразія. Тротуары для пѣшеходовъ, устроенные изъ ребромъ положенныхъ кирпичей, вообще слишкомъ узки и содержались весьма небрежно. Присоединивъ къ жалкому состоянію московскихъ мостовыхъ и тротуаровъ еще жалчайшее масляное освѣщеніе улицъ, можно получить не весьма выгодное понятіе о Москвѣ, какъ большой европейской столицѣ, и эти недостатки еще болѣе чувствовались по причинѣ большихъ разстояній между ея частями. „Дистанція огромнаго размѣра,“ говоритъ Скалозубъ въ комедіи Грибоѣдова.

Къ 1-му іюня весь сводный гвардейскій отрядъ былъ уже собранъ въ Москвѣ и расположенъ: пѣхота въ Спасскихъ, Покровскихъ и Хамовническихъ казармахъ, кромѣ баталіоновъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Егерскаго полковъ, размѣщенныхъ по обывательскимъ квартирамъ, въ Пречистенской и Срѣтенской частяхъ; кавалерія по деревнямъ въ окрестностяхъ города, за исключеніемъ своднаго гвардейскаго кирасирскаго полка, расположеннаго въ Москвѣ на обывательскихъ квартирахъ; артиллерія, — пѣшія роты также въ Москвѣ, въ Бутырской слободѣ и близъ Міюзской заставы, а конныя батареи по квартирамъ у Прѣсенской заставы.

6-го іюня происходило большое народное гуданье, пѣшкомъ и въ экипажахъ, въ Марьиной-рощѣ, похожее на Екатерингофское въ Петербургѣ и не болѣе послѣдняго пріятное. Пѣшеходы вязли въ сыпучемъ песку аллеи или скорѣе

простѣкъ рощи, а сновавшіе по нимъ экипажи поднимали столбы густой, мелкой пыли.

12-го іюня проіехало въ Успенскомъ соборѣ, въ Кремлѣ, крещеніе родившейся въ Москвѣ великой княжны Елизаветы Михайловны, при огромномъ стеченіи народныхъ массъ, радостно пріѣтствовавшихъ вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну, при проѣздѣ ея въ соборъ. Ея величество жила за городомъ, на дачѣ графа Апраксина, въ недалекомъ разстояніи отъ Петровскаго дворца, въ которомъ должны были остановиться императоръ и императрица, по прибытіи своемъ изъ Петербурга, а ихъ высочества великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна занимали генералъ-губернаторскій домъ. О днѣ священнаго коронованія ходили въ Москвѣ разнорѣчивые слухи; но болѣе полагали, что оно произойдетъ 6-го августа.

Жизнь въ Москвѣ продолжала быть единообразною и безцвѣтною. Великій князь дѣлалъ ежедневно гвардейскимъ частямъ разводы съ церемоніей на Кремлевской площади и смотры на Сокольничьемъ полѣ, довольно отдаленномъ отъ квартирнаго расположенія войскъ. Единственнымъ развлеченіемъ гвардейцевъ, при совершенномъ отсутствіи общественной жизни и недостаткѣ знакомствъ въ опустѣлой Москвѣ, былъ осмотръ ея достопримѣчательностей, церквей и монастырей и прогулки по ея живописнымъ окрестностямъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны и привлекательны загородные замки: Куццово, Нарышкина, и графа Шереметева: Останкино и Кусково. Послѣднее—съ прекрасною картинною галлереей, въ которой много произведеній знаменитѣйшихъ италіянскихъ живописцевъ; историческія села: Коломенское и Измайлово, родовая усадьба Романовыхъ; монастыри: 1) Донской, основанный въ 1591 году, царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, въ память побѣды одержанной на этомъ мѣстѣ надъ крымскимъ ханомъ. Названіе Донскаго монастырь получилъ отъ находящагося въ немъ образа Пресвятыя Богородицы Донскія, поднесеннаго великому князю Дмитрію Іоанновичу, предъ Куликовскою битвой. 2) Симоновъ монастырь, построенный въ XIV столѣтіи, съ нѣсколькими древними церквами и въ нихъ могилами иноковъ: Осыаби и Пересвѣта, сподвижниковъ Дмитрія Донскаго въ Куликовской битвѣ, и многихъ знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Близъ

монастыря находится Лизинъ-прудъ, прославленный по-
вѣстью Карамзина, и у котораго одинъ разъ въ году про-
исходитъ народное гулянье. 3) Поводѣвичій монастырь, на-
ходящійся на концѣ поля, называемаго Дѣвичьемъ, и постро-
енный въ началѣ XVI столѣтія, въ величественномъ и изящ-
номъ стилѣ.

При посвященіи этого замѣчательнаго монастыря, я и двое
товарищей моихъ были весьма ласково приняты настоятель-
ницей его, Якушкиной, весьма почтенною и высокообразо-
ванною женщиною, изъ хорошей дворянской фамиліи. Она
занимала кельи царевны Софіи Алексѣевны, сестры царей
Іоанна и Петра Алексѣевичей и нѣкоторое время ихъ со-
правительницы. Настоятельница показала намъ въ своей
квартирѣ окно, откуда царевна, во время своего заточ-
ченія, должна была, по приказанію суроваго брата своего,
смотрѣть на казнь возмущенныхъ ею стрѣльцовъ. Между
тѣмъ заблаговѣстивъ къ вечернѣ, и мы послѣдовали за по-
чтенною настоятельницей въ церковь, для присутствованія
при вечернемъ богослуженіи. Таинственный полумракъ въ
прекрасной и богатой церкви, а также стройное пѣніе ино-
кинь возбуждали благоговѣйныя чувства и возвышали духъ
присутствовавшихъ. По окончаніи богослуженія намъ пока-
зали въ церкви могилы царевны Софіи, въ инокиняхъ Су-
санны, скончавшейся въ 1704 году, и царицы Евдокіи Тео-
доровны, урожденной Лопухиной, первой супруги императора
Петра Великаго, скончавшейся въ 1731 году. На Дѣвичьемъ
полѣ должно было, во время коронаціи, происходить народ-
ное празднество, для чего уже были почти окончены по-
стройкой изящные павильоны и галереи для зрителей.

24-го іюня происходило большое гулянье на Прѣсенскихъ
прудахъ, находящихся въ чертѣ города, близъ Прѣсенской
заставы, и окруженныхъ прекрасно разбитымъ садомъ или
скорѣе паркомъ. На мѣстѣ теперешнихъ прудовъ въ ста-
рину протекала рѣчка Прѣся, на берегу которой царь Ми-
хаилъ Теодоровичъ встрѣчалъ родителя своего Филарета
Никитича Романова, при возвращеніи его изъ Литвы.

25-го іюня, день рожденія государя императора, офицеры
лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, лейбъ-гвардіи конно-піо-
нернаго эскадрона и двухъ ротъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго
полка, квартировавшихъ въ Покровскихъ казармахъ, согла-
сились между собою отпраздновать блистательнымъ освѣще-

ніемъ этихъ казармъ. Вѣсть объ этомъ разнеслась по Москвѣ, и вечеромъ около нихъ произошло импровизованное гулянье. Огромныя массы народа стеклись со всѣхъ сторонъ, такъ что для содержанія порядка нужно было выставить цѣль часовыхъ; явилась полиція, и экипажи, наполненные дамами, въ нѣсколько рядовъ, проѣзжали мимо казармъ, которыя, залитыя блестящимъ огнемъ иллюминаціи, съ большимъ вензелевымъ изображеніемъ государя, дѣйствительно представляли прекрасный видъ. Два хора музыки: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, и хоры пѣсенниковъ придавали оживленіе военному празднику, кончившемуся далеко за-полночь.

Въ первой половинѣ іюля продолжались въ Москвѣ чрезвычайно томительныя жары, и частыя и сильныя грозы сопровождались проливными дождями. Днемъ тяжело было какъ ходить такъ и ѣздить по городу; для избѣжанія сильнаго дневнаго зноя баталіонъ выступалъ изъ казармъ для ученій на Сокольничье поле въ 2 часа по полуночи и возвращался къ 7-ми или 8-ми. Только къ вечеру становилось нѣсколько прохладнѣе; Тверской бульваръ, а отчасти и Кремлевскій садъ, разведенный вдоль сѣверной кремлевской стѣны, на мѣстѣ оврага, засыпаннаго въ 1819 году, въ которомъ протекала прежде рѣчка Неглинная, наполнялись отборною московскою публикой и гвардейскими офицерами, и при звукахъ военной музыки, гулянье оканчивалось обыкновенно довольно поздно.

Къ 15-му іюля прибыли въ Москву слѣдующія войска: 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи, со 2-ю и 3-ю гренадерскими артиллерійскими бригадами, 3-я сводная бригада 5-го пѣхотнаго корпуса, 13-я, 14-я и 15-я артиллерійскія бригады и 1-я уланская дивизія, съ состоящею при ней конно-артиллерійскою бригадой. Войска эти, выѣстъ со своднымъ гвардейскимъ отрядомъ, составили сводный гвардейскій и гренадерскій корпусъ, командованіе которымъ, по высочайшему повелѣнію, возложено было на командира 5-го пѣхотнаго корпуса генерала отъ инфантеріи графа П. А. Толстаго. Начальникомъ штаба этого корпуса назначенъ былъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ 2-й; оберъ-квартирмейстеромъ — оберъ-квартирмейстеръ того же корпуса, флигель-адъютантъ полковникъ князь Голицынъ. Гренадерскія дивизіи, съ ихъ артиллеріей, стали

лагеремъ по обѣимъ сторонамъ рѣчки Ходынки. Сводная дивизія 5-го пѣхотнаго корпуса, съ ея артиллеріей—также лагеремъ предъ селомъ Хорошевымъ, правымъ флангомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на Звенигородской дорогѣ. 1-я уланская, съ ея артиллеріей—по деревнямъ въ окрестностяхъ города.

Чтобы насладиться прекраснымъ панорамическимъ видомъ, à vol d'oiseau, Москвы, я нѣсколько разъ ѣздилъ на Воробьевы горы, въ свободное отъ службы время. Здѣсь императоръ Александръ предполагалъ выстроить исполнскихъ размѣровъ храмъ Спасителя, въ память освобожденія Россіи и Москвы, въ 1812 году, отъ нашествія непріятелей, по проекту гениальнаго архитектора Витберга. Императоръ Николай, по вступленіи на престолъ, отмѣнилъ постройку этого храма на Воробьевыхъ горахъ, по причинѣ громаднхъ суммъ, которыя, по смѣтѣ, пришлось бы израсходовать на его построеніе, и выбралъ для него другое мѣсто. Одна планировка горы, на которой было предположено построить этотъ храмъ, стоила огромныхъ суммъ, и на ней показываютъ площадку, гдѣ стояли, при торжественномъ заложеніи храма, въ 1817 году, императоръ Александръ I и король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III.

18-го іюля великій князь наслѣдникъ и великія княжны Марія и Ольга Николаевны, послѣ девяти-дневнаго путешествія, въ 6 часовъ пополудни, прибыли благополучно въ Петровскій дворецъ. Вдовствующая императрица Марія Феодоровна выѣхала къ нимъ на встрѣчу за нѣсколько верстъ отъ дворца.

21-го іюля ихъ императорскія величества, въ 3 часа пополудни, прибыли въ Петровскій дворецъ, въ сопровожденіи принца Карла Прусскаго, и были встрѣчены придворнымъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и святою водою. Пріѣздъ во дворецъ, во время высочайшаго въ немъ пребыванія, разрѣшенъ былъ только тѣмъ особамъ, кои, по должности или особому приказанію, обязаны тамъ находиться.

22-го іюля, въ день тезоименитства Маріи Феодоровны, всѣ гвардейскіе генералы, штабъ- и оберъ-офицеры принесли поздравленія ея величеству въ занимаемомъ ею загородномъ домѣ. Здѣсь милостиво привѣтствовалъ насъ и государь, котораго мы не видали четыре мѣсяца. Онъ, казалось, пользовался отличнымъ здоровьемъ, но императрица была очень блѣдна и имѣла болѣзненный видъ. Вечеромъ

городъ былъ прекрасно иллюминованъ, а также и Тверской бульваръ, на которомъ было множество гулявшихъ, и между ними не мало иностранцевъ, ежедневно стекавшихся въ Москву для присутствованія при коронаціи, которой ожидали между 20-мъ и 30-мъ числами августа.

25-го іюля происходилъ торжественный въѣздъ государя и императрицы въ Москву, по слѣдующему церемоніалу:

1. Своднаго гвардейскаго кирасирскаго полка 3-й дивизіонъ.

2. Высшее дворянство верхами, по два въ рядъ, въ губернскихъ мундирахъ.

3. Камеръ-фурьеръ верхомъ, за нимъ 6 придворныхъ лакеевъ, 6 камеръ-лакеевъ и 6 скороходовъ, всѣ по два въ рядъ, въ парадной ливреѣ.

4. Открытая придворная коляска, и въ ней два церемоніймейстера съ жезлами.

5. Оберъ-церемоніймейстеръ, также въ коляскѣ.

6. Камеръ-юнкеры верхами.

7. Камергеры верхами.

8. Вторые чины двора; за ними высшіе придворные чины, въ четырехъмѣстныхъ придворныхъ каретахъ.

9. Члены государственнаго совѣта, также въ четырехъмѣстныхъ каретахъ.

10. Два гофъ-маршала, въ открытой коляскѣ, съ жезлами.

11. Своднаго гвардейскаго кирасирскаго полка 2-й дивизіонъ.

12. Его императорское величество верхомъ, имѣя подлѣ себя великаго князя Михаила Павловича. За его величествомъ ѣхали, также верхами, ихъ королевскія высочества принцъ Карлъ Прусскій и герцогъ Александръ Виртембергскій. За ними шталмейстеръ, управляющій придворною конюшенною частію, дежурные генералъ- и флигель-адъютанты и вся свита.

13. Ея императорское величество государыня императрица Марія Ѳеодоровна, въ парадной каретѣ, заложенной восемью лошадьми; у каждой лошади по конюшенному служителю, подлѣ кареты оберъ-шталмейстеръ; на ремняхъ 4 пажа; по сторонамъ два камеръ-гусара и два камеръ-казака въ парадномъ одѣяніи; позади кареты 6 камеръ-пажей.

14. Ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна въ каретѣ, заложенной восемью лошадьми; у каждой по конюшенному служителю; подлѣ кареты шталмейстеръ графъ Моденъ; на ремняхъ 4 пажа; по

сторонамъ кареты 4 камеръ-казака; позади кареты 6 камеръ-пажей верхами.

15. Ея императорское высочество государыня великая княгиня Елена Павловна въ каретѣ, заложеной шестью лошадьми цугомъ; у кареты двора ея высочества шталмейстеръ; на ремняхъ два пажа; по сторонамъ кареты 4 придворные лакея; позади ея 2 камеръ-пажа верхами.

16. Своднаго гвардейскаго кирасирскаго полка 1-й дивизионъ.

17. Придворная карета цугомъ, въ которой сидѣла ея свѣтлость принцесса Виртембергская Марія и гофмейстераина двора ихъ императорскихъ величествъ.

18. Дворцовые экипажи для статсъ-дамъ, камеръ-фрейлинь и фрейлинь.

19. Шестіе замыкалъ гвардейскій гусарскій дивизионъ; 12 почталіоновъ, съ однимъ чиновникомъ, верхами; затѣмъ дорожные экипажи его императорскаго величества и императорской фамиліи; за ними 6 почталіоновъ верхами.

Въ этотъ день, по сигналу, поданному девятью выстрѣлами изъ поставленныхъ противу Чудоваго монастыря пушекъ, въ 9 часовъ утра, начался благовѣстъ отъ большаго Успенскаго собора, и всѣ войска построились на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Гвардейская пѣхота была поставлена въ Кремлѣ и на Красной площади; гренадерскія дивизіи отъ Иверскихъ воротъ до Триумфальныхъ; отъ послѣднихъ до Тверской заставы сводная дивизія 5-го пѣхотнаго корпуса; отъ заставы къ Петровскому дворцу 13-я и 14-я артиллерійскія бригады, гвардейская легкая кавалерія, 1-я уланская дивизія; наконецъ, у Петровскаго дворца, сводный гвардейскій кирасирскій полкъ и дивизионъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, участвовавшіе въ процессіи.

Всего въ строю было 48.000 человекъ и 168 орудій.

При вѣздѣ государя императора въ Москву произведенъ былъ 71 выстрѣлъ изъ орудій.

Государь былъ встрѣченъ у самаго вѣзда въ городъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, съ чинами его управленія; у вѣзда въ Земляной городъ—гороδοкою думой и магистратомъ; у Бѣлаго города—губернскимъ предводителемъ съ дворянствомъ; у Воскресенскихъ воротъ—московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ чинами присутственныхъ мѣстъ.

У этихъ послѣднихъ воротъ ихъ императорскія величества и ихъ императорскія высочества изволили остановиться, для поклоненія образу Иверской Богоматери.

У Спасскихъ воротъ, при въѣздѣ въ Кремль, государь былъ встрѣченъ московскимъ комендантомъ, съ чинами его управленія. У Успенскаго собора, правительствующимъ сенаторомъ.

На улицахъ, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, дома были убраны разными эмблематическими украшеніями. Огромныя массы народа восторженно встрѣчали государя; при церквяхъ, духовенство выходило со святыми иконами и со крестами.

Святѣйшій синодъ и духовенство, по совершеніи, въ Успенскомъ соборѣ, благодарственнаго молебствія, встрѣтили государя императора съ крестами и святою водою и предшествовали ему, съ пѣніемъ придворныхъ пѣвчихъ, въ соборъ, у котораго ожидали его прибытія обоюдо пола знатныя русскія и иностранныя особы.

При вступленіи въ соборъ произведено было 85 выстрѣловъ изъ орудій. Минута была торжественная. Необозримыя волны народнои толпы колыхались и запружали всѣ площади и улицы Кремля; на высокихъ амфитеатрахъ, выстроенныхъ противъ Грановитой палаты и Успенскаго собора, пестрѣли разнообразныя и изящныя туалеты дамъ, русскіе и иностранныя военныя и гражданскіе мундиры и народныя костюмы. Радостныя крики „ура!“ слились въ одинъ оглушительный гулъ съ пушечными выстрѣлами, колокольнымъ звономъ со всѣхъ кремлевскихъ соборовъ и церквей, грохотомъ барабановъ и звуками нѣсколькихъ хоровъ военной музыки. Особенно громко гудѣлъ громадный колоколъ колокольни Ивана Великаго, унизанной снизу доверху, народомъ.

Приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ святымъ иконамъ и мощамъ, государь императоръ шествовалъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ также приложился къ иконамъ и мощамъ, а затѣмъ продолжалъ шествіе, тѣмъ же порядкомъ, въ Кремлевскій дворецъ, при входѣ въ который, былъ встрѣченъ сперва придворнымъ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою, а потомъ верховнымъ маршаломъ, съ чиновниками комиссіи, съ хлѣбомъ и солью. Предшествовавшія государю особы остановились у крыльца, и въ это время, произведенъ былъ 101 выстрѣлъ изъ орудій.

Во весь день торжественнаго въѣзда государя императора въ Москву, происходилъ звонъ колоколовъ ея многочисленныхъ соборовъ и церквей. Народъ толпился въ Кремлѣ до 8 часовъ вечера, когда государь съ императрицей Александрою Теодоровной изъ Кремлевскаго дворца перѣхалъ на жительство въ Николаевскій дворецъ, находящійся подлѣ Чудова монастыря и болѣе извѣстный подъ именемъ архіерейскаго дома. Дворецъ этотъ ихъ величества занимали довольно долгое время въ 1817 году, послѣ ихъ бракосочетанія, и въ немъ, на счастье Россіи, 17-го апрѣля 1818 года, родился великій князь Александръ Николаевичъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ всея Россіи и ея благословенный освободитель. Вечеромъ городъ былъ блистательно иллюминированъ.

На другой день, 26-го іюля, былъ разводъ съ церемоніей, на Кремлевской площади, отъ 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ присутствіи государя, великихъ князей, принцевъ, всѣхъ военныхъ чиновъ, находившихся въ Москвѣ, и при стеченіи многочисленной толпы народа, встрѣчавшаго и провожавшаго государя восторженными криками „ура!“ Великій князь наслѣдникъ присутствовалъ на разводѣ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, коего онъ былъ шефомъ, и всѣ любовались его миловидностью и граціей.

27-го іюля, въ 1 часъ пополудни, знатное духовенство приносило въ Кремлевскомъ дворцѣ поздравленія, по случаю благополучнаго пріѣзда ихъ величествъ въ Москву.

30-го іюля происходилъ высочайшій смотръ войскамъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса, на Ходынскомъ полѣ. Войска были выстроены въ шесть линій, фронтомъ къ большой Петербургской дорогѣ, правымъ флангомъ противъ Петровскаго дворца: въ трехъ первыхъ линіяхъ пѣхота; въ 4-й—вся пѣшая артиллерія; въ 5-й и 6-й—кавалерія съ ея артиллеріей. Въ строю было: баталіоновъ 51, эскадроновъ 33, конныхъ батарей и артиллерійскихъ ротъ 21; лошадей стросовыхъ 5.910, артиллерійскихъ 1.392; орудій конной и пѣшей артиллеріи 168; конно-піонерныхъ понтоновъ 4. Всѣхъ чиновъ воинскихъ находилось на парадѣ 52.700 человекъ.

Утро было прекрасное, ясное и теплое. Почти все населеніе Москвы высыпало изъ города на Ходынское поле, которое было усыяло народомъ и экипажами. Государь при-

былъ къ войскамъ въ 8 часовъ утра, и по отданіи чести, былъ встрѣченъ ими радостными криками „ура!“ Обскакавъ всѣ линіи, государь изволилъ остановиться противъ Петровскаго дворца, послѣ чего войска проходили мимо его величества церемоніальнымъ маршемъ, пѣхота—по-взводно и по-баталіонно; кавалерія—по-эскадронно, шагомъ и рысью; артиллерія—по-дивизіонно. Государь великій князь наслѣдникъ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, ко-его былъ онъ шефъ, проѣзжалъ на правомъ флангѣ гусарскаго дивизіона, на отмѣнно красивой лошади. Государь всѣми бывшими на смотру войсками остался отмѣнно доволенъ и при громкихъ восклицаніяхъ огромной толпы народа возвратился въ Москву.

Въ самомъ началѣ парада, подъ генералъ-адъютантомъ Толлемъ, ѣхавшимъ въ свитѣ государя, лошадь, испуганная барабаннымъ боемъ и криками „ура!“ войскъ, взвилась на дыбы и сбросила съ себя генерала, который, при паденіи, тяжело ушибъ себѣ лѣвый бокъ о эфесъ своей шпаги. Ему тотчасъ же открыли кровь, и медики признали его ушибъ довольно опаснымъ.

1-го августа совершенно было, на Москвѣ-рѣкѣ, съ особенною торжественностію, водосвятіе. Начиная отъ Чудова монастыря до іордани, устроенной на рѣкѣ, за Тайницкими воротами, стояли гренадерскія роты всей пѣхоты и первые взводы всей кавалеріи, съ ихъ знаменами и штандартами. По совершеніи, въ Чудовомъ монастырѣ, обѣдни, начался крестный ходъ. Императоръ, императрица Марія Теодоровна, великій князь Михаилъ Павловичъ, великая княгиня Елена Павловна и принцъ Карлъ Прусскій, шествовали пѣшкомъ, въ сопровожденіи двора, иностранныхъ пословъ, съ ихъ свитами, и многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Необыкновенное стеченіе народа всѣхъ состояній покрывало всѣ преддверія соборовъ, кремлевскія площади и стѣны и противолежащій берегъ рѣки. При погруженіи креста, произведена была пальба изъ орудій, поставленныхъ на Кремлевской горѣ. По окончаніи церемоніи, государь изволилъ проѣхать мимо войскъ верхомъ и возвратиться въ Николаевскій дворецъ, при восторженныхъ крикахъ народа, окружавшаго его столь тѣсно, что государь, ѣдучи шагомъ, долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться. Иностранцы, присутствовавшіе при этой церемоніи, созна-

вались, что еще никогда не видали подобнаго величественнаго зрѣлища.

2-го августа государь производилъ на Ходынскомъ полѣ ученье всей кавалеріи московскаго отряда, которая была выстроена въ четырехъ густыхъ колоннахъ, по-бригадно. Государь прибылъ къ войскамъ въ 5 часовъ утра и уѣхалъ въ 7½, изъявивъ имъ свое монаршее благоволеніе. На смотру присутствовали принцы Карлъ Прусскій и Гессенъ-Гомбургскій, генералъ австрійской службы, и нѣсколько другихъ иностранныхъ генераловъ. Въ строю находилось: 33 эскадрона, 6.208 воинскихъ чиновъ, 32 орудія и 4 понтона.

Наслѣдникъ и великія княжны Марія и Ольга Николаевны, переѣхали въ этотъ день изъ Кремля въ домъ графини Орловой-Чесменской, который хотя и находился въ самомъ городѣ, но по причинѣ прилегающаго къ нему прелестнаго сада, представлялъ всѣ пріятности загороднаго дворца.

4-го августа, въ присутствіи императора, происходило ученье гвардейскихъ войскъ московскаго отряда на Ходынскомъ полѣ.

Войска были выстроены передъ Прѣсенскою заставой, пѣхота въ двѣ линіи, во взводныхъ колоннахъ, первая бригада на правомъ, вторая на лѣвомъ флангѣ, имѣя между бригадами по одной легкой полубатарей, а въ срединѣ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. За пѣхотой поставлена была батареинная рота. Передъ пѣхотой поставлена была кавалерія; въ авангардѣ лейбъ-гвардіи казачій дивизіонъ, а за нимъ сводная легкая гвардейская кавалерійская бригада, въ эскадронныхъ полковыхъ колоннахъ, первый полкъ слѣва, второй справа. За легкою кавалеріей 4 легкія орудія и сводный гвардейскій кирасирскій полкъ съ остальными коными орудіями.

Ученье началось въ 8 часовъ утра и окончилось въ исходѣ 12-го. Иностранные принцы, генералы и офицеры восхищались быстротой и правильностію всѣхъ движеній, отличною выправкой и ѣздой нашихъ кавалеристовъ, ихъ щегольскимъ обмундированіемъ и красотой ихъ статныхъ и лихихъ коней. Въ строю находилось на ученьи: баталіоновъ 9, эскадроновъ 17, артиллерійскихъ ротъ и батарей 4; воинскихъ чиновъ всѣхъ званій 12.126, лошадей, 3.256 орудій 32, понтоновъ 4.

Въ этотъ день императрица Марія Феодоровна переѣхала

на нѣкоторое время изъ Кремлевскаго дворца на дачу графа Анраксина, близъ Петровскаго дворца.

О днѣ коронованія ходили въ городѣ еще разнорѣчивые слухи, но большинство опредѣляло для этого 22-е августа. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого вождѣннаго дня, такъ какъ всеневная городская жизнь текла, въ это время, очень однообразно и не представляла никакихъ удовольствій. Это не мѣшало ей однакожь быть очень дорогою. Особенно вздорожали квартиры и публичные экипажи. За двумѣстную карету или коляску платили въ мѣсяцъ 800—900 рублей; за дрожки, съ двумя лошадьми, 600 руб; въ одну лошадь 250 р.; легковыхъ извозчиковъ почти не было видно на улицахъ. Всѣ сѣстные припасы и предметы первой необходимости продавались по баснословнымъ цѣнамъ.

9-го августа государь производилъ на Ходынскомъ полѣ ученіе гренадерскому корпусу съ 13-ю и 14-ю артиллерійскими бригадами; 10-го августа—вторичное ученіе всей кавалеріи, и 12-го августа—сводной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса съ 1-ю уланскою дивизіей и гренадерскимъ корпусомъ. Послѣдній былъ вызванъ по тревогѣ, когда войска, во время ученія, приближались къ лагерю гренадерскаго корпуса. Всѣ эти ученія и маневры, производимы были безъ предварительныхъ распоряженій, по личнымъ приказаніямъ государя, отдаваемымъ на самомъ мѣстѣ.

18-го августа былъ я наряженъ ординарцемъ къ главнокомандующему 1-ю арміей, генералу отъ инфантеріи графъ Остенъ-Сакену и, въ продолженіи сутокъ, исправлялъ при немъ должность личнаго адъютанта. Графу было болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду, но онъ еще былъ очень бодръ, любезенъ и веселъ. Утромъ посѣтилъ его преосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, и бесѣда ихъ продолжалась довольно долго. За обѣдомъ, маститый графъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ, былъ очень веселъ и обмѣнивался анекдотами и остротами съ своимъ начальникомъ артиллеріи, генераломъ княземъ Яшвидемъ, небольшого роста, хрымъ старичкомъ, на грузинскомъ лицѣ котораго постоянно изображалась ѣдкая иронія, а съ губъ не сходила сардоническая улыбка.

Въ этотъ день было многочисленное вечернее собраніе у герцога Рагузскаго, на которомъ присутствовалъ принцъ Карлъ Прусскій. Герцогъ Девонширъ и французскій посолъ

графъ де-ла-Феронне, имѣли также, для вечернихъ собраний положенные дни. Вообще съѣздъ иностранныхъ пословъ, посланниковъ и лицъ дипломатическаго корпуса всѣхъ націй былъ въ Москвѣ весьма блистателенъ и многочисленъ. Однихъ французскихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія, составлявшихъ военную свиту маршала герцога Рагузскаго, было 20 человекъ, и между ними много молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ знаменитѣйшимъ аристократическимъ французскимъ фамиліямъ. Изъ числа пословъ и посланниковъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ были слѣдующія лица: фельдмаршалъ графъ Стедингъ, чрезвычайный посолъ короля шведскаго и норвежскаго; маркизъ де-Бриньоль-Саль, чрезвычайный посолъ короля сардинскаго; графъ Бломъ, чрезвычайный посланникъ короля датскаго; генералъ-лейтенантъ Шёлеръ, чрезвычайный посолъ короля прусскаго, генералъ-лейтенантъ Дернбергъ, чрезвычайный посланникъ короля ганноверскаго; генералъ-маіоръ Палмстерна, чрезвычайный посланникъ короля Шведскаго и Норвежскаго; кавалеръ Паэцъ-де-ла-Кадена, чрезвычайный посланникъ короля Испанскаго; графъ Лудольфъ, чрезвычайный посланникъ короля Обѣихъ Сицилій; генералъ-маіоръ принцъ Гогенлоэ-Кирхбергъ, чрезвычайный посланникъ короля Виртембергскаго; баронъ Геккеренъ, чрезвычайный посланникъ короля Нидерландскаго; монсиньоръ Бернетти, чрезвычайный посолъ Римскаго двора. При принцѣ Карлѣ Прусскомъ состояли: генералъ-маіоръ графъ Ностидъ, капитанъ Тюменъ, флигель-адъютантъ короля, капитанъ Фрорейхъ, адъютантъ принца, камергеръ графъ Редернъ и князь Радзивилъ. При принцѣ Филиппѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, генералѣ австрійской службы: генералъ-маіоръ графъ Гаугвицъ, графы Стадіонъ и Гіулай, его адъютанты, камергеръ графъ Эстергази, князь Эдмондъ Шварценбергъ, князь Лихтенштейнъ, гвардейскіе офицеры; при герцогѣ Девонширскомъ, чрезвычайномъ послѣ короля Великобританскаго, лорды Морпетъ и Россель. Общее число лицъ дипломатическаго корпуса, по большей части военнаго званія, съѣхавшихся въ 1826 году въ Москву на коронацію, доходило до 150 человекъ. Ихъ блестящіе и разнообразные мундиры, военные и гражданскіе, придавали особенный блескъ и великолѣпіе всѣмъ торжественнымъ церемоніямъ, представленіямъ и празднествамъ, быстро одно за другимъ слѣдовавшимъ.

14-го августа, стоя въ караулѣ въ Кремлѣ, у Боровицкихъ

воротъ, я прохаживался, въ 5 часу пополудни, по платформѣ, на которой находились и люди моего караула, какъ вдругъ въ воротахъ показался дорожный экипажъ, запряженный шестью почтовыми лошадьми. По знаку махальнаго у воротъ, караулъ вышелъ въ ружье и когда отдалъ честь, то экипажъ остановился противъ платформы. Сидѣвшій въ коляскѣ, въ военной шинели, съ желтою суконною петлицей на воротникѣ, движеніемъ рѣвки подозвалъ меня къ себѣ и отрывисто спросилъ: гдѣ государь? а потомъ: гдѣ матушка? Я тотчасъ узналъ въ пріѣзжемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, о пріѣздѣ котораго въ Москву ничего не было еще извѣстно. Его императорское высочество, когда я отвѣтилъ на сдѣланные имъ мнѣ вопросы, кивнулъ головой, сказалъ ямщику „пошелъ“, и коляска его быстро направилась къ Николаевскому дворцу.

15-го августа происходилъ разводъ съ церемоніей, на Кремлевской площади, въ присутствіи государя, великихъ князей: Константина Павловича и Михаила Павловича, принцевъ, пословъ, посланниковъ и многихъ лицъ дипломатическаго корпуса. По случаю праздника Успенія Пресвятой Богородицы, весь Кремль, въ особенности окрестности Успенскаго собора, были переполнены толпами народа, радостные крики котораго, при появленіи и возвращеніи государя съ цесаревичемъ во дворецъ, смѣшивались съ оглушительнымъ гуломъ множества кремлевскихъ колоколовъ и звуками военной музыки.

17-го и 18-го августа, въ присутствіи государя, производился маневръ войскъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса, по Волоколамской дорогѣ, между селомъ Тушинымъ и Москвою. Сводный московскій корпусъ раздѣленъ былъ на двѣ части, изъ коихъ первая, названная *Московскимъ* корпусомъ, находилась подъ командой генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго, а вторая, наименованная *Днѣпровскимъ* корпусомъ, была подъ командой генералъ-адъютанта барона Розена.

Маневры эти производились по слѣдующему предположенію, собственноручно начертанному государемъ:

„Два корпуса: Московскій и Днѣпровскій, послѣ многихъ дѣлъ, по Смоленской дорогѣ, окончившихся въ пользу послѣдняго, достигли окрестностей Москвы, чрезъ которую Московскій корпусъ ожидаетъ подкрѣпленія. Днѣпровскій

корпусъ сильно на него напираетъ, дабы, предупредивъ приходъ резерва, успѣть овладѣть Москвой. Днѣпровскій корпусъ сильнѣе Московскаго, въ особенности численностью своей кавалеріи, почему и рѣшается перейти на лѣвый берегъ Москвы-рѣки. Этимъ начинается маневръ.

„1-й день. Днѣпровскій корпусъ переходитъ Москву-рѣку и атакуетъ Московскій корпусъ, который всѣми силами старается удержаться за рѣкой Ходынкою, до прихода подкрѣпленія. Удача въ этомъ намѣреніи рѣшается конецъ маневра; если же непріятель предупредитъ приходъ подкрѣпленія, то Московскій корпусъ отступаетъ къ самому городу.

2-й день. Днѣпровскій корпусъ, отъ сильнаго напора, ослабъ; въ особенности пострадала его кавалерія. Московскій отрядъ усилился прибытіемъ его резервовъ и переходитъ въ наступленіе, стараясь опрокинуть своего противника и отрѣзать ему отступление на его новую операціонную линію—Волоколамскую дорогу. Маневръ кончится, когда рѣшится отступление Днѣпровскаго корпуса.

„Московскій корпусъ состоитъ, безъ ожидаемаго подкрѣпленія, изъ 24-хъ баталіоновъ и 10-ти эскадроновъ, при 80 орудіяхъ.

„Днѣпровскій корпусъ, по полученнымъ извѣстіямъ, имѣетъ около 35 баталіоновъ и сильную кавалерію.“

Лагери гренадерскаго корпуса и сводной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса, передъ начатіемъ маневровъ, были сняты. Нижніе чины пѣхоты и пѣшей артиллеріи Днѣпровскаго корпуса были одѣты въ шинеляхъ, а офицеры въ сюртукахъ. Легкая кавалерія этого корпуса имѣла шапки безъ чехловъ.

Во время маневровъ, приказано было наблюдать слѣдующія правила:

- 1) Застрѣльщикамъ не сходитьсѣ ближе 100 шаговъ.
- 2) Пѣхотныя и кавалерійскія атаки останавливать въ 50-ти шагахъ.
- 3) Засѣянные мѣста и огороды считать непроходимыми мѣстами.
- 4) Деревянные мосты, съ которыхъ непріятель скинулъ нѣсколько досокъ, считать раззоренными, и предъ такимъ мостомъ останавливаться столько времени, сколько бы нужно было для совершеннаго его исправленія.

Маневры обоихъ дней производились на основаніи дан-

ныхъ предположеній, въ отличномъ порядкѣ, съ примѣрною быстротой и правильностію всѣхъ движеній. Государь, въ сопровожденіи великаго князя цесаревича и блестящей свиты изъ русскихъ и иностранныхъ генераловъ, пословъ и посланниковъ съ ихъ свитами, оба дня постоянно слѣдилъ за дѣйствіями обоихъ отрядовъ и остался ими вполне доволенъ.

Государь выѣзжалъ къ войскамъ въ 7 часовъ утра; въ это время и начинались маневры, оканчивавшіеся, оба дня, къ 2 часамъ пополудни, въ первый, отступленіемъ Московскаго отряда къ Прѣсенской и Тверской заставамъ, а во второй—генеральнымъ сраженіемъ у села Тушино.

Государь изъяснилъ за маневры 17-го и 18-го августа свое благоволеніе всѣмъ главнымъ начальствующимъ лицамъ и частнымъ начальникамъ войскъ; нижнимъ же чинамъ пожаловалъ по два рубля.

20-го августа ихъ величества переѣхали изъ дома графини Орловой-Чесменской въ Кремль, въ Николаевскій дворецъ. Погода, до половины августа бывшая ясною и, по большей части, теплою, въ послѣдніе дни сдѣлалась дождливою и весьма чувствительно холодною, что заставляло опасаться за день 22-го августа, окончательно назначенный для совершенія коронованія.

Съ 19-го августа и въ продолженіи слѣдующихъ двухъ дней производилось въ Москвѣ всенародное торжественное объявленіе, чрезъ избранныхъ для сего: одного военнаго генерала, двухъ оберъ-церемоніймейстеровъ и двухъ сенатскихъ секретарей, верхами, въ сопровожденіи двухъ эскадроновъ конной гвардіи.

При этомъ читано было ими, въ опредѣленныхъ для сего мѣстахъ города, объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Николай Павловичъ, восшедъ на прародительскій, наслѣдственный всероссійскій престолъ, по обряду благочестивыхъ государей, предковъ его, указать соизволилъ, священнѣйшему коронованію его императорскаго величества и отъ св. міра помазанію, при помощи всевышняго, быть августа въ 22 день, приобщая сему освященному дѣйствію и супругу его, великую государыню императрицу Александру Феодоровну. О семъ торжественномъ происшествіи всѣмъ вѣрноподаннымъ чрезъ сіе возвѣщается, дабы въ

„возжелѣнный оный день усугубили мольбы свои къ Царю „Царствующимъ, да всемогущею Его благодатію пріостанитъ „царство его величества и да утвердитъ въ немъ міръ и ти- „шину, во славу Свою святую и къ непоколебимому бла- „женству Имперіи.“

Чужестраннымъ министрамъ, въ послѣдній изъ трехъ дней, были посланы для объявленія два церемоніймейстера въ придворныхъ богатыхъ экипажахъ.

22-го августа свершился обрядъ коронаванія. Радость была всеобщая и чрезвычайно шумная, ибо гулъ отъ восторженныхъ криковъ 300-тысячной массы народа, покрывавшаго площади Кремля и Китай-города, берега Москвы-рѣки, ограды, балконы и даже крыши домовъ, сливался въ одинъ огаушительный шумъ съ пушечною пальбой и несомлаемымъ звономъ колоколовъ кремлевскихъ соборовъ. День былъ ясный и жаркій. Яркое солнце освѣтило восхитительное и единственное въ мірѣ зрѣлище, когда императоръ и императрица шествовали, въ торжественной процессіи изъ Кремлевскаго дворца въ Успенскій соборъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, несомымъ 16-ю генералъ-маіорами. Я не беру на себя описывать церемоніаль этого величественнаго шествія и самый обрядъ коронаванія, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ только весьма ограниченному числу счастливыхъ избранныхъ было суждено присутствовать.

Обратное шествіе ихъ императорскихъ величествъ изъ Успенскаго собора, сперва въ Архангельскій, а потомъ въ Благовѣщенскій, представляло истинно поразительное зрѣлище. Юный императоръ, шествовавшій въ коронѣ усыпанной брилліантами, разливавшими ослѣпительный блескъ, и въ порфирѣ, держа въ рукахъ скипетръ и державу, являлся въ полномъ величіи мужественной красоты своей. Императрица, при замѣчательной красотѣ своей, была блѣдна и казалась утомленною. Войска отдавали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ, и изъ орудій, поставленныхъ на Кремлевской площади и обращенныхъ къ Москвѣ-рѣкѣ, произведенъ 101 выстрѣлъ.

Изъ Благовѣщенскаго собора ихъ величества прослѣдовали къ Красному крыльцу. Взошедъ на верхнюю ступень, государь обратился лицомъ къ необозримой массѣ народа, наполнявшей весь Кремль, и наклоненіемъ головы привѣтствовалъ своихъ вѣрноподданныхъ. Восторгъ ихъ, въ эту тор-

жественную минуту, не зная границъ; громкіе неумолкаемые крики огласили воздухъ, безчисленные шапки полетѣли ввѣрхъ; толпы шумно волновались; незнакомые между собою люди обнимались, и многіе плакали отъ радости.

По возвращеніи ихъ величествъ во внутренніе покои дворца и нѣкоторомъ отдохновеніи, происходилъ, въ Грановитой палатѣ, торжественный обѣденный столъ, по обычному церемоніалу.

Вчера вся Москва была великолѣпно освѣщена, въ особенности же ея палладіумъ, величественный Кремль. Всѣ оригинальныя башни его горѣли яркимъ пламенемъ; зубцы стѣнъ были обвиты огненными полосами, а по оградѣ его, широкія узорчатыя каймы сверкали брилліантовымъ блескомъ. Колокольня Ивана Великаго, освѣщенная разноцвѣтными огнями снизу до верха и освѣщенная огненными короной и крестомъ, возвышалась къ небу гигантскимъ пламеннымъ столбомъ. Кремлевскій садъ былъ также блистательно освѣщенъ, и въ немъ, при звукахъ нѣсколькихъ хоровъ военной музыки, толпилось несмѣтное множество гуляющихъ. Самый счаровательный видъ на облитый огнемъ Кремль открывался съ противоположнаго берега Москвы-рѣки, между Москворѣцкимъ и Каменнымъ мостами. Иванъ Великій, Грановитая палата, всѣ Кремлевскія башни и ограды, отражаясь въ струяхъ Москвы-рѣки, представляли всѣ предметы вдвойнѣ и въ ярчайшемъ пламени. Изъ городскихъ зданій были особенно великолѣпно освѣщены: университетъ, дома Пашкова и московскаго генералъ-губернатора, благородное собраніе, театръ и дома занимаемые иностранными послами. Все народонаселеніе Москвы толпилось на ярко освѣщенныхъ улицахъ; тысячи экипажей, въ нѣскольکو рядовъ, тянулись по нимъ нескончаемою вереницею и едва подвигаясь впередъ. Все ликовало, все радостно волновалось; древняя Москва поюла отъ торжества. Иллюминація эта была повторена и въ слѣдующіе два дня, 23-го и 24-го августа.

По ограниченному пространству между кремлевскими соборами, назначено было, въ день коронаціи, въ парадъ отъ войскъ своднаго гвардейскаго отряда только по одному первому взводу отъ каждаго пѣхотнаго и легкаго кавалерійскаго полка, отъ лейбъ-гвардейскаго сапернаго баталіона, коннопіонернаго эскадрона, лейбъ-гвардейской пѣшѣи и

конной артиллеріи и отъ гвардейскихъ казачьихъ частей, при 5-ти хорахъ полковыхъ музыкъ, съ ротными барабанщиками, флейтщиками и горнистами. Взводы эти, по 30-ти рядовъ отъ пѣхоты и артиллеріи и 20-ти отъ кавалеріи, принесли съ собой свои знамена и штандарты и были одѣты въ городской парадной формѣ (безъ ранцевъ). Для производства пальбы поставлены были на Кремлевской площади, отъ гвардейской пѣшей и конной артиллеріи, 32 орудіа. Гвардейскіе взводы были, въ 7 часовъ утра, разставлены въ Кремлѣ, по обѣимъ сторонамъ ходовъ, устроенныхъ для шествія ихъ императорскихъ величествъ. Сводный гвардейскій кирасирскій полкъ, безъ кирасъ, съ карабинами, по 15 рядовъ во взводѣ, со всеѣми офицерами, трубачами и литаврикомъ, былъ разставленъ: кавалергарды, отъ трона, внутри дворца, до Краснаго крыльца; конная гвардія, по Красному крыльцу и до Успенскаго собора; лейбъ-гвардейскіе кирасиры отъ Успенскаго собора до Архангельскаго.

Всеѣми войсками въ Кремлѣ командовалъ генералъ-адъютантъ Демидовъ, а своднымъ гвардейскимъ кирасирскимъ полкомъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ.

Дабы видѣть торжественную процессію коронованія были назначены, отъ частей гвардіи, по пяти, а отъ арміи по четыре отличнѣйшихъ, во всеѣхъ отношеніяхъ, рядовыхъ и по одному унтеръ-офицеру отъ каждой роты, эскадрона, артиллерійскихъ ротъ и батарей. При офицерахъ и подъ вѣденіемъ, особенно для сего назначенныхъ, штабъ-офицеровъ, они были поставлены близъ главной гауптвахты, по обѣимъ сторонамъ которой стояли штабъ и оберъ-офицеры гвардіи и арміи, не бывшіе въ строю.

Въ высочайшемъ приказѣ 22-го августа объявлены были, между прочимъ, слѣдующія повышенія и назначенія:

Главнокомандующіе арміями: 2-й, генералъ отъ кавалеріи графъ Витгенштейнъ 1-й, и 1-й, генералъ отъ инфантеріи графъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ 1-й, произведены въ генералъ-фельдмаршалы; 16-тъ генералъ-лейтенантовъ произведены въ полные генералы; 46 генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты; 23 полковника въ генералъ-маіоры; начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній генералъ-маіоръ Клейнмихель и командиръ лейбъ-гвардейскаго сапернаго баталіона генералъ-маіоръ Геруа, назначены генералъ-адъютантами къ его императорскому величеству, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ.

Въ высочайшемъ приказѣ 22-го августа, заключалось еще большое производство въ чины, за отличіе и на вакансіи, по пойскамъ гвардіи, арміи и флоту. Въ числѣ офицеровъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, я, въ этотъ день, произведенъ, на вакансію, изъ прапорщиковъ въ подпоручики. *

23-го августа, по ограниченному помѣщенію въ Кремлевскомъ дворцѣ, былъ, при высочайшемъ дворѣ, балъ только для чиновъ первыхъ двухъ классовъ, придворныхъ и иностранныхъ пословъ и посланниковъ съ ихъ свитами.

24-го августа, утромъ, представлялись ихъ императорскимъ величествамъ члены святѣйшаго синода, правительствующаго сената и иностранные послы и министры, а въ 7 часовъ пополудни—придворныя и городскія дамы.

27-го августа происходило утромъ въ Кремлевскомъ дворцѣ представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ, предводителей дворянства, головъ купечества и всѣхъ лицъ, имѣющихъ прѣздъ къ высочайшему двору. Вечеромъ былъ балъ въ Грановитой палатѣ, одинъ изъ тѣхъ блистательныхъ баловъ, въ которыхъ является все великолѣпіе, вся пышность первостепеннаго двора, въ его торжественнѣйшую эпоху. Балъ начался въ началѣ осьмага часа вечера и кончился въ 10 часовъ. На немъ присутствовали первые сановники государства, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины и иностранные послы и министры. Танцевали одни польскіе.

28-го августа, ихъ императорскія величества, великій князь наслѣдникъ и великія княжны Марія и Ольга Николаевны, вторично перѣѣхали изъ Николаевского дворца на дачу графини Орловой-Десменской, а его высочество великій князь цесаревичъ отбылъ въ Варшаву. 28-го, 29-го, 30-го и 31-го августа назначены были днями полного отдохновенія.

1-го сентября былъ устроенъ въ Большомъ театрѣ придворный маскарадъ, на которомъ присутствовали ихъ императорскія величества и высочества. Весь дворъ, дипломатическій корпусъ, дворянство и купечество наполнили пространную танцовальную залу театра, украшенную,

* Тридцать лѣтъ спустя, въ день священнѣйшаго коронованія нынѣ благополучко царствующаго Императора, 26-го августа 1866 года, я произведенъ былъ пѣзъ генераль-маіоромъ въ генераль-лейтенанты.

чрезвычайно изящно, цвѣтными гирляндами и богатыми тканями и великолѣпно освѣщенную. Туалеты дамъ отличались пышностію и состояли изъ богатыхъ русскихъ костюмовъ и самыхъ блестящихъ бальныхъ нарядовъ. Мушкетеры какъ военные, такъ и гражданскіе, были въ разноцвѣтныхъ домино. Всѣ ложи и амфитеатръ были наполнены зрительницами и многочисленнымъ оркестромъ. Императоръ и императрица пріѣхали въ маскарадъ въ 9 часовъ вечера. Государь былъ въ бальномъ кавалергардскомъ мундирѣ, который ему чрезвычайно шелъ, а государыня въ русскомъ платьѣ. Начались танцы, которые, впрочемъ, по причинѣ чрезвычайнаго скопленія посѣтителей, ограничились однимъ польскимъ. Въ 10 часовъ, ихъ величества, въ сопровожденіи членовъ императорской фамиліи, принцевъ, дипломатическаго корпуса и знатнѣйшихъ особъ обоего пола; прошли въ столовую, гдѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи, накрытъ былъ столъ, изящно убранный гирляндами изъ цвѣтовъ и обставленный древними золотыми и серебряными сосудами. Въ другихъ комнатахъ были поставлены столы для лицъ приглашенныхъ по билетамъ. Императорская чета оставила театръ въ полночь. Театръ, а также ближайшіе къ нему дома Полторацкаго и Варгина, и садъ на Театральной площади были прекрасно иллюминированы и освѣщали путь экипажамъ, которыхъ ряды протягивались на огромное пространство.

3-го сентября происходилъ на Ходынскомъ полѣ, въ высочайшемъ присутствіи, смотръ всѣмъ войскамъ собраннымъ въ Москвѣ. Государь императоръ прибылъ въ 8 часовъ утра и объѣхалъ всѣ линіи, расположенныя совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и на общемъ смотрѣ 30-го іюля. Въ 9 часовъ, по прибытіи на мѣсто парада государыня императрица, государю угодно было принять лично команду надъ всѣми войсками. Императрицы Александра Θεодоровна и Марія Θεодоровна, въ сопровожденіи государыни великой княгини Елены Павловны и принцессы Маріи Виртембергской, въ откидной позолоченной коляскѣ, изволили проѣхать по всѣмъ линіямъ войскъ; за ними слѣдовали, въ четырехъ придворныхъ экипажахъ, свиты ихъ императорскихъ величествъ и ея высочества. По отданіи чести войсками, государь лично провелъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ, со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ, мимо императрицы.

Войска проходили только одинъ разъ: пѣхота—сомкнутыми колоннами; кавалерія, по-эскадронно, рысью; артиллерія—по-ротно, послѣ чего войска разошлись по своимъ мѣстамъ. Парадъ кончился въ 11 часовъ утра.

На этомъ смотрѣ великій князь наслѣдникъ (на девятомъ году своего возраста), изволилъ быть верхомъ и проѣхалъ, при церемоніальномъ маршѣ, на правомъ флангѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго дивизіона.

Послѣ смотра, когда войска уже возвратились въ лагери и люди переодѣлись, государю угодно было посѣтить лагерь гренадерскаго, а затѣмъ и 5-го пѣхотнаго корпусовъ, чтобы проститься съ этими войсками, которымъ предстояло чрезъ нѣсколько дней выступить обратно на свои квартиры.

По прибытіи государя, люди мгновенно собрались бѣгомъ и въ шинеляхъ около монарха, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изъявившаго имъ свое благоволеніе за ихъ усердіе и рвеніе. „Ради стараться!“ и восторженное „ура!“ были отвѣтомъ солдатъ, радостно бросавшихъ вверхъ свои фуражныя шапки.

Въ этотъ же день, 3-го сентября, московское купечество давало государю, всѣмъ военнымъ генераламъ, всѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ гвардіи и всѣмъ арміи штабъ-офицерамъ, военный обѣдъ, въ большомъ экзерциргаузѣ, отлично, по этому случаю, изукрашенномъ. По обоимъ концамъ этого прекраснаго зданія были устроены сады съ цвѣтущими померанцевыми аллеями и извилистыми дорожками, окаймленными яркою зеленью и клумбами цвѣтовъ. Средина зданія образовала, во всю ширину его, палатку, длиною въ 38 сажень, поддерживаемую колоннами, украшенными военною арматурой и лавровыми вѣнками. Стѣны, расписанныя на полотнѣ, были драпированы краснымъ сукномъ и тафтой, съ золотыми галунами, бахромой и кистями; полъ былъ устланъ зеленымъ сукномъ. Въ шести большихъ вызолоченныхъ канделябрахъ, увитыхъ лаврами, находилось до 4000 свѣчъ, кромѣ горѣвшихъ на столахъ, въ многочисленныхъ жирандоляхъ. Разстояніе между палаткой и плафономъ экзерциргауза, было занято, по красивому плану, иллюминаціей изъ десяти тысячъ восковыхъ шкаликовъ. Мѣста для оркестровъ были устроены яркой на возвышенности, драпированной точно такъ же какъ и стѣны. 32 стола, въ разныхъ направленіяхъ, какъ бы лучами, примыкали въ одинъ центръ, передъ

императорскимъ столомъ, накрытымъ на 180 кувертовъ и украшеннымъ большими мраморными вазами.

Въ 3 часа пополудни начали съѣзжаться гости, въ томъ числѣ и чужестранные послы и министры, со своими свитами. Въ 4 часа, палатка, столы, все, кромѣ садовъ, засвѣтилось огнями и представило очаровательное зрѣлище.

Въ половинѣ пятого часа прибылъ вѣнценосный гость, вмѣстѣ съ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и принцемъ Карломъ Прусскимъ. При вступленіи императора въ палатку, четыре оркестра музыки полковъ лейбъ-гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и сапернаго баталіона, состоявшіе изъ 240 музыкантовъ, заиграли скорый маршъ.

Государь сѣлъ за столъ между великимъ княземъ и принцемъ Карломъ Прусскимъ, съ чужестранными послами и министрами; московскій военный генералъ-губернаторъ сѣлъ за тѣмъ же столомъ между двумя городскими головами: московскимъ и петербургскимъ, съ 10-ю московскими первостатейными купцами. Въ это время 180 музыкантовъ заиграли увертюру изъ *Волшебнаго Стрѣлка*.

Когда императоръ пилъ за здоровье города и купечества, трубачи гвардейскаго кавалерійскаго отряда играли маршъ. Во время тоста за здравіе его императорскаго величества, 240 музыкантовъ играли народный гимнъ: „Боже царя храни!“ а за здравіе союзныхъ державъ—тѣ же музыканты играли французскую народную пѣснь Генриха IV (Vive Henri IV!) За тѣмъ государь императоръ провозгласилъ тостъ: „за здоровье генераловъ и всего русскаго войска!“

Въ продолженіи обѣда четыре хора гвардейской музыки, по-очередно, играли разныя музыкальныя піесы, между прочимъ увертюру изъ *Олимпіи* Спонтини, и, по приказанію государя, старые Преображенскій и Измайловскій марши. Обѣдъ кончился около 6 часовъ пополудни. Государь, изъявивъ свою благодарность хозяевамъ этого блистательнаго праздника, уѣхалъ, сопровождаемый громкими криками народа, окружавшаго экзерциргаузъ.

5-го сентября, по случаю полковаго праздника Кавалергардскаго полка, коего государыня императрица была шефомъ, на дачѣ графини Орловой былъ церковный парадъ, и

отслуженъ, въ походной церкви, поставленной въ саду, молебень, на которомъ присутствовали ихъ императорскія величества. За тѣмъ кавалергардскіе офицеры были угощаемы завтракомъ въ покояхъ ихъ величествъ, также въ присутствіи императора и императрицы. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, по случаю дня тезоименитства новорожденной великой княжны Елизаветы Михайловны.

6-го сентября ихъ величества были на балѣ въ Благородномъ Собраніи. Въ 7 часовъ вечера, великолѣпная зала Собранія уже была совершенно наполнена посѣтителями обою пола; въ половинѣ 9-го изволили прибыть ихъ императорскія величества и были встрѣчены у подѣзда московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и старшинами собранія. При входѣ въ залу заиграла на хорахъ музыка, и ихъ величества открыли балъ польскимъ, сочиненнымъ на этотъ случай инспекторомъ музыки театральной дирекціи, Верстовскимъ. На немъ присутствовали также великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна, принцы Пруссійскій, Виртембергскій и Гессенъ-Гомбургскій, дворъ, весь дипломатическій корпусъ, иностранные и русскіе генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, министры и высшіе гражданскіе чиновники. Всѣхъ посѣтителей насчитано было въ залѣ до 2000, а на хорахъ до 800 человекъ. Оркестръ состоялъ изъ 100 отборныхъ музыкантовъ императорской театральной дирекціи и, кромѣ того, изъ частныхъ хоровъ генерала Апраксина и сенатора Теплова. Послѣ польскихъ начались бальные танцы, въ которыхъ принимали участіе государыня императрица и великая княгиня Елена Павловна. Туалеты были весьма изящны и великолѣпны, и изъ дамъ весьма многія отличались замѣчательною красотою и граціей. Изъ дѣвицъ высшаго круга, послѣдними качествами блистали, въ особенности, княжна Урусова* и Нарышкина.** Русскіе и иностранные военные мундиры, золотомъ и серебромъ облитые кафтаны дипломатовъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ, совместно съ роскошными нарядами и брилліантами дамъ, представляли ослѣпительное зрѣлище, при яркомъ освѣщеніи залы, блестящей тысячами переливчатыхъ огней отъ свѣчей и шкаликовъ, покрывавшихъ ея стѣны.

* Въ послѣдствіи княгиня Радзивиллъ.

** Въ послѣдствіи княгиня Юсупова.

Въ отдѣленіи, прилегавшемъ къ дому Благороднаго Собранія, устроена была ротонда, уставленная померанцевыми деревьями, и въ ней накрытъ былъ пышно убранный столъ на 90 кувертовъ, для особъ царской фамиліи, статсъ-дамъ, высшихъ придворныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, посланниковъ и лицъ дипломатическаго корпуса. Въ другихъ смежныхъ залахъ накрыты были столы для ужина еще на 600 особъ.

Балъ продолжался до двухъ часовъ пополудни. Ихъ величества уѣхали въ 1 часъ, въ милостивыхъ выраженіяхъ изъявивъ старшинамъ Собранія удовольствіе за изящное устройство бала.

8-го сентября былъ данъ въ честь ихъ императорскихъ величествъ балъ чрезвычайнымъ посломъ Французскаго короля, маршаломъ герцогомъ Рагузскимъ. Посолъ занималъ домъ, принадлежавшій князю А. Б. Куракину*, любившему, какъ извѣстно, угощать и веселить въ немъ многочисленную московскую публику; домъ этотъ былъ, по справедливости, однимъ изъ просторнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ въ Москвѣ. Несмотря на это, посолъ французскій прекрасно убралъ вновь его внутренность и пристроилъ еще къ нему большую галлерею. Пригласительныхъ билетовъ разослано было 800. Пріѣздъ на балъ начался въ 8 часовъ вечера.

Отъ входа въ прихожую, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, до самаго верха, стояла многочисленная посольская прислуга, въ красной ливреѣ съ золотыми галунами. Въ приемной комнатѣ посѣтителы были встрѣчаемы чиновниками посольства, которые предлагали дамамъ руку, для препровожденія ихъ въ гостиную, гдѣ всѣ гости оставались въ ожиданіи пріѣзда императорской фамиліи.

Въ 9 часовъ, посолъ, съ блестящею своею свитой, посѣтилъ встрѣтить у подѣзда августѣйшихъ посѣтителей. Государь императоръ вошелъ въ танцевальную залу, при звукахъ нѣсколькихъ хоровъ музыки, ведя подъ руку графиню де-ла-Ферроне; герцогъ Рагузскій велъ императрицу Александру Феодоровну. Послѣ польскаго начались танцы, продолжавшіеся безпрерывно до ужина и отличавшіеся

* Въ Базманной улицѣ. За наемъ этого дома, на три мѣсяца, заплачено было маршаломъ (кромя совершенной переправки и обѣдирования онаго на свой счетъ), 18 тысячъ рублей.

особеннымъ оживленіемъ и веселостію, примѣръ коей былъ подаваемъ самими августѣйшими посѣтительницами и поддерживаемъ предупредительностію и истинно-французскою любезностію хозяина бала.

Ужинный столъ былъ накрытъ въ пристроенной маршалою къ дому галлерей, богато драпированной, въ подражаніе палатки. Императорскій столъ накрытъ былъ отдѣльно отъ другихъ и соотвѣтствовалъ всѣмъ требованіямъ роскоши и утонченнѣйшаго вкуса. Послѣ ужина начались опять танцы и продолжались почти до 5 часовъ утра. Каждая изъ бывшихъ на балѣ дамъ при отъѣздѣ получила прекрасный букетъ цвѣтовъ, въ воспоминаніе пріятности бала и утонченной вѣжливости сего учредителя.

9-го сентября императорская фамилія присутствовала на торжественномъ спектаклѣ въ Петровскомъ театрѣ, гдѣ въ этотъ вечеръ были даны опера *Новый помѣщикъ* и балетъ *Сандрильона*.

Въ 6 часовъ, прекрасная зала театра была великолѣпно освѣщена и вскорѣ наполнилась блестящею и отборнѣйшею публикой, составленною изъ всего, что обѣ русскія столицы вмѣщали въ себѣ наиболѣе прекраснаго, знатнаго и богатаго. Громкими рукоплесканіями и восторженными восклицаніями „ура!“ было встрѣчено появленіе августѣйшей четы въ императорской ложѣ. Не скоро утихли эти шумныя изъясненія и могло начаться представленіе, въ продолженіе котораго общее вниманіе останавливалось на тѣхъ выраженіяхъ въ оперѣ, кои могли быть примѣнимы къ тогдашнимъ чувствамъ зрителей. Взоры ихъ постоянно обращались къ императорской ложѣ и, казалось, не замѣчали великолѣпной постановки новаго балета и замѣчательнаго хореографическаго искусства первой балерины Гюльенъ-Соръ и танцовщиковъ братьевъ Ришаръ.

10-го сентября ихъ величества посѣтили балъ, данный великобританскимъ чрезвычайнымъ посломъ герцогомъ Девонширъ. Величественной архитектуры домъ, занимаемый герцогомъ,* былъ, съ лицевой стороны, великолѣпно освѣщенъ,

* Домъ этотъ, принадлежавшій генералу Шепелову, почитался огромнѣйшимъ изъ всѣхъ бароккихъ московскихъ домовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, красивѣйшимъ по своему мѣстоположенію. За казны его, со всею въ немъ мебелью, бронзою, статуями, картинами и пр. герцогъ заплатилъ, за три мѣсяца, 63 тысячи рублей.

и посреди его портика горѣло вензелевое изображеніе именъ ихъ императорскихъ величествъ. Чугунная рѣшетка передъ домомъ была также иллюминирована, и около нея толпилось множество народа, въ ожиданіи стѣзда гостей, начавшагося въ 7 часовъ. На парадной лѣстницѣ, устланной алымъ сукномъ и установленной померанцевыми деревьями, стояли ряды лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ; * въ передней, наполненной офиціантами, одѣтыми въ богатые французскіе кафтаны съ кружевными манжетами, принимали посѣтителей чиновники посольства.

Громогласное „ура!“ на дворѣ и звуки трубъ и литавръ на лѣстницѣ возвѣстили въ 9 часовъ пріѣздъ ихъ величествъ; посолъ со свитой поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Государь подалъ руку супругѣ англійскаго посланника леди Дисбровъ; императрица оказала ту же честь герцогу и, при громѣ музыки, игравшей польскій, взошли въ танцевальную залу, освѣплявшую своимъ поразительнымъ освѣщеніемъ. Величественныхъ размѣровъ, со стѣнами отдѣланными подъ бѣлый мраморъ, зала эта, кромѣ четырехъ великолѣпныхъ канделябровъ, освѣщалась еще множествомъ свѣчъ, утвержденныхъ въ огромномъ вѣнкѣ, сплетенномъ изъ розъ и висѣвшемъ на самыхъ тонкихъ проволокахъ, почти непримѣтныхъ для глазъ. Изъ этихъ же цвѣтовъ устроены были по стѣнамъ вензелевые имена ихъ императорскихъ величествъ и короля Великобританскаго Георга IV, составлявшихъ единственное украшеніе танцевальной залы. Примыкавшая къ ней галлерей убрана была богатою драпировкой изъ матерій голубаго и розоваго цвѣта, а полъ ея обитъ алымъ сукномъ. Соединяясь съ танцевальною залою тремя большими арками, галлерей составляла какъ бы ея продолженіе и доставляла любопытствующимъ зрителямъ большое удобство видѣть танцы; танцующіе же находили въ ней диваны для отдохновенія и пріятную прохладу, такъ какъ къ сторонѣ сада галлерей была открыта и закрывалась только драпировкой. Лучшимъ для нея украшеніемъ, привлекавшимъ всѣхъ посѣтителей, былъ портретъ во весь ростъ государя императора, писанный извѣстнымъ англійскимъ живописцемъ Довомъ и, въ

* Фамиліная ливрея герцога Девонширъ цвѣта желтаго; вся прислуга была въ напудренныхъ парикахъ.

богатой рамѣ, поставленный въ среднемъ углубленіи. Государь представленъ былъ въ императорской мантии, опершимся правою рукою на столъ, на которомъ лежатъ: книга законовъ, скипетръ и корона. Изъ открытаго окна царскихъ чертоговъ, видны вдали Успенскій соборъ и другія кремлевскія святыни.

Въ началѣ перваго часа по полуночи гости сѣли за ужинъ. Столъ для императорской фамиліи былъ накрытъ полукружіемъ въ углубленіи другой пристроенной для бала галлерей, подъ навѣсомъ палатки, отдѣланной изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта. По окончаніи ужина, когда императорская фамилія возвратилась въ танцевальную залу, любопытствующие не могли налюбоваться великолѣпнымъ убранствомъ императорскаго стола, въ особенности же отличными серебряными вазами и пардессю, работы отличнѣйшихъ лондонскихъ художниковъ. Въ особенности восхищались всѣ необыкновеннымъ блескомъ полировки всѣхъ орнаментовъ и бѣлизной мата фигуръ, а равно художественною ихъ отдѣлкой.

Послѣ ужина танцы начались съ новою живостью и продолжались до 4 часовъ утра. Императорская фамилія оставалась до 2 часовъ за полночь.

11-го сентября императорская фамилія удостоила своимъ посѣщеніемъ Большой театръ, на которомъ, въ этотъ вечеръ, италіянскою труппой актеровъ представлена опера Россіи *Танкредъ*. * Возвышенность ея сюжета, превосходная музыка, великолѣпная постановка и таланты артистовъ, въ особенности превосходной примадонны, г-жи Ан-ти, имѣли полный, заслуженный успѣхъ.

Публика, присутствовавшая въ театрѣ, была столь же многочисленна и блестяща какъ и въ русскомъ спектаклѣ 9-го сентября. Императорская фамилія занимала, на этотъ разъ, боковую ложу; остальные ложи 1-го яруса были заняты иностранными послами и министрами, съ ихъ семействами и свитой и первыми чинами Двора.

Балъ, данный 12-го сентября, въ честь ихъ императорскихъ величествъ княземъ Н. В. Юсуповымъ, не только не уступалъ въ великолѣпіи, изяществѣ и вкусу прекрас-

* Обыкновенныя представленія италіянской труппы давались на домашнемъ театрѣ генерала Апраксина.

нымъ баламъ, даннымъ французскимъ и англійскимъ чрезвычайными послами, но во многихъ отношеніяхъ превзошелъ ихъ даже блескомъ, очаровательностію обстановки и разнообразіемъ. При вступленіи въ превосходный домъ князя, посѣтители бала должны были пройти чрезъ благоуханную рощу лимонныхъ, померанцевыхъ и лавровыхъ деревьевъ, въ прелестный небольшой театръ, гдѣ и ожидали прибытія императорской фамиліи, дамы въ партерѣ, а мужчины въ ложахъ. Когда императоръ и императрица заняли свои мѣста, музыка заиграла гимнъ; взвилась занавѣсъ, и италіянскими артистами представлена была хорошенькая опера: *Cantatrice di villano*, а по ея окончаніи, вслѣдъ за выходомъ царственной четы, балъ открытъ былъ ею польскимъ, чрезъ всѣ ряды залъ и комнатъ, убранныхъ и освѣщенныхъ съ великолѣпіемъ и разнообразіемъ, доказывавшимъ не одно богатство, но и искусную руку артиста, раскинушаго по всѣмъ стѣнамъ богатыя штофныя матеріи и изящныя украшенія, въ самомъ утонченномъ вкусѣ. Пьедесталы мраморныхъ бюстовъ государя и государыни были увиты: перваго—лавровыми вѣнками, а второй—розами. Гостиная была украшена произведеніями знаменитыхъ художниковъ. Буфеты, изобильно всѣмъ снабженные, были изящно убраны, въ большомъ числѣ, драгоценною серебряною и позолоченною посудой и цвѣточными гирляндами. Однимъ словомъ, на каждомъ шагѣ, посѣтители видѣли доказательства чрезвычайнаго богатства, роскоши и утонченнаго вкуса русскаго боярина, вельможи вѣка императрицы Екатерины II.

Танцы продолжались, съ большимъ оживленіемъ, въ двухъ залахъ и были, въ полночь, прерваны ужиномъ, устроеннымъ въ помѣщеніи театра; партеръ, оркестръ, сцена его исчезли, и образовалась просторная зала, освѣщенная великолѣпными серебряными люстрами, разливавшими яркій свѣтъ. Столъ императорскій накрытъ былъ полукружіемъ, въ углубленіи сцены, украшенномъ зеркалами, подъ шатромъ, убранномъ цвѣточными гирляндами и тропическими растеніями. Отъ него, въ два ряда, были накрыты столы для гостей, вдоль ложъ 1-го яруса. Послѣ ужина начались опять танцы, въ которыхъ изволили принимать участіе государыня императрица и великая княгиня Елена Павловна. Въ 2 часа, ихъ императорскія величества изволили оставить балъ, выразивъ, въ

лестныхъ выраженіяхъ, маститому хозяину - вельможѣ ихъ удовольствіе за истинно великолѣпное и изящное устройство бала.

13-го сентября происходилъ въ Большомъ театрѣ безденежный, для офицеровъ и нижнихъ чиновъ гвардейскаго московскаго отряда, спектакль, составленный изъ двухъ піесъ, комедіи: *Полубарскія затѣи* и оперетки: *Казаки стихотворецъ*.

Первые ряды креселъ и 1-й рядъ ложъ заняты были офицерами, а всѣ прочія мѣста нижними чинами. Императорская фамилія присутствовала въ малой боковой ложѣ; большая же ложа отдана была для помѣщенія иностранныхъ пословъ и министровъ.

Театральная зала, при полномъ освѣщеніи, представляла красивый военный видъ. Гвардейцы, всѣхъ родовъ оружія, въ своихъ разнообразныхъ мундирахъ, наполняли ее сверху до низу и казались очень довольными необыкновеннымъ для нихъ зрѣлищемъ. Громкія восклицанія „ура!“ раздались при появленіи ихъ величествъ въ царской ложѣ, и у усачей неоднократно, въ продолженіе спектакля, вырывались порывы удовольствія, особенно при представленіи малороссійской оперетки.

Въ послѣднее время, когда происходили эти блестящія вечернія празднества, погода въ продолженіи шести дней стояла очень ненастная и холодная; дождь, градъ, снѣгъ, шли въ перемежку, и улицы покрывала глубокая грязь. Это несчастье заставило отложить на нѣсколько дней народное празднество, долженствовавшее, по первоначальной программѣ, происходить на Дѣвичьемъ полѣ 13-го сентября.

14-го сентября, депутаты дворянства и глава купечества были приглашены къ высочайшему столу, въ Кремлевскомъ дворцѣ, а 15-го сентября былъ въ немъ же обѣдненный столъ у государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны для императорской фамиліи, двора и чрезвычайныхъ пословъ.

Наконецъ погода нѣсколько поправилась, и 16-го сентября могъ быть данъ народный праздникъ.

Обширное Дѣвичье поле, окаймленное живописными Воробьевыми горами и извилинами Москвы-рѣки, было избрано для народнаго угощенія и увеселеній. По срединѣ его былъ возведенъ круглый, роскошно убранный павильонъ

для императорской фамилии, со стеклами и каминомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него были устроены: 1) четыре галлерей съ колоннами, для особъ первыхъ трехъ классовъ, дипломатическаго корпуса, придворныхъ и военныхъ генераловъ, на 2.500 особъ; 2) три галлерей для военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ; 3) четыре частныя галлерей, въ длину на 300 сажень, для пяти тысячъ человѣкъ; 4) манежъ для волтижера Турньера; 5) два большіе фонтана для бѣлаго и краснаго вина; 6) шестнадцать малыхъ, для того же; 7) двѣ катальныя горы; 8) балаганъ для акробатовъ и фокусниковъ; 9) балаганъ для гимнастическихъ игръ; 10) нѣсколько павильоновъ для хоровъ музыкантовъ; 11) карусель; 12) разныя качели; 13) вѣстрада для пусканія трехъ воздушныхъ шаровъ и наконецъ 14) 240 столовъ, каждый длиною въ 10 сажень, накрытыхъ скатертями, для угощенія народа, находившихся посрединѣ галлерей, занятыхъ зрителями, красиво убранныхъ унизанными яблоками березками и разноцвѣтными корзинами съ калачами. На каждомъ столѣ поставлены были окорока, жареныя птицы, студни, кондитерское пирожное, въ видѣ горшковъ съ розами, цѣлые жареные бараны съ золочеными рогами, на блюдахъ, покрытыхъ красною камкой; ведра съ пивомъ и водкой; дубчики со сливами, грушами и яблоками. Всего, по исчисленію, стояло на столахъ: блюдъ пирожныхъ 480; говяжьихъ 480; студней 480; дымятъ 7.200; гусей 1.000; утокъ 1.000; яблоковъ, сливъ и грушъ по 46.000 штукъ; пива и меда по 46.000 ведеръ; винограднаго вина 2.420 ведеръ; калачей 24.000; ситниковъ 9.600; окороковъ 9.600.

Рано утромъ, длинною вереницей, потянулись толпы народа, съ радостными лицами, со всѣхъ сторонъ города, на Дѣвичье-поле, а въ 9 часовъ появились непрерывныя рялы экипажей, направлявшихся по Остоженкѣ, Пречистенкѣ, Арбату и смежнымъ улицамъ, чрезъ Смоленскій рынокъ, къ мѣсту назначенному для народнаго праздника.

Въ началѣ 1-го часа пополудни, при звукахъ музыки и шумныхъ восклицаніяхъ ликующаго народа, показалась парадная золоченая карета, запряженная восемью красиво убранными лошадьми, въ которой сидѣли: императрицы Александра Феодоровна и Марія Феодоровна, великая княгиня Елена Павловна и государь наследникъ. Императоръ ѣхалъ за карстой, верхомъ, между великимъ княземъ Михаиломъ

Павловичемъ и приидемъ Карломъ Пруссимъ, въ сопровожденіи генералитета, верхами же.

Проѣхавъ чрезъ все Дѣвичье-поле, при звукахъ хоровъ музыки и радостныхъ восклицаніяхъ народа, ихъ величества и высочества прибыли къ ротондѣ и были встрѣчены, у крыльца, сенаторомъ княземъ Циціановымъ, на котораго было возложено устройство народнаго праздника. Какъ только ихъ величества вошли въ павильонъ, взвился бѣлый флагъ, и праздникъ начался.

Подобно морскимъ волнамъ гонимымъ вѣтромъ, народъ хлынулъ къ столамъ, на которыхъ, въ одно мгновеніе, ничего изъ поставленныхъ на нихъ яствъ не осталось. Отъ столовъ, народныя толпы бросились къ фонтанамъ, бившимъ красною и бѣлою влагой и осушивъ ихъ, разсѣялись по полю, къ различнымъ устроеннымъ на немъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ, представляя, въ то же время, сами собою, не менѣе любопытное и оригинальное зрѣлище, возбуждавшее общую веселость.

Дворъ, первые чины и чужестранные посланники и министры оставались въ императорской ротондѣ, въ которой высочайшее присутствіе продолжалось до 1½ часа. Затѣмъ ихъ императорскія величества возвратились въ городъ, сопровождаемые радостными восклицаніями ихъ вѣрноподданныхъ, исполненныхъ живѣйшей благодарности за истинно-царское угощеніе и монаршее вниманіе.

По отбытіи императорской фамиліи, народъ, число коего, приблизительно, могло простираться до 200.000 человекъ, веселился и пировалъ еще до 5 часовъ пополудни, благопріятствуемый прекрасною, ясною и теплою погодою, наступившею послѣ столь продолжительнаго ненастья.

Балъ, данный 17-го сентября графиней А. А. Орловою-Чесменскою, казался, превзошелъ великолѣпіемъ и грандіозностью своею всѣ прочіе балы, данные въ Москвѣ по случаю коронаціи, и достойно закончилъ ихъ блистательный циклъ.

Въ изыснномъ громадномъ залѣ графини, длиною 80 аршинъ, до 1.000 гостей помѣщались весьма удобно, и до 7.000 свѣчей потребовалось для ея освѣщенія. Гигантскія тропическія растенія, обрѣзанныя кронами и поставленные противъ каждаго окна залы, въ позолоченныхъ чанахъ, пріятно смѣшивали свою густую зелень съ блескомъ золота и пурпуромъ драпировки.

Въ полночь поднялся занавѣсъ, закрывавшій входъ въ пристроенную къ ней галерею и, вслѣдъ за государемъ и членами императорской фамилии, гости вошли въ драгоценную турецкую палатку, въ которой накрыты были столы для ужина на 500 кувертовъ. Изъ нихъ царскій столъ стоялъ посрединѣ, въ полукруглой нишѣ, а отъ него по сторонамъ шесть столовъ, великолѣпно сервированныхъ и убранныхъ съ царскою пышностью. Императорская фамилія кушала на золотѣ и драгоценнѣйшемъ саксонскомъ фарфорѣ, * а всѣ прочіе гости на серебрѣ.

Палатка, раскинутая для ужина и изящно убранная, была устроена на подобіе той, которая была подарена султаномъ турецкимъ истребителю его флота при Чесмѣ, родителю графини, знаменитому графу Алексію Григорьевичу Орлову-Чесменскому.

Ихъ величества и высочества оставили балъ въ 3 часа по полуночи; прочіе же гости, восхищенные изящнымъ устройствомъ его, барскимъ гостепріимствомъ хозяйки и ея чарующею привѣтливостью, веселились до самаго утра и съ сожалѣніемъ оставили ея волшебные чертоги.

19-го сентября, государь, рано утромъ, отправился, въ сопровожденіи принца Карла Прусскаго, въ Тулу, для осмотра знаменитаго Тульскаго оружейнаго завода, и возвратился въ Москву 21-го сентября, вечеромъ.

Между тѣмъ гвардейскому московскому отряду объявленъ былъ обратный походъ въ Петербургъ, и первый эшалонъ его (первые баталіоны л.-гв. егерскаго и Финляндскаго полка), выступилъ изъ Москвы, по прежнему маршруту, 21-го сентября.

23-го сентября блестящія московскія празднества, почти непрерывно слѣдовавшія за коронаціей, заключились великолѣпнымъ фейерверкомъ, устроеннымъ подъ руководствомъ его высочества генералъ-фельдцейхмейстера и спущеннымъ передъ зданіемъ, занимаемымъ Московскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Для императорской фамиліи приготовлена была, роскошно убранная ложа, посреди галереи устроенной въ колоннахъ Головинскаго дворца, одного изъ лучшихъ произведеній зна-

* Сервизъ этотъ былъ сдѣланъ въ Саксоніи, по заказу императрицы Екатерины II-й, для графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, лучшими тогдашними мастерами и былъ украшенъ его портретами.

мемитаго архитектора Гваренги. По обѣимъ сторонамъ императорской ложы устроено было до 800 мѣстъ для лицъ дипломатическаго корпуса, императорскаго двора и знатнѣйшихъ особъ обоого пола. Эти мѣста отдѣлялись отъ царской ложы золотою баллюстрадой. Большой залъ, служащій выходомъ на галлерсю, убранъ былъ съ большимъ искусствомъ и вкусомъ военною арматурой. На двухъ противоположныхъ стѣнахъ зала блестяли, сдѣланныя изъ мѣскаго оружія, вензелевыя изображенія ихъ императорскихъ величествъ. Яркое освѣщеніе исходило изъ ружейныхъ и пистолетныхъ стволовъ, а также изъ жерлъ пушекъ, поставленныхъ вмѣсто колоннъ какъ въ залѣ, такъ и въ корридорѣ, и свѣтившихъ пылавшими изъ нихъ гранатами, что производило очаровательное дѣйствіе на воинскіе доспѣхи, игравшіе яркими отблесками. Подъ балкономъ и по бокамъ главнаго корпуса устроены были галлерей отъ правительства и частныхъ лицъ, на пять тысячъ человекъ. Сверхъ того, многія тысячи собравшагося народа могли весьма удобно видѣть фейерверкъ, съ обѣихъ сторонъ, на большое пространство.

Теплая, тихая погода и темный осенній вечеръ какъ нельзя болѣе благопріятствовали его успѣху. Въ половинѣ восьмага часа, взлетѣвшіе на воздухъ два снопа, каждый изъ 101-й ракеты, возвѣстили о прибытіи ихъ императорскихъ величествъ, встрѣченныхъ и здѣсь народомъ и войскомъ громогласнымъ „ура!“ Когда государыня императрица заняла мѣсто въ ложѣ, ея величеству былъ поднесенъ, на серебряномъ блюдѣ, зажженный фитиль, въ видѣ жезла, и едва государыня прикоснулась имъ къ голубю, висѣвшему на проволоцѣ, какъ послѣдній стрѣлой полетѣлъ прямо къ ближайшему щиту и воспламенилъ какъ его, такъ и всю первую декорачію. Внезапно, въ концѣ пальмовой аллеи, явились глазамъ зрителей вензелевыя изображенія виновниковъ торжества, горѣвшія свѣтомъ брилліантовъ и окруженныя лавровымъ вѣнкомъ. Два генія парили надъ ними, а всевидящее око озаряло ихъ своими лучами. Затѣмъ слѣдовала декорачія яркаго фонтаннаго огня.

Вторая эмблематическая картина изображала горы: Парнасъ, Пиндъ и Геликонъ. Пегасъ, на вершинѣ первой изъ нихъ, выбивалъ копытомъ струи Ипокрекы, долженствовавшія воспламенять геній поэтовъ. Вензелевыя имена ихъ

императорскихъ величествъ представлялись окруженными сіяніемъ звѣздъ.

Оглушительный трескъ отъ изверженія марсоваго огня пробѣжалъ вдоль всей декораціи. Прошло нѣсколько минутъ; грохотъ умолкъ, тучи густаго дыма пронеслись, и во всемъ великолѣпнѣи своемъ представились триумфальныя ворота, съ надписью: „успокоителю отечества Николаю Первому“, привѣтствованныя громкимъ „ура!“ зрителей.

На великолѣпной аркѣ воротъ представлена была Россія, въ видѣ величавой жены, сидящей въ торжественной колесницѣ, запряженной четырьмя статными конями. Въ правой рукѣ держала она вѣнокъ, путь же ея освѣщаемъ былъ двумя славянскими всадниками, впереди которыхъ парила трубачья слава. По обѣимъ сторонамъ воротъ стояло восемь жертвенниковъ и четыре колонны; изъ нихъ ближайшія двѣ сооружены были гвардіей его величества, а двѣ дальнія, отличавшіяся корабельными носами,—флотами сѣверныхъ и южныхъ морей. Пространство между колоннами было занято военными трофеями, а на оконечностяхъ ристалища сидѣли на поверженныхъ ими волахъ два гладіатора, освѣщавшіе арену пылавшими въ ихъ рукахъ свѣтильниками. По срединѣ ристалища промчались затѣмъ нѣсколько разъ, въ огненныхъ колесницахъ, бойцы, состязавшіеся въ первенствѣ бѣга своихъ коней. Это новое явленіе въ пиротехникѣ заслужило всеобщее громкое одобреніе.

За этою блестящею декораціей, догорѣвшею при совершенной тишинѣ, горизонтъ мгновенно озарился яркимъ заревомъ; земля дрогнула, и явилось потрясающее изверженіе горы Везувія, продолжавшееся болѣе десяти минутъ. Съ оглушительнымъ трескомъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ, снопомъ изъ пятидесяти тысячъ ракетъ, сопровождаемый мириадами звѣздъ, поднялся на воздухъ и заключилъ это великолѣпное зрѣлище. За нимъ послѣдовала салютація изъ орудій, при неумолкаемыхъ крикахъ „ура!“ и звукахъ нѣсколькихъ хоровъ военной музыки, игравшихъ народный гимнъ: „Боже царя храни“.

Ихъ императорскія величества изволили отбыть въ 10 часовъ вечера, и за ними потекли густыя массы ихъ восхищеннаго народа, по направленію къ Кремлю, который въ этотъ замѣчательный день былъ освѣщенъ въ томъ самомъ видѣ какъ и въ первые три дня коронаціи, съ прибавлені-

емъ еще иллюминаціи живописно-оригинальной церкви Васи-лія Блаженнаго, воздвигнутой царемъ Іоанномъ IV Грознымъ, въ 1554 году, въ ознаменованіе благодарности Богу за покореніе Казани.

Свидѣтели празднествъ и увеселеній, сопровождавшихъ коронованія императоровъ Павла I и Александра I, единодушно утверждали, что празднества, слѣдовавшія за коронованіемъ императора Николая I, великолѣпнѣе, роскошью и вкусомъ далеко превосходили первыя. Да будетъ позволено мнѣ, бывшему очевидцемъ коронованія императора Николая Павловича, а потомъ, тридцать лѣтъ спустя, и коронованія нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича, провести паралель и между этими двумя послѣдними коронованіями.

Все, что относилось собственно до великолѣпія и пышности высочайшаго двора, какъ-то: придворные мундиры и ливреи, экипажи, упряжь, лошади и пр., отличалось, въ 1856 г., блескомъ, богатствомъ и вкусомъ, остававшими далеко за собой тѣ же предметы во время коронованія императора Николая I. Поэтому, въѣздъ въ Москву нынѣ царствующаго Императора былъ великолѣпнѣе и торжественнѣе. Длинная вереница золоченныхъ придворныхъ каретъ, во вкусѣ Екатерининскихъ временъ, обитыхъ бархатомъ, украшенныхъ по угламъ страусовыми перьями и запряженныхъ превосходными, статными лошадьми, въ богатой упряжкѣ, производила необыкновенно пышный эффектъ. Свита Императора Александра Николаевича, при въѣздѣ его въ Москву, была гораздо блистательнѣе свиты Его родителя. За государемъ слѣдовало нѣсколько великихъ князей, много иностранныхъ принцевъ, чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ, съ ихъ чиновниками, въ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ, и наконецъ собственная свита Государя была также многочисленнѣе и блистательнѣе свиты покойнаго Императора. Далѣе, въ коронацію императора Николая не существовалъ еще нынѣшній великолѣпный Кремлевскій дворецъ, возникшій лишь въ послѣдствіи, по его державной волѣ, съ его громадными и величественными орденовыми залами и роскошнымъ убранствомъ, а потому придворные балы и празднества, даваемые въ коронацію Его Императорскаго Величества, ограниченные малымъ пространствомъ прежняго Кремлевскаго дворца, не могли, въ блескѣ и грандіозности,

равняться съ балами и празднествами, данными нынѣ царствующимъ Императоромъ.

Напротивъ того, балы, данные въ честь первой коронаціи иностранными послами и русскими вельможами, далеко превосходили пышностію, изяществомъ и вкусомъ балы, данные въ коронацію императора Александра Николаевича.

Трехдневная иллюминація Кремля и его ближайшихъ окрестностей была въ 1856 году изящнѣе и блистательнѣе чѣмъ въ 1826 году. Величественный палладіумъ Москвы былъ буквально залитъ огнемъ, снаружи и внутри его историческихъ твердынь. Великолѣпенъ былъ съ его стѣнъ видъ на Замоскворѣчье, блистательно иллюминированное, причемъ особенный эффектъ произвели дома, снизу до верху установленные пылающими шкаликами, по набережной Москвы-рѣки, въ водѣ которой они отражались.

Фейерверкъ и иллюминація, заключившіе празднества послѣдней коронаціи, во многомъ уступали бывшимъ въ коронацію императора Николая Павловича. Фейерверкъ, въ особенности, не удался, по причинѣ дождливой погоды и сильнаго вѣтра, нагнавшаго густые столбы дыма на декораціи и картины и скрывшіе послѣднія отъ взоровъ зрителей.

Вообще ненастная и холодная погода, непрерывные дожди и, вслѣдствіе сего, слякоть и грязь на московскихъ улицахъ, очень много мѣшали успѣху празднествъ коронаціи Императора Александра Николаевича, тогда какъ въ коронацію Его родителя, погода, почти все время, стояла очень благоприятная. Въ 1856 году, по причинѣ проливнаго дождя, въ особенности, не удался народный праздникъ, устроенный въ этотъ разъ на Ходынскомъ полѣ. Праздникъ на Дѣвичьемъ-полѣ въ 1826 году, при лучшей обстановкѣ самого мѣста и прекрасной погодѣ, удался вполне и представилъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище.

Эшалоны гвардейскаго Московскаго отряда, одинъ за другимъ, продолжали оставлять бѣлокаменную Москву и направлялись въ обратный походъ въ Петербургъ. Послѣдній изъ нихъ (шестой), изъ л.-гв. сапернаго баталіона и гвардейской артиллеріи, выступилъ изъ Москвы 29-го сентября. Великій князь Михаилъ Павловичъ, прибывъ въ 7 часовъ утра въ казармы, занимаемыя л.-гв. сапернымъ баталіономъ, присутствовалъ при напутственномъ молебнѣ и проводилъ баталіонъ чрезъ всю Москву до Тверской заставы, а оттуда еще и

по шоссе до села Всесвятскаго, гдѣ, поблагодаривъ саперовъ за ихъ службу въ Москвѣ, великій князь простился съ ними и пожелалъ имъ благополучнаго похода. День былъ ясный и теплый. Послѣ краткаго отдыха во Всесвятскомъ, барабанщики, по-ротно, забили фельдмаршъ; саперы, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на скрывавшуюся вдали Москву и оставивъ себя знаменіемъ креста, при видѣ блиставшихъ вдали золотыхъ крестовъ ея соборовъ, церквей и колоколенъ, отправились въ обратный походъ, предшествуемые пѣснями своихъ ротныхъ пѣсенниковъ.

Наканунъ выхода изъ Москвы, 28-го сентября, происходилъ разводъ съ церемоніей, на Кремлевской площади, по случаю привезеннаго въ ночи извѣстія о совершенномъ пораженіи генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ 40-тысячной Персидской арміи, подъ предводительствомъ наследника персидскаго престола, Аббасъ-Мирзы, подъ Елисаветполемъ, (Ганжа), 13-го сентября.

Послѣ сорокадневнаго похода, при ненастной и холодной осенней погодѣ, по промывтой дождями и изрытой глубокими колеями дорогъ, лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ, 7-го ноября, вступилъ съ церемоніей въ Петербургъ, послѣ семимѣсячнаго отсутствія.

Ихъ величества оставили Москву 30-го сентября и прибыли въ Царское Село 6-го октября. Прочіе члены императорской фамиліи нѣсколькими только днями предшествовали имъ своимъ возвращеніемъ въ С.-Петербургъ.

В. Ф.

4-го декабря, 1866 года.